

В. Г. БОРУХОВИЧ

**В мире
античных
свитков**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1 9 7 6

На страницах этого научно-популярного очерка рассказывается о первых шагах, сделанных человечеством на пути создания книги — величайшего детища цивилизации. Вместе с автором читатель пройдет по залам древних библиотек и познакомится с предками современной книги, книгой-свитком и книгой-кодексом. Из Египта, ставшего родиной книги, она распространилась по всему цивилизованному миру, но только у греков и римлян она заняла центральное место в культурной жизни, став главным источником научной информации и вещественным носителем произведений художественного слова.

Одновременно читатель узнает о процессе производства первой бумаги человечества — папируса, о том, как издавалась и отделялась античная книга. Особое внимание при этом уделяется городу Александрии, где была создана величайшая библиотека древности, и Риму как центру книготорговли и книжного дела вообще.

Под редакцией профессора Э. Д. Фролова

На чем мне написать, злой гений,
На бронзе, мраморе, бумаге, пергамене?
Резцом ли, грифелем, гусиным ли пером?

Гете, Фауст

Книга — величайшее достояние человечества: ее можно назвать гигантской летописью цивилизации, важнейшим документом исторической жизни народов. В ней отражено все многообразие человеческой культуры — быт и нравы людей самых различных сословий и классов, зарождающееся и достигающее блистательных вершин искусство, научные открытия и сам процесс познания окружающего мира, думы и надежды выдающихся людей и целых общественных группировок: она сохраняет память о событиях и людях более прочно, чем бронзовые монументы и исполинские сооружения. «Где и когда технике удалось совершить хоть одно чудо, которое превзошло бы или хоть сравнилось с чудом, явленным нам тысячу лет назад в книге? Химия не изобрела взрывчатого вещества, которое могло бы так потрясти мир; нет такой стали, такого железобетона, который превзошел бы долговечностью эту маленькую стопку покрытой печатными знаками бумаги. Ни одному источнику энергии не удалось еще создать такого света, который исходит порой от маленького томика, и никогда электрический ток не будет обладать такой силой, которой обладает электричество, заложенное в печатном слове. Нестареющая и несокрушимая, неподвластная времени, самая концентрированная сила, в самой насыщенной и многообразной форме — вот что такое книга» (Стефан Цвейг).

Под натиском новых могучих средств передачи информации, какими стали радио, кино и телевидение, книга обнаружила великую жизнеспособность, продолжая оставаться для современного человека спутником сознательной жизни, от дет-

ских до преклонных лет. Но кто задумывается о сложном и трудном пути, проделанном ею до того, как занять ведущее место в культурно-историческом процессе?

По внешнему виду, оформлению и шрифту мы иногда в состоянии определить, как меняет книга свой облик. Когда войдешь в книгохранилище, где взгляду предстают ряды заполненных стеллажей и шкафов, сразу же бросаются в глаза издания последних лет: они выделяются своими яркими суперобложками, броско выписанными титулами, невольно привлекающими внимание.

Перенесемся, однако, на два столетия назад, в XVIII век, и обратимся к тем книгам, которые заключают в себе сокровища человеческого духа, созданные в этот век просветительства и растущего свободомыслия. Наше внимание привлечет знаменитая «Энциклопедия наук, искусств и ремесел» Дидро и Даламбера, 28 томов которой выходили на протяжении 1751—1772 годов. Это огромные фолианты (от латинского слова *фолиум* — лист): так называют книги форматом в половину печатного листа. Этот лист может быть сложен в два сгиба (вчетверо), и тогда издание называется ин-кварто, или в три сгиба, в восемь раз (ин-октаво: это значит, что на одной стороне листа отпечатано восемь страниц) *.

Для XVIII века характерны и издания ин-кварто. Возьмем наудачу один из томов, и, обтерев пыль с кожного потускневшего переплета, раскроем титульный лист. Большими черными и красными литерами (некоторые из них достигают дюйма в высоту) на нем отпечатаны со всеми подробностями заглавие книги, имена автора и издателя, место, где издана книга, и многие другие выходные данные — в том числе и имя сановного покровителя, содействовавшего изданию, со всеми его титулами. Это сочинение Страбона, знаменитого древнего географа. Под развернутым заголовком мы видим выгравированный рисунок, изображающий небольшой храм, внутри которого находится пьедестал с горящей свечой. Вокруг на ленте вьется надпись на латинском языке: *aliis inserviando consumor* («служба другим, сгораю»). Аллегория заставляет нас задуматься. Не символизирует ли горящая свеча подвиг ученого, зажигающего ценой своего труда и самой жизни свет истины для человечества? Здесь же представлены различные фигу-

* Форматы были созданы на основании соотношения сторон листа 1 • 1,414. Оно было выбрано с той целью, чтобы при сгибании такого листа вдвое, вчетверо или в восемь раз соотношение сторон оставалось неизменным.

ры — аллегорические изображения разнообразных наук и ремесел.

Развернем другой том. На этот раз он будет заключать в себе сочинения римского историка Тацита. Гравюра на титульном листе изображает здесь могучего героя греческих мифов Геракла, опирающегося на свою дубину. На огибающей фигуру ленте мы читаем девиз — *labore et constantia*, «трудом и постоянством». Смысл аллегии вполне ясен: историк добивается успеха только трудом и постоянством в достижении избранной цели. Труд этот равен подвигам Геракла, поэтому его фигура и украшает титульный лист книги...

...Перенесемся еще на три столетия назад. XV век — время великих географических открытий и самая заря книгопечатания в Европе. Взяв в руки книгу в почерневшем от времени переплете, вы раскроете ее, чтобы познакомиться с автором и заглавием — и с удивлением обнаружите, что ни того, ни другого на первой странице нет. Оказывается, титульный лист вовсе не был обязателен для первопечатной книги. Имя автора, заглавие сочинения и иные выходные данные напечатаны здесь в самом конце книги, на последней странице. Текст, заканчивающий эту страницу, сбегал треугольником вниз, и в этих заключительных строках, называемых колофоном, сообщаются все необходимые сведения об авторе, названии произведения, издателя, месте издания и т. п. В колофоне одной из первопечатных книг, обычно называемых инкунабулами*, — Католиконе («всеобщем словаре») Иоанна Бальба прославляется «господь, открывающий малым то, что сокрыто от мудрых», «город Майнц германской нации», который был предпочтен другим городам тем, что «его осиял такой свет разума», и, наконец, типографское искусство, с помощью которого «сия выдающаяся книга без помощи орудий письма, без калама, стила или пера», но «благодаря дивному соответствию и соотношению патронов и форм» (то-есть, пунсонов и матриц) была напечатана и изготовлена в 1460 г.

Книгопечатание было только что изобретено, и в этих словах чувствуются восторг и удивление, испытываемое мастером перед совершенно новым, невиданным искусством, которое произвело величайший переворот в процессе создания книги.

Чем дальше вглубь веков, тем необычнее становятся внешний вид и оформление книги, тем разнообразнее титульные ли-

* Инкунабулами («колыбельными книгами») называются первопечатные издания, вышедшие в свет до 1500 года.

сты, печатавшиеся с деревянных досок, украшенные гравюрами и виньетками, тем чаще встречаются расцвеченные инициалы, заставки, фронтисписы, тем более отличаются от современного расположение текста и примечаний. Последние печатаются не только внизу, но залезают иногда на поля и даже вносятся внутрь текста, набранные курсивом или петитом. Но ведь это неудобно — скажут иные, и будут, конечно, правы. Здесь сказалась сила многовековой традиции. Первопечатные издания стремились воспроизвести внешний вид рукописной книги, и это нашло отражение не только в форме литер, изготовлявшихся с помощью ручного словолитного прибора. Читатели рукописной книги писали свои примечания всюду, где для них оставалось место, внизу под текстом и на полях, притом более мелким почерком, гораздо менее разборчивым, чем основной текст, так как примечания они писали для себя. Поэтому и первопечатная книга, копируя рукописную, также стала применять особые типы шрифта для примечаний. Даже сокращения, принятые в рукописной книге, стали применяться и в первопечатных изданиях, представляя сейчас немалые трудности для неискушенного читателя. В рукописной книге сокращения были вполне естественны. Писец стремился облегчить себе длительный и кропотливый труд по переписке книги, и для этой цели применял особые знаки — лигатуры, соединяющие в себе очертания сразу нескольких букв*, обозначая специальными знаками наиболее часто встречающиеся приставки и окончания, а иногда и целые слова, не дописывая их («суспензии»), или «сжимаемая» большое слово до нескольких букв («контракции»). В печатной книге эти знаки только усложняли производство, и от них довольно скоро отказались.

Итак, история книги начинается с рукописи. От начала рукописной книги нас отделяет едва ли не пять тысячелетий, тогда как история печатной книги насчитывает немногим более пяти веков. Но количество книг, изданных за это время, неизмеримо превосходит по своей численности все, что было создано за тысячелетия существования рукописной книги. Флорентийский библиограф Фр. Маручелли (1625—1703) попытался составить полное описание всех книг, известных в его время. Описание заняло много томов и было названо им «маре магнум», «великое море». Сколько же было книг в этом «вели-

* Одна из таких лигатур дожила до наших дней, употребляясь в качестве соединительного союза (так называемый «компанейский знак», &). Ср. также знак NB, «нотабене» («заметь хорошо»).

ком море»? Оказывается, флорентиец учел около 972 000 названий...

Изобретенное в Европе около середины XV века книгопечатание стало распространяться с необыкновенной быстротой. Если до 1460 г. мы можем насчитать не более 30 изданий, то за 40 последующих лет было выпущено около 40 000 изданий общим тиражом до 12 миллионов экземпляров.

Статистика установила, что начиная с 1700 г. общее количество книг во всем мире стало увеличиваться с необычайной быстротой. Один из основателей международного библиографического института, Поль Отлэ, утверждает, что до 1 января 1900 г. вышли в свет 12 миллионов заглавий, из которых 10 миллионов падает на XIX век. В наше время во всем мире каждый год выходит в среднем до 320 000 заглавий. В СССР за 1918—1971 гг. было выпущено 2 441,7 тысячи книг и брошюр — поистине «маре магнум»!

Однако техническое превосходство современной полиграфии, превратившейся в мощную отрасль индустрии, не должно помешать высокой оценке роли рукописной книги. В течение нескольких тысячелетий человеческой истории, начиная с древнего мира и на протяжении всего средневековья до середины XV века, она фиксировала великие достижения литературы и науки, сохраняя их для потомков. Форма рукописной книги создавалась и совершенствовалась веками. Бесконечные войны, социальные катаклизмы и стихийные бедствия погубили колоссальные книжные богатства, но даже то немногое, что сохранилось до наших дней, продолжает оставаться ценнейшим фондом библиотек и частных собраний. Сберегаемые в национальных библиотеках ряда стран мира рукописные книги считаются ныне ценнейшим государственным достоянием. Они хранятся в специальных помещениях с особым температурным и световым режимом, тщательно выдерживаемой влажностью воздуха. Читатель не остается с этой книгой наедине, и ее выдают на ограниченный срок, так как прикосновение человеческих рук и излучаемое человеком тепло укорачивает срок ее жизни. С древними рукописями работают специалисты, все вновь и вновь возвращающиеся к уже прочитанным строкам...

Рукописная книга сама по себе является ценнейшим памятником искусства. Мы не перестаем восхищаться мастерством создателей этих книг, писцов-каллиграфов, переписывавших их строка за строкой. Это был тяжкий и кропотливый труд. В изготовлении рукописной книги принимали участие и художники, украшавшие ее виньетками, художественно выписанны-

ми инициалами. Они применяли для своих рисунков-миниатюр (от латинского слова *miniatur* — сурик, горная киноварь) — сочные и яркие краски, не стареющие веками, листовое золото и серебро. Над некоторыми книгами, принадлежавшими титулованным особам, трудились ювелиры, украшавшие переплет драгоценными и полудрагоценными камнями, окладами ажурной работы, выполненными из дорогостоящих материалов. «Священные книги» облекались в переплеты из слоновой кости, украшенные золотом. «Среди движимого имущества, находившегося во владении всякого учреждения церковного или монастырского типа, книги относились к той части его, которая хранилась в сокровищницах, как особо ценное достояние» .

По мере удаления вглубь веков все более редкими и ценными оказываются сохранившиеся экземпляры рукописных книг...

Где же затерялось начало этого Великого Потока Информации? Кто создал первую книгу?

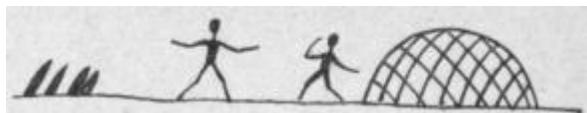
Еще на заре своей истории человек искал способа передать свою мысль себе подобным, не прибегая к личному контакту. Но должно было пройти много тысячелетий, прежде чем грубая рука первобытного человека, умевшая изготавливать лишь самые простые орудия из камня и дерева, смогла начертать сложный рисунок на стене пещеры или на скале. Мы находим эти рисунки наших предков в стоянках эпохи верхнего палеолита. Нас отделяет от них 400 веков. Первобытный человек, изображавший бизонов на потолке Альтамирской пещеры в Испании, подчеркивал в своем рисунке те черты животного, которые особенно привлекали его внимание. Мы видим необыкновенно мощные тела зверей, изображенных с поразительным реализмом, с точностью мгновенно схваченных движений. Создатель этих картин великолепно знал свою натуру, постоянно ее наблюдал и испытывал к ней интерес охотника, для которого изображенное животное являлось главным источником существования. Созданный им образ должен был сообщить определенную сумму информации другим членам рода или племени. Нам сейчас трудно решить, в чем же заключалась эта информация: на этот счет высказывались самые различные предположения. Некоторые утверждали, что рисунки имели магическое значение и должны были, после завершения над ними различных магических обрядов, обеспечить успех на охоте. Но как бы то ни было, одно остается несомненным: они родились в процессе производства и были

обусловлены его нуждами, действительными или мнимыми. В эпоху верхнего палеолита человек перешел от начальных форм охоты и собирательства к коллективным формам охоты на крупного зверя. Первобытный коллектив приобретал относительную оседлость, о чем говорят огромные скопления костей в стоянках верхнего палеолита. В пещерах южной Франции и северной Испании открыто множество памятников первобытного искусства, рисунков и красочных изображений на стенах и потолках, барельефов и даже круглых скульптур. Здесь мы можем проследить развитие первобытных форм искусства на протяжении многих тысячелетий, от раннеориньякского периода верхнего палеолита до Мадлена. Кроме животных, мы видим на этих первобытных фресках танцующих людей в масках. Некоторые картины позволяют предположить существование у их создателей особой драматизированной игры. Это первобытное искусство было связано со всей творческой деятельностью человека, с его активной и все более сознательной борьбой против стихийных сил природы: оно было способом творческого освоения действительности, познаваемой в образах.

Из этого первобытного искусства и родилось письмо, которое на первоначальной стадии своего развития было рисуночным: мы называем передачу информации с помощью рисунков пиктографией. Рисунок как информационный знак продолжает применяться до настоящего времени в системе дорожных знаков, различного рода указателях, вывесках и т. п. Египетские и хеттские иероглифы, шумерийская клинопись, критское и микенское линейное письмо, китайская письменность — все они происходят от рисунка, служившего первоначальным знаком письма*. В пиктографии туземных обитателей Аляски абстрактное понятие «ничего» обозначается знаком, изображающим человека с широко разведенными руками⁴. Поразительно, что эта же идея пришла в голову и индейцам Майя с Юкатана и древним египтянам, у которых мы находим точно такой же рисунок иероглиф с тем же значением. Но, конечно, совершенно естественно, что для понятия «дитя» и в древнем Египте и в столь удаленном от него Китае использовалось изображение ребенка, сосущего палец.

Один из древнейших памятников египетской письменности, известных нам, относится приблизительно к 2850 г. до н. э. и

* Нельзя считать простой случайностью, что русский глагол «писать» первоначально означал и «рисовать» (ср. выражения «писаная красавица», «писать картину»).

Рисунок, прибитый эскимосами Аляски к оставленному жилищу. Крайнее справа изображение — жилище, ближайшая к нему фигура символизирует понятие «питаться» (рука, протянутая ко рту). Фигурка с широко раскинутыми руками обозначает понятие «ничего». В целом весь рисунок сообщает, что в оставленной эскимосами хижине нечего есть.

(Н. Jensen. Die Schrift. В., 1969, S. 36, Abb. 26).

происходит из Иераконполя⁵. Это так называемая «палетка Нармера», представляющая собой пластину из зеленого шифера с рельефными изображениями по обеим сторонам. На одной стороне повествуется о том, как царь Верхнего Египта (это видно по бутылкообразной короне на его голове) покорил область Нижнего Египта, Дельты. Имя царя, помещенное в самом верху таблетки, начертано с помощью двух иероглифов, изображающих рыбу и бурав. Название покоренной страны⁶ передано иероглифами, изображающими гарпун и озеро. Выше этих иероглифов изображен сокол (символ бога Хора, покровителя Верхнего Египта — и одновременно символ самого фараона), который держит в когтях веревку, привязанную к вросшей в землю человеческой голове. Из земли поднимаются шесть листьев, что указывает на шесть тысяч поверженных врагов (иероглиф, изображающий листок лотоса, служил для обозначения тысячи). В нижнем ряду фигур мы видим двух врагов царя, поверженных ниц. Над одним из них помещен зубчатый четырехугольник со знаком внутри (очевидно, название крепости, захваченной фараоном).

На другой стороне таблетки мы видим фараона уже в короне Нижнего Египта победно шествующим по полю битвы. Перед ним выступает визирь с письменным прибором в руках — по-видимому, для того, чтобы регистрировать число убитых врагов. На поле лежат уложенные в ряды обезглавленные трупы врагов. Шествие возглавляют четыре знаменосца с гербами подчиненных фараону номов.

Описанные барельефы представляют собой настоящую историческую хронику, повествующую о победе, одержанной царем Верхнего Египта. Здесь сохраняет значение пиктографический способ передачи информации — хроника начертана

знаками, еще близко стоящими к рисуночному письму. Но тут же мы сталкиваемся и с достигшим определенного развития фонетическим письмом — иероглифы, передающие собственные имена, являются фонограммами, фонетически написаны слова «визирь», «служить».

В египетском иероглифическом письме рисунок-идеограмма (знак, передающий понятие) стал превращаться в фонограмму (знак, передающий звук или группу звуков) очень рано. Превращение идеограммы в фонограмму означало, что предметное значение рисунка уже оставлялось без внимания, и в зарождающейся системе письма сохранялась лишь звуковая сторона знака (принцип «ребусного» написания: так, русское слово «колчан» можно передать рисунком, изображающим этот предмет, и тогда перед нами будет идеограмма, но это же слово можно передать двумя рисунками, из которых один будет изображать кол, а другой — большой сосуд, чан, и тогда оба эти знака будут фонограммами). В языках семитохамитской группы, к которой принадлежал язык древних египтян, смысловое значение, слова определялось прежде всего составом согласных, и поэтому создавалась возможность одной фонограммой передавать слова, имевшие одинаковый состав согласных, следующих в том же порядке. Поэтому знак «корзина» («неб» по-египетски) стал обозначать все слова, имевшие такой же состав согласных — например, существительное «господин», прилагательное «каждый», глагол «плыть» и т. д. Но здесь могла возникнуть двусмысленность, и чтобы ее избежать, египтяне использовали различные вспомогательные знаки и детерминативы — идеограммы, указывающие, к какому классу понятий относится слово, или же точно конкретизирующие понятие, написанное с помощью фонограмм. Кружок с точкой посередине был идеограммой солнца и читался Р э. Но когда нужно было написать имя бога Ра, рядом с этим иероглифом помещался детерминатив, изображение сидящего божества. Когда идеограмма должна была быть употреблена в «прямом» идеографическом значении, под ней (или рядом) ставился диакритический знак, вертикальная черта, означающая «так читай!». Фонограммы египетского иероглифического письма могли обозначать один, два, три и даже четыре согласных звука, причем число знаков, обозначающих один согласный, было доведено до 24. Это давало возможность создания чисто фонетического (буквенного) письма, но этот принцип так и не был осуществлен в древнеегипетской письменности. Создателями буквенного письма обычно считаются финикий-

цы, от которых знаки письма усвоили греки, и уже от них — все остальные народы Европы.

Превращение идеограмм в фонограммы позволило написать слова, которые невозможно было передать с помощью рисунка — наречия, прилагательные, служебные слова и т. п. Разумеется, процесс превращения идеограммы в фонограмму был длительным и сложным; при этом немалую роль играла структура самого языка.

В памятниках египетской культуры искусство и письменность оказались слитыми воедино, и даже в позднейшие эпохи египетской истории, когда письменность достигла уже высокого развития, длинные ряды иероглифов, начертанные на фресках гробниц или вырезанные на колоннах, гигантских храмов Луксора или Карнака с непередаваемым изяществом и красотой, служили не только для передачи информации, но были одновременно и художественным орнаментом, украшавшим стену, пилон или колонну.

Для того, чтобы зародившаяся письменность привела к возникновению книги, потребовался ряд условий. Прежде всего зарождающаяся цивилизация должна была ощутить настоятельную потребность в составлении определенной системы текстов, связанных между собой по какому-то внутренне присущему им единому признаку. Такими текстами стали ранее всего документы хозяйственной отчетности, памятники права и собрание религиозных формул и памятников («священное писание»). Но, конечно, нужен был и материальный носитель знаков письма, который обладал бы достаточной прочностью, был бы недорогим и легко доступным, на котором можно было без особого труда, ясно и отчетливо изображать знаки письма.

Своеобразный писчий материал был найден древнейшими обитателями Двуречья, жившими на самом юге этой страны — шумерийцами. Главным естественным богатством этого района была глина: местные жители строили из нее свои жилища, храмы богов, изготавливали из нее посуду, светильники, гробы. Даже человек — и тот, согласно древнему шумерийскому мифу, был сотворен из глины. Запасы этого материала были практически неисчерпаемы. Поэтому в районе Южного Двуречья материальным носителем знаков письменности стали глиняные таблечки, широко употреблявшиеся здесь уже в начале III тыс. до н. э. Лишь к первому веку до н. э. глиняные таблечки оказались вытесненными в этом районе более удобными и портативными материалами — папирусом и пергаменом.

В подавляющем большинстве глиняные таблечки имели

небольшие размеры: наиболее распространенным был «формат» около 5X5 см. Знаки нанесенного на них текста оказываются иногда настолько мелкими, что их приходится читать с помощью лупы. Систему письма шумерийцев и сами знаки принято называть клинописью: она была оригинальным изобретением этого народа. Самые древние памятники шумерийской письменности состоят из линейных рисунков, нанесенных на поверхность сырой глиняной таблечки, которая затем обжигалась. Позднее писцы стали не рисовать, а вдавливать знаки (на сырой глине такой способ наиболее удобен). Для этой цели употреблялся тонкий тростниковый стержень, имевший в обрезе форму маленького треугольника. В сочетании с линией он образует на материале оттиск, похожий на клин. Так возникла клинопись — система письма, в которой знаки составляются из комбинаций вертикальных, горизонтальных и косых клиньев. Иногда пара клиньев соединяется, образуя угол. Знаки клинописи, которую у шумеров переняли и широко распространили на Ближнем Востоке вавилоняне и ассирийцы, были первоначально идеограммами (это значит, что рисунки передавали целые понятия и слова). Затем они стали употребляться для фонетического обозначения слогов, из которых составлялось слово, уже не связанное по смыслу с первоначальным значением рисунка, ставшего фонетическим знаком.

Глиняные таблечки стали материальной основой высоко развитой письменности. Во второй половине III тысячелетия до н. э. в шумерийской литературе были представлены самые разнообразные жанры: мифы и эпические сказания в стихах, гимны богам, поучения, басни о животных, пословицы и поговорки. Американскому шумерологу Сэмюэлу Крамеру повезло обнаружить древнейший в мире «библиотечный каталог», помещенный на таблечке в 6,5 см длины и около 3,5 см ширины. Писец сумел на этой крохотной таблечке написать названия 62 литературных произведений. «По крайней мере 24 названия из этого каталога относятся к произведениям, которые частично или полностью дошли до нас», — пишет автор. Интересно отметить, что в качестве заглавия литературного произведения шумерийские писцы употребляли начало первой строки литературного текста (подобно папским буллам, которые также называются по первым словам).

В древнем Двуречье писцы были привилегированным сословием и делились по рангам — ученые шумерологи различают старших и младших писцов, храмовых, царских и т. д. Некоторые из них занимали высокие государственные посты.

Школы древнего Шумера, в которых искусству письма обучались юноши из господствующих классов, были одновременно и своеобразными литературными центрами.

Так как в шумерийской клинописи одни и те же знаки могли иметь различное значение и звучание, для их правильного прочтения необходим был большой опыт. Удерживать в памяти все правила было просто невозможно, и писцы пользовались особыми справочниками и словарями. Остатки шумеро-вавилонских словарей и грамматических наставлений, которыми пользовались писцы древнего Двуречья, найдены в большом количестве в библиотеке ассирийского царя Ассурбанипала (VII в. до н. э.). Этот царь был, по-видимому, большим любителем книг — он собрал в своей библиотеке свыше 100 000 глиняных таблечек. Примерно пятая часть этого книжного богатства была обнаружена археологами, проводившими раскопки на месте его дворца (находки хранятся в Британском музее).

Вавилонская клинопись в эпоху расцвета древневавилонской культуры становится международной системой письменности, а вавилонский язык — международным дипломатическим языком. Египетские фараоны, современники знаменитого вавилонского царя Хаммурапи (XVIII век до н. э.), переписываются с палестинскими князьками на вавилонском языке. На месте древней столицы фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) были найдены тысячи глиняных таблечек, исписанных клинописью (знаменитый архив Телль-эль-Амарны, как по-арабски называется это место в современном Египте).

Однако, египтяне не переняли шумеро-вавилонской системы письменности и вместе с ней — форму глиняной клинописной книги, так как к тому времени, когда клинопись стала широко распространяться, у египтян была уже своя собственная глубоко разработанная система письма. До нашего времени сохранился любопытный памятник египетской письменности, так называемое «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, представляющее собой своеобразную «сатиру на ремесла». Среди прочих профессий, которые вызывают порицание автора, мы находим и профессию курьера. Когда он отправляется в далекий путь за границу, у него «кирпич за поясом». Некоторые исследователи склонны интерпретировать это выражение в том смысле, что курьер должен доставлять тяжкий груз глиняных таблечек, содержащих дипломатические документы. Если принять это толкование, то отсюда также вытекает, что египтяне с презрением относились к письменности на глиняных таблечках.

14

Но в то время как египтяне отказались от системы шумеро-вавилонской письменности и формы глиняной книги, обитатели древнего Крита, условно называемые минойцами, также использовали для письма глиняные таблечки, глиняные диски и ярлыки. Артур Эванс, открывший древнюю культуру на Крите, названную им Минойской, обнаружил в минойских дворцах тысячи глиняных таблечек, исписанных особым линейным письмом. Появление на Крите такого рода письменных документов Эванс был склонен приписать влиянию Сирии или Малой Азии¹². Эту форму письменности в свою очередь заимствовали греки Микенских государств (XV—XI вв. до н. э.), оставившие нам ряд таблечек, исписанных Микенским линейным письмом Б¹³. В южном Пелопоннесе у деревни Ано Эглианос американский ученый Карл Блеген и греческий ученый Курониотис открыли архив так называемого «пилосского дворца», состоявший из 600 глиняных таблечек. Тексты были процарапаны на глине, высушенной на солнце. Вскоре после изготовления таблечек дворец был сожжен, и эти глиняные документы, обожженные в огне, затвердели, приобретя свойство кирпича — это способствовало их сохранению.

Микенская культура пала на рубеже XII—XI вв. до н. э. под ударами новых завоевателей, греков дорического племени. Вместе с центрами микенской культуры погибла и микенская письменность. Пережиточные ее формы сохранялись в историческую эпоху только на Кипре, в виде кипрского силлабария — системы письма, применявшейся жившими на Кипре греками еще в V—IV вв. до н. э.

В IX—VII вв. до н. э. ведущим в культурном отношении племенем греков становятся ионийцы. Ионийский город Милет выступает в это время в качестве центра греческой культуры. Милетяне проникают в самые отдаленные районы Средиземноморского бассейна. Многочисленные колонии Милета возникают по берегам Пропонтиды и Черного моря (называвшегося в древности Понтом). Здесь, в Ионии, были созданы поэмы Гомера, она же стала родиной философии и науки; здесь впервые зародились прозаические жанры греческой литературы, которые могли существовать и развиваться только в виде книги.

В древнейший период в Ионии распространенным писчим материалом были шкуры коз и овец. Геродот сообщает об этом следующее: «Ионийцы называют книги кожами, так как некогда, в связи с недостатком папируса, они использовали кожу овец и коз» (V, 58). Геродот употребляет в этом месте своего

15

сочинения термин «дифтера», но этот термин встречается и в микенских надписях, обозначая, по-видимому, должностное лицо, связанное с доставкой¹⁴ каких-то письменных документов (в форме «дифтерафорос»).

В качестве писчего материала греки использовали также и свинцовые пластины. Путешественник Павсаний упоминает в своем труде «Описание Эллады» (IX, 31, 4) о поэмах Гесиода, записанных на свинцовых пластинах. На небольших пластинках из свинца писали письма — одно из¹⁵ таких посланий открыто на острове Березань совсем недавно. Небольшие свинцовые пластинки с текстами, содержащими заклинания, или магическими формулами, отпугивающими злых духов, вкладывались вместе с покойником в могилу. Свинец имел определенные преимущества перед другими материалами — он надолго сохранял нанесенные на него знаки письма и меньше поддавался влиянию внешней среды. Писали по свинцу острым стержнем, металлическим или костяным.

Римляне в самую раннюю пору своей истории, когда письменность только входила у них в употребление, писали па древесном лыке (liber): этим же словом у них стала называться книга. Памятники римского письма на этом материале не сохранились, но ближайшим аналогом могут, по-видимому, послужить русские берестяные грамоты, найденные в довольно большом количестве Новгородской археологической экспедицией в 1951 и последующих годах. О том, что береста использовалась в древней Руси для письма, имелись и письменные свидетельства — об этом упоминает Иосиф Волоцкий в рассказе об обители Сергия Радонежского¹⁶. Как показали находки, текст наносился на бересту процарапыванием. Обычно использовалась для письма внутренняя сторона бересты, более гладкая. Инструмент для письма был найден в том же раскопе, где были обнаружены грамоты: это был заостренный костяной стержень с отверстием¹⁷ сверху для того, чтобы носить его подвешенным к поясу.

Древние германцы писали свои рунические тексты на буквых дощечках (Buchenholz), откуда и слово «Buch», книга. Знаки наносились процарапыванием (Writan), откуда и происходит английский глагол write, писать (одного корня с немецким ritzen, царапать).

Для больших текстов древние римляне использовали ткани. Древнейшие религиозные тексты, содержавшие, как можно предполагать, описание обрядов при жертвоприношении, назывались «либри линтеи», льняные книги. Они хранились в

храме Юноны Монеты. Особо важные документы, рассчитанные на длительное хранение, писались в Риме на шкуре быка. Как сообщает Дионисий Галикарнасский в своей книге «Римская археология» (IV, 58), в храме богини Верности хранился договор, заключенный между Римом и городом Габии. Текст договора был начертан на бычьей шкуре, натянутой на деревянный щит.

Но и глиняные таблетки, и свинец, и древесное лыко, и даже кожа на первых порах не стали материальной основой той книги древности, которая оказалась предком современной европейской. Чтобы стать прародителем величайшего детища цивилизации, эта древняя книга должна была обладать способностью распространять в большом количестве экземпляров широко доступную информацию. От материала, из которого она изготовлялась, требовались максимальные удобства для нанесения большого количества знаков письма. Книга должна была быть удобной для чтения, хранения и транспортировки. Необходимость в таком материале стала особенно ощутимой тогда, когда возросла потребность общества в записи определенного рода текстов, вошедших во всеобщее употребление, как уже говорилось выше. Впервые в истории человечества такая возросшая необходимость дала себя знать с особой силой в древнем Египте: именно египтянам принадлежит изобретение наиболее удобного писчего материала, папируса, ставшего материальной основой египетской, а затем и греко-римской книги на протяжении долгих веков. Слово «папирус» стало обозначать бумагу на многих языках Европы (ср. нем. Papier, франц. papier, англ. paper и т. д.). В Египте впервые получила широкое распространение папирусная книга-свиток. До нас дошли десятки тысяч папирусов из Египта, но это ничтожная доля того колоссального богатства, которое было создано древнеегипетской культурой на протяжении более чем трех тысячелетий ее существования. Папирус стал главным писчим материалом древности. Греки и римляне чаще называли его харта: тем же термином стали называться и целые свитки (от слова харта происходит термин «хартия», как называются иногда особой важности, в основном старинные документы).

В Элладу мощным стимулом к развитию книжного дела послужило возникновение литературной прозы в конце VII — начале VI вв. до н. э. Эпические песни и произведения лирической поэзии могли существовать и без записи, передаваясь из уст в уста без особой порчи текста, так как строгий ритм, кото-

рому подчинялся стих, затруднял подмену одного слова другим (ср. русскую поговорку «из песни слова не выкинешь»). Хранительницей прозаического текста должна была стать книга, а не живая и переменчивая человеческая память (надолго сохранить в народной памяти большое литературное произведение, написанное прозой, практически невозможно). Нужный им материал для производства книги греки взяли у египтян: как мы увидим ниже, Египет был единственной страной, производившей папирус.

Употребление писчего материала из кожи, называемого пергаменом (по имени малоазиатского города Пергама, где, согласно традиции, производство этого материала было впервые широко развернуто), вошло в моду только со II века до нашей эры*. Долгое время папирус и пергамен существовали рядом, причем преобладали папирусные свитки. Только со II века нашей эры кодексы из пергамена начинают постепенно вытеснять папирус.

Но прежде чем мы познакомимся с тем, как изготавливалась и как выглядела античная книга, необходимо сказать несколько слов об оригинальном орудии письма в античности, находившем самое разнообразное употребление в повседневной жизни образованных людей греко-римского мира — о восковых табличках. Как мы увидим ниже, они оказали существенное влияние на развитие античной книги, послужив прообразом книги-кодекса.

* Существует иное произношение и написание слова «пергамен» — пергамент (см. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1968, с. 489). Однако, форма «пергамен» представляется более правильной (греч. Περυαμηνη, лат. pergamina, собственно «пергамская» — имеется в виду харта). Слово pergamina засвидетельствовано в эдикте о ценах римского императора Диоклетиана от 301 г. нашей эры.

Глава II

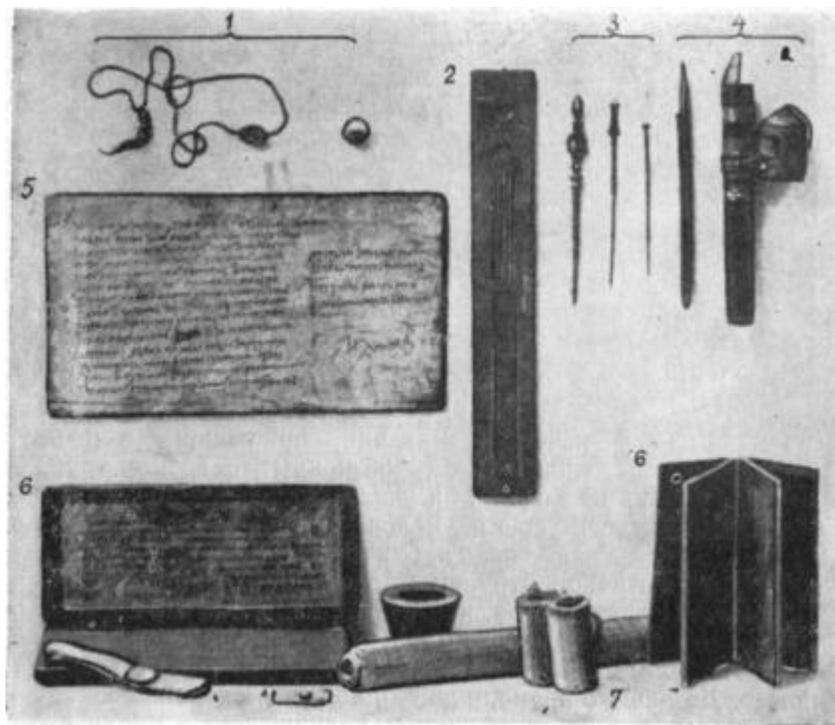
ВОСКОВЫЕ ТАБЛИЧКИ

Там все-таки, скажу без хвастовства я,
Как следует учили нас, ребята,
Я греческие буквы забываю,
Но многое я помню — verbum sat.

Байрон, Дон-Жуан

Греческий мальчик, пришедший в школу, приносил с собой покрытые воском таблички. Положив их на колени, он учился писать буквы и слоги, выцарапывая своей еще неумелой ручонкой слова родного языка. Самая древняя такая табличка открыта археологами на территории античной Этрурии (Марсилиано). Она относится к началу VII века до н. э. и вырезана из слоновой кости. По краю ее начертана греческая азбука, едва ли не древнейший из известных нам вариантов: знаки ее написаны еще справа налево. До нашего времени дошли образцы античных «школьных тетрадей», и на одной из них, хранящейся в Берлинском музее, мы читаем выведенную учителем и старательно четыре раза повторенную учеником пропись: «Будь прилежен, мальчик, чтобы тебя не выдрали».

Восковыми табличками пользовались и взрослые. Поэт и ученый, государственный деятель и финансист набрасывали на них свои черновые записи или использовали для составления определенного рода документов. Обычно эти таблички изготавливались из бука, дуба и других твердых пород деревьев. Края табличек были приподняты, до их уровня наливался расплавленный воск: его разглаживали трапециевидным скребком. По застывшему воску писали продолговатым стальным стержнем: один конец его был заострен, другой оканчивался лопаточкой. Если запись чем-то не удовлетворяла пишущего или же в ней миновала надобность, воск заглаживали лопаточкой, предварительно его подогрев, после чего писали вновь по этой же табличке. Стержень этот у римлян назывался стиль (отсюда ведет свое начало не только соответствующий лите-

1. Перстень, которым запечатывались свитки, и оттиски его на шнурах и папирусных лентах. 2. Палетка древнеегипетского писца с тростниковыми стержнями и углублением сверху для разведения туши. 3. Образцы металлических стержней, стилей, которыми писали на восковых табличках. 4. Цилиндрический пенал для хранения каламов с привязанной к нему чернильницей. Весь письменный прибор писец затыкал за пояс. 5. Деревянная табличка, на которой писали древние школьники. 6. Восковые таблички, послужившие прообразом книги-кодекса, диптих и полиптих. 7. Бронзовая двойная чернильница римского времени, для красной и черной туши. Позади нее свиток папируса.

(Jbscher R. Papyri als Zeugen antiker Kultur, В., 1949, Tat. 7)

ратурный термин, но и название небольшого кинжала — стилет). «Чаще оборачивай стиль» — советовал начинающим авторам великий римский поэт Гораций (Сатиры, I, 10, 72), подчеркивая тем самым необходимость тщательной отделки

литературного произведения. Выражение «оборачивать стиль» получило значение «редактировать», «исправлять». В «Латинской антологии» (1,286) мы находим даже стихи, посвященные этому орудии письма:

Плоский сверху, меняю я вид, устремлялся книзу,
Той и другой стороной обращаюсь для службы различной:
Верхняя часть отменяет все то, что содеяно нижней.

Римский теоретик ораторского искусства Квинтилиан советует начинающему оратору писать только на восковых табличках — на них очень легко стирать написанное (X, 3,31). Кроме того, необходимость часто опускать калам в чернила задерживает свободное развитие мысли. При этом Квинтилиан советует выбирать не очень длинные таблички — он сам знал молодого человека, который писал очень длинные сочинения, потому что оценивал творческий труд по числу строк. Этот недостаток можно устранить простой заменой длинных табличек меньшими.

На помпейской фреске «Дома Либания» мы видим юную поэтессу, держащую в левой руке восковые таблички, а правой мечтательно прижимающую заостренный конец стила к губам. Взгляд ее задумчиво устремлен вдаль.

Так называемая «поэтесса» — девушка, держащая восковые таблички (полиптих) в левой руке и стиль — в правой.

Фреска из Помпей,
I в. нашей эры

Судя по сохранившимся образцам, а также произведениям изобразительного искусства, стиль мог иметь самую разнообразную форму — веретенообразную, форму узкого листа, сужающегося посередине, и т. п.

Греки называли покрытую воском табличку «Дельтион», дельтой, — вероятно, потому, что в глубокой древности они имели треугольную или трапециевидную форму. Края табличек просверливались, а в отверстия продевались шнуры (или ремешки, кольца), соединявшие вместе две или большее число табличек. Две связанные вместе таблички назывались диптихом, три — триптихом, четыре и более — полиптихом. Такой диптих упоминается Геродотом, когда историк сообщает о хитрости, к которой прибегнул спартанский царь Демарат, чтобы передать своим согражданам весть о готовящемся походе царя Ксеркса против эллинов (VII, 239). Демарат соскоблил с диптиха («дельтион диптихон») воск, написал письмо на поверхности самого дерева, а затем покрыл всю запись воском. Это было сделано им с той целью, чтобы скрыть содержание письма от персидской дорожной охраны, которая могла бы задержать нарочного. Таблички были затем доставлены в Спарту и там прочтены. Чистые восковые таблички не могли вызывать подозрений: это был обычный предмет обихода грамотного человека.

Восковые таблички служили для ежедневных записей, напоминали о делах, которых не следовало забывать, о долгах и обязательствах, служили черновиком текстов, которые затем переносились на папирус и пергамен. Запечатанные таблички применялись для составления завещаний, для передачи секретных распоряжений начальствующих лиц, для разнообразных заявлений, расписок и даже доносов. Часто они служили письмом, на котором адресат, стерев написанное, тут же писал свой ответ. Живший во второй половине I в. до н. э. римский поэт Проперций горько сожалеет в одной из своих элегий (III, 22) о пропаже табличек, так часто курсировавших между ним и его возлюбленной — хотя они были просты и непрезентабельны на вид. «Теперь, — грустил он, — какой-нибудь скряга пишет на них свои счета...»

Документы, которые автор хотел сохранить втайне, запечатывались его личной печатью. В III речи против Катилины Цицерон упоминает о печати одного из заговорщиков, Лентула: на ней был изображен дед Лентула. Светоний подробно описывает личные печати императора Августа. Вначале Август пользовался печатью с изображением сфинкса, затем сменил ее на печать с портретом Александра Македонского. В конце жизни он стал пользоваться печатью со своим собственным изображением, и эта печать перешла затем к последующим принцепсам, его преемникам.

Афина, пишущая на восковых табличках.
Рисунок на греческой вазе V века до нашей эры

Архивы восковых табличек хранились в домах знатных римлян в специальном помещении, называвшемся «таблинум» (от латинского слова *tabula* — табличка). О множестве подобного рода табличек, хранящихся в домах знатных римлян, пишет и Плиний в своей «Естественной истории» (XXXV, 7)². Плиний называет их при этом «кодексами». Как мы увидим ниже, название это перешло затем на рукописную книгу той формы, которая стала наиболее употребительной в конце античности.

Богатые люди пользовались роскошными табличками, изготовлявшимися из слоновой кости. Они отделывались золотом, наружная сторона их украшалась барельефом художественной работы. Римские консулы, вступая в должность, дарили такие таблички своим знакомым и друзьям в качестве новогоднего подарка. Именно на таких табличках знатные люди набрасывали черновики своих документов или писем, и уж после диктовали их своим рабам-переписчикам («либrarianам»). Как сообщает Цицерон, Цезарь имел при себе семь таких либrarianев (Pro Sulla, 14).

Писали на таких табличках обычно курсивом, беглым письмом, если, разумеется, владелец их не был школьником, учившимся каллиграфии. Общеизвестные начертания букв латинского алфавита, представленные на эпиграфических памятниках — надписях на бронзе или камне — изменены в курсиве до неузнаваемости. Долгое время европейские ученые вообще не могли прочесть это курсивное письмо. На первый взгляд, оно состояло из отдельных линий, штрихов и дужек, в которых очень трудно было угадать знаки латинского алфавита. Некоторые к тому же были очень похожи друг на друга, хотя обозначали различные буквы.

Впервые в Европе этот курсив прочел Иоганн Массман, издавший тексты восковых табличек римской эпохи, относившихся к 131 — 167 гг. нашей эры. Они были найдены в древнеримских золотых рудниках в Трансильвании, близ Абрудбани, в конце XVIII — начале XIX века. После нескольких лет работы Массману удалось «дешифровать» курсив, и книгу, посвященную этим табличкам, он выпустил в свет в 1840 г.³ В ней он писал: «Тому, кто принимается читать эти таблички, знаки которых я бы назвал едва различимыми, очертания отдельных букв вначале представляются расплывшимися даже при самом пристальном рассмотрении. Они как бы сливаются между собой, пока продвигающемуся шаг за шагом не блеснут первые

учи света из глубокого мрака. Именно это и произошло со мной». Работы Массмана получили мировую известность.

Наиболее значительные находки античных восковых табличек относятся ко второй половине XIX — началу XX века⁴. В конце XIX в. голландец Ван Ассендельфт де Конинг подарил Лейденской библиотеке 7 табличек, составлявших целый полиптих. Их приобрел в 1881 г. в Пальмире его брат, офицер голландского флота. Все они были исписаны с обеих сторон, кроме первой, внешняя сторона которой была совершенно гладкой (она играла роль современной обложки). Подобно большинству известных нам табличек, «Ассендельфтовские таблички» были вырезаны из бука. Темный оттенок покрывавшего их воска, возможно, объясняется тем, что к нему добавлялась смола — отчего процарапанные буквы становились более заметными.⁵ Форма табличек была почти квадратной — 14,5X12 см⁷.

Оборот первой таблички содержит стих из поэмы Гесиода «Труды и дни». Он тщательно выписан округлыми и ровными буквами и без сомнения представляет собой пропись, оставленную в этой «школьной тетради» учителем — это образцовое выполненное упражнение в каллиграфии. На остальных табличках записаны басни Бабрия — «Больной ворон», «Лев и бык», «Куропатка и земледелец», «Укушенный муравьем и Гермес», «Бык и козел», «Лев и лисица». Бабрий действительно был излюбленным школьным автором, что объясняется, прежде всего, нравоучительной тенденцией, которой пронизаны его басни. При сравнении с дошедшими до нашего времени рукописями произведений Бабрия «Ассендельфтовские таблички» оказались полны ошибок, пропусков, а иногда и добавлений. Это не должно нас удивлять: перед нами школьная тетрадь и притом не самого лучшего ученика.

В связи с «Ассендельфтовскими табличками» уместно вспомнить найденные в 1891 г. в Египте мимы Геронда, писателя III в. до н. э. Эти мимы представляют собой небольшие комические сценки из народной жизни, нарисованные в грубо реалистической, скорее даже натуралистической манере. В миме «Учитель» вдова Метротима приводит к учителю своего отбившегося от рук сына Коттала, горько жалуясь при этом, что сын ее совсем забыл, где находится дверь школы:

...А вот доска эта
Что каждый месяц я усердно тру воском⁶,
Сироткой бедною лежит себе тихо

У ножки ложа — той, что у самой стенки,
Пока в нее, как в страшный Ад, не бросит взора,
И, букв не написав, не дернет слой воска...

Палеографические соображения позволяют сделать заключение, что время, к которому относятся таблички, близко ко времени жизни самого Бабрия (II век нашей эры). Но совершенно ясно, что «Ассендельфские таблички» не могут быть отнесены ко времени после 272 года — в этом году Пальмира была уничтожена озверевшими солдатами Аврелиана и перестала существовать как город.

В отделе египтологии Государственного Эрмитажа хранятся две деревянные таблички, изданные в свое время Г. Ф. Церетели. Величина первой из них — 31X17,5 см при толщине в 0,7 см. Эта табличка не покрывалась воском, и древнеегипетский школьник писал на ней, смывая написанное, когда в нем миновала надобность. На лицевой стороне двумя разными почерками написаны 20 строк письмом, которое принято называть уставным. Первые пять строк написаны ровным изящным почерком, буквы слегка наклонены вправо. Как отмечает издатель текста, Г. Ф. Церетели, «на всем письме лежит печать твердой и опытной руки»:

ΕΘΙΖΕΣΕΑΥΤΟΝΥΠΟ ΜΕΝΙΝΟΡΓΑΣΦΙΛΩΝ||
ΚΑΙΠΑΝΤΑΣΕΞΙΣΣΕΒΟ ΜΕΝΟΥΣΣΕΘΣΘΕΟΝ||
ΓΟΝΕΙΣ ΤΕΙΜΑ

Затем следуют две строки, по-видимому, написанные ранее и полустертые. Восьмая и последующие строки представляют собой троекратное повторение первых пяти, но уже другой рукой — рукой ученика. Ученик старался воспроизвести письмо учителя, но это ему плохо удавалось: время от времени он сбивается, начинает связывать буквы, они то разъезжаются в разные стороны, то находят одна на другую. К концу упражнения почерк ученика становится все хуже и хуже — видно, что он старался поскорее избавиться от неприятного занятия. Помимо этого, он сделал много орфографических ошибок: так, он три раза вместо сигмы написал омикрон!

Первые четыре строки прописи, которую пришлось повторять ученику, представляют собой двустилишие — два ямбических триметра, причем каждый из них отделен знаком — двумя вертикальными штрихами. В таком ритме обычно звучат греческие пословицы, и поговорки, дошедшие до нас в большом

количестве. Смысл этого двустилишия можно передать по-русски (сохраняя ритм подлинника) следующим образом:

Учись спокойно гнев друзей переносить —
И все как бога будут чтить тебя всегда.

Можно представить себе, по какому поводу мальчугану была задана такая пропись. Возможно, он подрался со своими сверстниками, и учитель решил наказать его, задав ему написать это двустилишие несколько раз.

Пятая строка тоже носит нравоучительный характер, и содержит мораль, древнюю как мир. Она гласит:

Почитай родителей!

Вторая табличка покрывалась воском. Размеры ее — 15X17,7 см при толщине 0,5 см. Лицевая сторона ее имеет углубление, покрытое тонким слоем побуревшего от времени воска. Ширина края, окружающего углубление, — 1,3 см. В нем имеются отверстия для шнурков или ремешков, которыми эта табличка связывалась с другими.

На этой табличке мы находим шесть строк уставного письма, прекрасно сохранившегося и относящегося к III в. нашей эры:

ΑΠΑΝΤΑΜΕΝΤΑ ΖΩΑΠΙΜΠΛΑΤΕ ΤΡΟΦΗΣ|| ΚΕΡΔΟΥΣ
ΔΑΠΑΝΣΤΟΝΕΣΤΙΝ ΤΟΑΝΘΡΩΠΩΝΓΕ ΝΟΣ|| ΦΙΛΟΠ[ΟΝΕΙ]

Этот текст также укладывается в два ямбических триметра, отделенных друг от друга тем же знаком — двумя вертикальными штрихами. Двустилишие включает в себе следующую мораль:

Животных просто всех насытить: лишь один
Безмерно жаден до корысти человек.

За двустилишием следует обычно встречающееся в греческих «школьных тетрадах» слово:

Старайся!

Приведенный выше текст был также прописью, которую учитель написал для своего ученика, но таблички, где ученик эту пропись повторял, не сохранились.

В 1868 г. Фрёнер издал четыре таблички марсельского музея, где мы также находим прописи учителя, с добавлением слова «старайся!», трижды повторенные учеником. На одной из этих табличек можно увидеть ошибку ученика, исправленную учителем.

Одна из самых замечательных находок восковых табличек была сделана во время раскопок в Помпеях 3—5 июля 1875 года в богатом доме помпейского финансиста Люция Цецилия Юкунда. Над портиком перистилия его дома были открыты остатки сундука, в котором хранились около 127 диптихов и триптихов. Сохранность их оставляла желать лучшего: они были обуглены и крошились в руках. Помимо этого, жар вулканического пепла и падающих камешков расплавил воск во многих табличках и сделал текст, а также оттиски печатей трудно различимыми. Значительную часть их, однако, сумел прочесть и подготовить к печати директор Неаполитанского музея Джулио да Петра. Документы, сохранившиеся на этих табличках, относятся в большинстве случаев к 53—62 гг. нашей эры, и только два — к более раннему времени (15 и 27 гг. н. э.).

Прежде чем перейти к содержанию этих табличек, необходимо сказать несколько слов о характере занятий их владельца. Деятельность его была связана с аукционами, занимавшими особое место в экономической жизни римского общества конца республики и эпохи ранней империи. Лицо, желавшее продать свою собственность — товары, имение, рабов — или же сдать эту собственность в аренду, или, наконец, предлагавшее взять на себя выполнение каких-то работ, обращалось к публике через аукционатора, бравшего на себя, на комиссионных началах, устройство аукциона. Аукционатор брал на себя получение денег от покупателя, и вообще все возникавшие в процессе аукциона споры разрешались между аукционатором и покупателем, а не собственником продаваемого имущества. Последний имел дело только с аукционатором, или, как его еще называли, коактором. Коактор совершал крупные сделки на кредитных началах и поэтому должен был располагать большими суммами.

Большинство восковых табличек, найденных в доме Цецилия Юкунда, представляют собой триптихи — три таблички, связанные шнурком. В отличие от триптихов, которые исследовал Массман, помпейские триптихи состоят из табличек, имеющих углубления, заполнявшиеся воском и предназначенные для письма только на 2, 3 и 5-й страницах. На 2 и 3-й страницах писался главный текст документа, затем первая и вторая таблички связывались (так, что вторая и третья страницы триптиха оказывались закрытыми), и в специальном желобке посередине гладкой четвертой страницы пропускался шнурок (на этой странице, как уже указывалось, никакого текста не

писалось, и воском она не покрывалась). Пропущенный в желобке шнурок скреплялся печатями «сигнаторов» — свидетелей, присутствовавших при заключении сделки, причем каждый из них ставил свою подпись рядом со своей печатью, чернилами по дереву.

Документы, о которых идет здесь речь, представляли собой расписки в выплате и получении денег от коактора Цецилия Юкунда. Текст главного документа, о котором выше шла речь, писался рукой самого Юкунда. На 5-й странице триптиха писался второй документ, имевший меньшее значение, рукой кредитора — это была расписка в получении денег от Цецилия Юкунда, или, как ее называли тогда греческим словом, «хирограф» («собственноручная расписка»). Эта страница оставалась открытой, так как в тексте хирографа коактор ничего не мог изменить, тогда как в своем тексте, написанном его собственной рукой, он смог бы внести изменения (поэтому он и запечатывался в присутствии свидетелей, ставивших свою подпись).

Главным типом документов, хранившихся в доме Цецилия Юкунда, были расписки, квитанции об уплате («перскрипции», по-латыни), которые удостоверяли уплату Л. Цецилием Юкундом денег тому лицу, от имени и по поручению которого устраивался аукцион. Примером такой расписки может служить документ № 25 (по изданию: CIL v. IV Suppl. P. I., Tabulae scatae Pompeis repertae, Berol. 1898). На обрете триптиха чернилами написано: «Расписка Умбриции Януарии». Надпись на обрете позволяла легко отыскать требуемую расписку подобно тому, как надпись на корешке переплета современной книги позволяет легко отыскать ее на библиотечной полке. Текст второй и третьей страницы этого хорошо сохранившегося триптиха содержит следующее:

11 0 39 сестерциев

Каковых денег

Соответственно выговоренным Л. Цецилием Юкундом

По аукциону

Умбриции Януарии

За вычетом комиссионных

Получение от Л. Цецилия Юкунда

Подтверждает

Умбриция Януария

*Совершено в Помпеях, за день до декабрьских ид,
в консульство Л. Дувия и П. Клодия.*

Интересно, что в этом документе перед нами выступает женщина, самостоятельно ведущая свои денежные дела. Умбрия Януария не составляла исключения для Рима того времени. Известно, например, что жена Цицерона, Теренция, питала непреодолимую страсть к наживе и всякого рода финансовым спекуляциям. При этом она прибегала к услугам не очень чистоплотных дельцов и часто терпела значительные убытки. Пытаясь выйти из затруднительного положения, она иногда покушалась на средства своего супруга, который и сам был великим мастером всякого рода спекуляций—имениями, книгами, скульптурами и т. п. В своей переписке Цицерон не раз горько жалуется на свою супругу. В конце концов он с ней развелся.

Точная датировка документа (12 декабря 56 года нашей эры) является обычной для деловых людей того времени. Сам Юкунд был энергичным финансистом, денежным воротилой местного значения (Помпеи были небольшим провинциальным городком Италии). Но если провинциальный делец обладал таким архивом, можно себе представить, какой величины достигали архивы могущественных финансовых тузов столицы.

Портрет Цецилия Юкунда сохранился. Перед нами «полное, несколько обрюзгшее лицо стареющего человека, который много видел и много узнал за свою пеструю, трудную и не простую жизнь... недобрая усмешка, так великолепно переданная художником, была его обычной реакцией на всякое большое чувство и на любую высокую мысль»¹⁰.

Потребности экономической и культурной жизни древнего Рима требовали большого количества восковых табличек, и изготовление их должно было стать важной отраслью ремесла. Сырье и материалы имелись в изобилии — пчеловодство было высоко развитой отраслью сельского хозяйства древней Италии, и леса покрывали тогда еще значительную часть страны: к северу от нее простирались области, где в изобилии встречались буковые рощи.

В создании античной книги восковые таблички играли немаловажную роль. Здесь находил свое воплощение первоначальный замысел автора, набрасывались отдельные части его произведения, над которыми шла затем редакторская работа. Лишь после тщательной отделки литературное произведение переносилось на папирус («харту») или пергамен.

Иногда отделка произведения была не очень тщательной, и это вело к неточностям и ошибкам самого различного характера. Именно таково происхождение многочисленных погрешно-

стей в «Естественной истории» Плиния Старшего. Работу Плиния Альфонс Дэн рисует в следующих чертах. Вообразите, пишет Дэн, Плиния Старшего, который после обеда, простого и легкого, на древний манер, расположился под летним солнцем для отдыха. Рядом с ним сидит раб, который читает ему греческого автора. После каждой главы или части текста раб делает паузу, и тогда Плиний обращается к другому рабу, держащему восковые таблички и стиль. Ему Плиний диктует перевод (или пересказ) того греческого текста, который он только что прослушал. При этом он мог вставить в текст заметок и свои замечания, соображения и мысли, дополняя и видоизменяя оригинал. Естественно, что воспринятый со слуха текст мог быть не всегда понят достаточно точно¹¹.

Дионисий Галикарнасский (De comp. verb. 25) рассказывает, что Платон не расставался с восковыми табличками до самой смерти, продолжая до последнего часа жизни заниматься литературным трудом. Возле его смертного одра были найдены таблички, на одной из которых оказался набросок начала «Государства» («Отправился я вчера в Пирей, в сопровождении Главкона и Аристон...»).

Античную школу, деловой, литературный и научный мир древности нельзя представить без этого по-своему очень удобного орудия письма, портативного и экономного. Восковые таблички продолжали оставаться в обиходе Европы в течение всего раннего Средневековья. Они служили своеобразными записными книжками французских королей еще в XIII и XIV вв.

Глава III

ПАПИРУС

Как странно поступают небеса
С людьми! Клочок бумаги малоценной
Переживет поэта непременно

Байрон, Дон-Жуан

В начале своего проникновения на Восток греки, попав в Египет, познакомились прежде всего с широко разветвленным на рукава устьем Нила. Они назвали его Дельтой из-за сходства очертаний этой части страны с перевернутой греческой буквой. Вершина треугольника находилась в районе древнего Мемфиса (близ нынешнего Каира). Животный и растительный мир, как и весь ландшафт Дельты, тогда значительно отличались от современного. В глубокой древности эта часть Нильской долины представляла собой обширную, усеянную многочисленными озерами и протоками заболоченную равнину. Обитатели ее должны были затрачивать огромный труд, чтобы отвоевать у топей землю, пригодную для обработки. Египетские земледельцы бродили в этих болотах, погружаясь в черный ил по колени, и греки, увидев их, сочинили миф о черноногих людях — меламподах. Из зыбких топей поднимались густые трудно проходимые заросли нильского тростника, папируса. В те далекие времена он встречался здесь в изобилии, тогда как в Верхнем Египте сильное течение Нила и большая глубина воды препятствовали его произрастанию. Поэтому в древнеегипетской иероглифической письменности Дельта называлась иногда «страной папируса» *:

* Этот термин употреблялся тогда, когда надо было подчеркнуть болотистый характер центральных областей Дельты, как любезно указал автору О. Д. Берлев. Здесь и в дальнейшем слова древнеегипетского языка приводятся одновременно в иероглифическом начертании и транслитерации.

В гробницах знатных египетских вельмож времен фараонов — строителей пирамид (начало III тыс. до н. э.), расположенных близ древнего Мемфиса (Саккара), мы находим картины, на которых эти вельможи изображены плывущими в папирусных лодках среди стоящих густой стеной зарослей папируса. В них пасутся тучные стада гиппопотамов, подстерегают добычу нильские крокодилы, взлетают густые стаи уток и гусей, потревоженные охотником.

В памятниках египетского искусства и письменности папирус стал символом Нижнего Египта, так же как лотос — Верхнего. На одном из рельефов пещерного храма Рамсеса II в Абу-Симбеле мы видим двух гениев Нила, связывающих воедино папирус и лотос — символ единения Нижнего и Верхнего Египта. Ныне папирус уже не встречается в Египте и сохранился только в верховьях Нила, по топким берегам озера Чад, и в тропических болотах Центральной и Южной Африки. Но в римскую эпоху, два тысячелетия тому назад, он произрастал в болотах Дельты еще в большом количестве. Заболоченность Дельты сохранялась, как видно из описания Страбона (XVII, 788): «Это — два устья Нила, из которых одно называется Пелусийским, другое — Канобским или Гераклеийским. Между ними находятся остальные пять устьев, достойных упоминания, и большое число мелких. Многочисленные рукава разрезают остров, образуя множество островков и текучих вод, так, что вся эта земля судоходна вследствие многочисленных каналов, в свою очередь перерезанных также каналами».

Иностранцы и некоренное население страны считали папирус самым характерным растением для нильского пейзажа. До нашего времени дошло описание растения и перечень предметов, изготовлявшихся из него, у ряда древних авторов. Страбон в XVII книге своего сочинения сообщает, что папирус (у Страбона — б и б л о с) растет в болотах и заливах Дельты. Высокий гладкий стебель его увенчивается густой кроной: греки называли ее «хайтэ», шевелюрой, густо падающей гривой*.

Более подробное описание оставил нам Феофраст в своей

* Тур Хейердал, построивший свой знаменитый корабль «Ра» из папируса, так описывает это растение: «Длина стеблей была два метра с лишним, толщина у корня — 4—5 см. В разрезе папирус представляет собой треугольник с закругленными углами: он не пустотелый и не коленчатый, как бамбук, сплошной стебель состоит из напоминающей белый пенопласт губчатой массы, обтянутой гладкой кожей». («Юность», 1971, № 2, с. 91).

«Истории растений» (IV, 8,3): «Папирус растет в Ниле, у не очень глубокой воды, но там, где она достигает двух локтей (0,92 м), или даже менее. Корень его равен толщине руки взрослого мужчины, длина же — свыше 10 локтей. Выдается растение над землей, пустив по сторонам вил тонкие и многочисленные корни, вверх же так называемый папирус, треугольной формы сечения, величиной в четыре локтя, имеющий на вершине крону без всяких плодов. Они (жители Египта. — В. Б.) используют папирус для многих целей, корни же сушат вместо дерева, не только для топлива, но и как материал для различных поделок, ибо это растение дает много хорошей древесины. Сам же папирус используется различным образом. Делают из него и суда, а из библа (так Феофраст называет сердцевину стебля папируса. — В. Б.) плетут паруса, циновки, некоторые ткани для одежды, одеяла, канаты и многое другое. Самое же замечательное (для живущих вне пределов Египта), что из него изготовляют — это книги. Растение это служит также весьма существенным предметом питания. Все в этой стране жуют папирус и в сыром и в жареном, а также печеном виде, высасывая сок и выплевывая жвачку... Растет оно и в Сирии вокруг озера, где растет благовонный тростник. Там Антигон использовал его как материал для корабельных канатов...».

До Феофраста это растение описывал и Геродот (II, 92). Сведения отца истории в основном совпадают с тем, что рассказывает Феофраст, хотя последний и не основывался на труде Геродота. В отличие от Феофраста Геродот не упоминает о писчем материале, который изготовлялся из папируса, что дало повод некоторым исследователям заключить, будто во времена Геродота бумага из папируса грекам еще не была известна. Однако, если внимательно прочесть текст Геродота, можно заметить, что в этом месте он ведет речь только о том, чем питаются жители Дельты. Зато в другом месте (V, 58) он упоминает о том, что ионяне раньше вследствие редкости папируса, писали на кожах овец и коз (отсюда легко можно заключить, что во времена Геродота ионяне писали уже на папирусе).

Сравнение текстов Геродота, Феофраста и Страбона позволяет установить известную расплывчатость в терминологии древних авторов. Феофраст, стоящий на научно-систематизирующей точке зрения, четко различает растение (папирус) и сырье, добываемое из него — библ. Геродот, а до него еще Гомер в «Одиссее» (XXI, 391) и Эсхил («Молящие», 761) называ-

ют это растение просто «библ». Как слово «папирус», так и слово «библ» не являются греческими по происхождению, и это способствовало их смешению.

Сохранились античные документы, рассказывающие, как разрабатывались папирусные плантации. Наиболее интересные из них открыты в одной египетской гробнице времени римского императора Августа. Мумия, найденная в этой гробнице, была заключена в картонаж, изготовленный из использованных папирусов, относившихся к 6—25 гг. правления указанного императора. Все эти папирусы происходят из Александрии. В их числе мы находим договор об аренде участка, на котором произрастает папирус (BGU 1121). В документе некая женщина из Александрии, названная «горожанкой» (что свидетельствует о ее принадлежности к полноправным гражданам Александрии), сдает вместе со своим сыном принадлежащий им участок папирусных зарослей на три года (участок находился поблизости от Александрии). Условия аренды чрезвычайно суровы. Кроме платы, арендаторы должны были доставлять в течение трех лет аренды ежегодно по сто отборных «нош» папируса (каждая «ноша» состояла из шести «охапок»). Арендаторам запрещается право переаренды. Мы можем сделать вывод, что владелица участка имела в Александрии мастерскую по производству папируса-бумаги, для которой арендаторы и должны были поставлять ей сырье. В договоре особо оговаривается, что арендаторы не имеют права изготовлять из папируса и продавать канаты, паруса, маты и прочие изделия. Им строго запрещается пасти в зарослях скот, свой или чужой.

Текст договора позволяет получить представление о самом участке. Он был густо изрезан каналами, по берегам которых и возвышались заросли папируса. Большие и широкие каналы называются «реками», другие, более мелкие, пересекают эти «реки» под прямыми углами. Согласно условиям договора арендаторы должны сохранять эти каналы в таком состоянии, чтобы по ним можно было плавать на лодке. Они должны их периодически чистить, поддерживать слой земли по их берегам, в случае необходимости менять направление каналов. Все это были меры, способствовавшие произрастанию папируса 2.

Египет еще задолго до проникновения туда греков поставлял изготовлявшийся из папируса писчий материал в страны Средиземноморского бассейна. Сохранился египетский папирус с рассказом о путешествии египетского чиновника Ун-Амуна, жившего при одном из последних Рамессидов. Он был по-

слан в Финикию, чтобы закупить там лес для постройки священной барки бога Амуна. Помимо прочего, он вез 500 свитков папируса, чтобы обменять их на корабельный лес из Ливана.

Основным источником наших сведений о способе изготовления папируса-бумаги (материальной основы античной книги) служит рассказ римского писателя Плиния Старшего в его «Естественной истории» (XIII, 69 слл.). Пользуясь его описанием, европейские ученые сами изготовили опытные образцы папируса. Серебристо-зеленый цвет их значительно отличался от находимых в Египте древних памятников письменности, но ясно, что последние должны были изменить свой цвет от времени и под воздействием внешней среды. Папирус обладает особой прочностью и сохраняет свои качества даже после того, как пролежит тысячелетия в песках Египта. Известный папиролог Вильгельм Шубарт пишет: «Мне приходилось держать в руках иератический свиток, которому было более трех тысяч лет, но он сохранял мягкость и упругость как шелк-сырец — настолько, что его свободно можно было сворачивать и разворачивать».

Наблюдал ли сам Плиний процесс изготовления папируса-бумаги, который он описывает? Скорее всего, нет. Даже поверхностное знакомство с его рассказом убеждает нас, что он является компиляцией из нескольких источников. Все его сочинение, представляющее собой огромную энциклопедию естественных наук, было типичной для его времени компиляцией автора-дилетанта. Одним из главных источников Плиния в этом рассказе был Феофраст, на другой источник ссылается он сам — это был труд знаменитого римского эрудита и антиквара Марка Теренция Варрона.

«Прежде чем мы оставим Египет, — начинает свой рассказ Плиний — необходимо сказать и о природе папируса, так как вся человеческая культура (*humanitas vitae*) полностью основана на использовании харты, и уж во всяком случае — историческое предание. Как сообщает Варрон, харта была открыта после победы Александра Великого — после того, как в Египте была основана Александрия».

Таково начало этого знаменитого текста, и вместе с тем — начало наших затруднений в его понимании. Если вводное замечание автора о роли харты в создании человеческой культуры необыкновенно содержательно и метко, то следующее за ним утверждение, будто харта была «открыта» после основания Александрии, противоречит здравому смыслу. Вряд ли

Варрон, на которого здесь ссылается Плиний, мог утверждать подобную нелепость. Возможно, что Варрон писал о времени, когда римляне начали использовать этот писчий материал, и Плиний неточно его процитировал. Содержание примеров, с помощью которых Плиний пытается опровергнуть утверждения Варрона, может пролить свет на позицию самого Плиния в этом вопросе.

«Имеются высокой убедительности примеры, свидетельствующие против высказанного Варроном утверждения относительно харты. Так, Кассий Гемин, древнейший автор анналов, в четвертой книге рассказывает о писце Гнее Теренции, который, копая свое поле на Яникуле, нашел гроб, в котором был захоронен правивший некогда в Риме царь Нума. В гробу были найдены его книги. Находка эта была сделана в консульство П. Корнелия, сына Луция, Цетега, и М. Бебия, сына Квинта, Тамфила, которых от времени царствования Нумы отделяет 535 лет. Книги эти были изготовлены из харты, причем еще большим чудом было то, что они сохранились, будучи закопанными в земле. А поэтому я приведу слова самого Гемини. Другие удивлялись, как эти книги могли сохраниться, он же дал этому следующее объяснение. В середине ящика находился квадратный камень, обернутый со всех сторон бечевкой, покрытой воском. Поверх же камня были уложены три книги, поэтому они и не сгнили. Да еще и сами книги были пропитаны кедровым маслом, поэтому их не сгрыз книжный червь. В книгах этих излагалась пифагорейская философия. Они были сожжены Квинтом Петелием, ибо эти книги были философского содержания. То же сообщает и Пизон, бывший Цензор, в первой книге своих комментариев, но он называет семь книг понтификального права и столько же пифагорейских. Тудитан в тринадцатой книге перечней магистратов говорит, что это был эдикт Нумы. Сам Варрон в седьмой книге своих «Человеческих древностей», а также Антий во второй книге своего сочинения сообщают, что книг было двенадцать понтификальных на латинском языке и столько же греческих философского содержания. Он же в третьей книге цитирует постановление сената, согласно которому эти книги были сожжены. Общеизвестно, что Сивилла принесла царю Тарквинию три книги, из которых две были сожжены ею самой, третья же сгорела вместе с Капитолием во времена Суллы.

Кроме того, Муциан, трижды бывший консулом, сообщает, что некогда, когда он управлял Ликией, он читал письмо Сарпедона из-под Трои, написанное им на харте: письмо находи-

лось в каком-то храме. Этому я еще больше удивляюсь, поскольку во времена Гомера Дельта Египта еще не существовала. Или же по какой причине, если использование харты тогда имело место, писали тогда на свинце или на льне? Почему Гомер сообщает, что в той же самой Ликийи Беллерофонту были даны восковые таблички, а не письмо на харте?»

Из вопросов, поставленных Плинием, видно, что и сам он имел самые неопределенные представления о времени, когда харта стала использоваться в качестве писчего материала. Примеры, с помощью которых он пытается обосновать свои предположения, по большей части легендарны. Они должны доказать, что харта в Италии стала использоваться гораздо раньше того времени, к которому относил это событие Варрон. Но говорил ли Варрон об изобретении харты или только о ее распространении? Скорее всего, он имел в виду именно последнее, потому что в противном случае спор шел бы об использовании харты в Египте, а не в странах Средиземноморья. Вообще, все изложение Плиния в достаточной степени неясно, что свойственно всему сочинению в целом: причиной являются дилетантские методы работы Плиния. Необходимо отметить, что сам он в своей «Естественной истории» неоднократно упоминает о роли Египта как родины многих достижений человеческой культуры (V, 60; VII, 196; XXXV, 15).

«Прежде, — продолжает далее Плиний, — не употребляли харты и вначале писали на пальмовых листьях, затем на коре некоторых деревьев. Позже общественные документы стали записываться на свитках из свинца; затем и для частных документов начали применять льняные ткани и восковые таблички. Последними пользовались еще до Троянской войны, как видно из Гомера, который даже не знает земли, называемой Египтом, — тогда как в Себennитском и Саисском номах его сосредоточено все производство харты. Эта земля была лишь позже намыта Нилом. Действительно, Гомер сообщает, что остров Фарос, ныне связанный посредством мола с Александрией, был удален от земли на расстояние, которое корабль под парусами может преодолеть за сутки.

Затем, вследствие возникшего соперничества в расширении библиотеки между царями Птолемеем и Эвменом, когда Птолемея стал запрещать вывоз харты, были изобретены в Пергаме кожаные книги, как сообщает Варрон. Позже везде распространилось употребление материала, на котором основано человеческое бессмертие.

Папирус растет в болотах Дельты, или в стоячих водах Нила, которые образуются, когда река выходит из берегов — там, где глубина не превышает двух локтей. Корень его, толщиной в руку, тянется вкось в землю. Ствол, имеющий треугольное сечение, не выше 10 локтей в высоту, становится тоньше к вершине. Верхушка ствола напоминает тирс. Никаких семян в ней нет, используется она только как цветок для увенчивания богов. Жители используют корни вместо дерева, не только для очага, но и для изготовления различных сосудов. Из всего папируса они сплетают лодки, а из коры — паруса и сети, а также одежду, канаты и циновки. Они также жуют его, в сыром и вареном виде, высасывая сок. Он растет и в Сирии, вокруг озера, где растет благовонный тростник, и царь Антигон использовал для своего флота канаты, сделанные только из папируса, так как альфа (*Stipa tenacissima* L) еще не была завезена. Недавно было обнаружено, что папирус, растущий по берегам Евфрата, недалеко от Вавилона, также может быть использован для изготовления харты. И все же парфяне до сих пор предпочитают писать на тканях, где ткются узоры в виде букв.

Харта изготавливается из папируса путем разделения его острием на весьма тонкие, но по возможности более широкие полосы. Вначале берутся полоски из середины, затем по порядку идут все остальные срезы».

После этих слов Плиний несомненно опускает ряд деталей процесса изготовления харты, содержавшихся в его источнике. Это видно из того, что между цитированным выше и последующим текстом нет никакой связи. Описание процесса производства Плиний продолжает ниже, со слов «вообще же вся харта изготавливается на влажном столе, смоченном нильской водой».

Совершенно неожиданно Плиний переходит далее к перечислению сортов харты и их характеристике.

«Иератической хартой издревле называется та, которая использовалась только для священных религиозных сочинений. Лесть по отношению к Августу оказалась причиной того, что ее стали называть именем Августа — так же, как второй сорт именем Ливии, его супруги. Таким образом, иератическая харта оказалась третьим сортом. Следующий сорт получил название Амфитеатрика, по месту, где она изготавливалась. Ее стала ввозить в Рим и перерабатывать мастерская изобретательного Фанния. Уменьшая ее толщину путем тщательной переработки, он сделал ее одним из первых сортов

из грубой и простой. Она стала носить его имя. Та же, которая не подвергалась переработке, осталась под старым названием Амфитеатрики. Следующий сорт — Саятика, названная так по городу, где наблюдается наибольшее его изобилие. Она изготавливается из более грубого и низкого по качеству сырья. Та харта, которая изготавливается из частей сердцевинки, наиболее близких к коре, называется Тенеотика, от названия соседнего места⁵. Продается вне зависимости от качества, на вес, эмпоритика*: ибо она не годится для письма и служит для обертки харты и товаров, поэтому-то она и названа купеческой. То, что остается после всего — внешняя часть — походит на тростник и употребляется только для изготовления канатов, да и то только таких, которые все время должны находиться в воде.

Вообще, вся харта изготавливается на влажном столе, смоченном нильской водой. Мутная нильская вода усиливает клеящие свойства. Вначале кладется нижняя схида**, в всю длину будущего листа папируса; выдающиеся концы обрезаются. Затем поверх нее кладется перпендикулярная ей, чем и создается «решетка».

Прессуется вся харта при помощи пресса***, затем харта отбивается молотом**** и промазывается клеем: сморщенная, она вновь растягивается и выравнивается молотом. Полученные листы высушиваются на солнце и соединяются между собой так, что лучшие листы склеиваются с подобными им. Качество листов ухудшается по мере приближения к концу всей скапы*****. В скапу соединяются всегда не более 20 ли-

* Термин происходит от греческого слова «эмпорос» — купец.

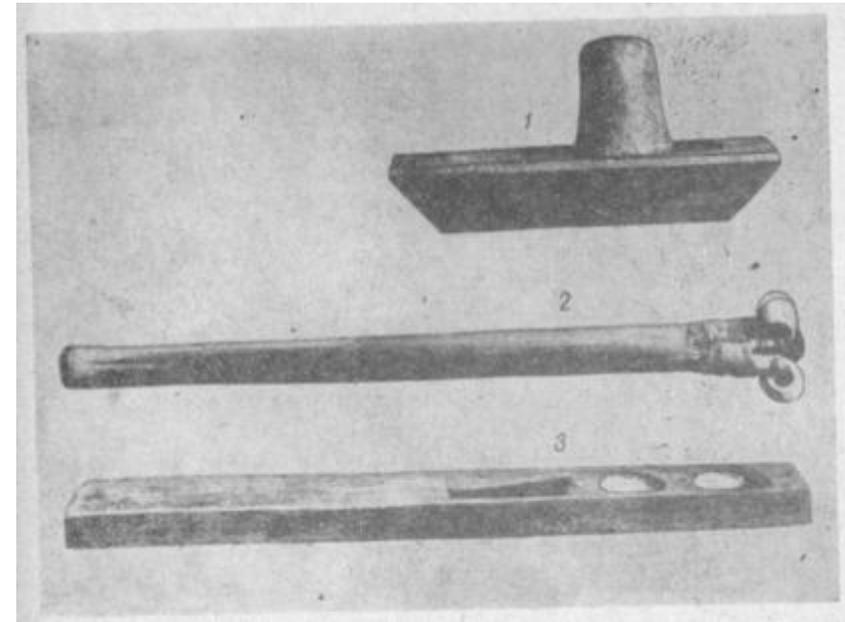
** Схида — уложенные в форме листа полоски сердцевинки папируса (от греческого слова «схеде»).

*** Сцепление между слоями уложенных полосок достигалось за счет содержащегося в клетчатке сердцевинки сахаристого вещества, обладавшего клейкостью.

**** Собственно — «утоняется».

***** Скапа — стандартный свиток. Листы склеивались в скапу так, что та сторона, где филюры шли горизонтально, сворачивалась вовнутрь, а сторона с вертикальными филюрами — наружу. Писали сначала по внутренней стороне, по которой бежал калам, не встречая сопротивления (ибо шел вдоль волокон, филюр). При таком сворачивании текст предохранялся и от загрязнения. Внутреннюю сторону Вилькен назвал recto, наружную — verso. Последняя исписывалась лишь при недостатке материала.

***** Сообщение Плиния подтверждается находками папируса в Египте. Свиток мог иметь и больше 20 листов, но тогда через каждые 20 листов ставился номер.

1. Орудие для разглаживания папируса. 2. Футляр для тростниковых стержней, которыми писали по папирусу. 3. Палетка для разведения туши и хранения тростниковых стержней.

(Mohamed A. Hussein. Vom Papyrus zum Codex. Leipzig, 1973, Abb. 26).

В ширине их наблюдаются различия: 13 пальцев* у лучших сортов, на два пальца меньше у иератики, фанниана имеет в ширину 10 пальцев, на палец меньше — амфитеатрика, еще меньше саятика, к тому же она не выдерживает обработки при помощи молота. Что касается эмпоритики, то она имеет в ширину не более 6 пальцев. Кроме того, в сортах харты принимаются во внимание тонкость, плотность, блеск, легкость.

Порядок сортов изменил император Клавдий, ибо слишком тонкая, августовская харта не выдерживала калама. К тому же, пропуская чернила (так, что буквы становились видны и

* Античный палец равен 1,85 см.

на другой стороне), она заставляла опасаться, что текст сольется с текстом оборотной стороны. Да и в других отношениях она была неудобна, так как просвечивала насквозь. Поэтому, начиная с Клавдия, изготавливают «подкладку» из полос второго сорта, а «уток» — из первого. Он увеличил и ширину харты до фута. Существовал формат шириной в локоть, но он заключает в себе существенный недостаток: порча одной ехиды приводит к порче многих страниц. Поэтому предпочтение отдается клавдиевой харте, тогда как августовская употребляется только для писем. Ливиана осталась на втором месте, так как качество ее всегда было второсортным.

Шероховатость харты сглаживается при помощи слонового клыка или раковины, но буквы становятся расплывчатыми. Меньше впитывая в себя чернил, полированная харта больше блестит.

Часто письму мешает влага, если она была неосторожно использована в начале производства, и обнаруживается она при обработке молотом, или даже по запаху, если производство было менее тщательным.

Можно заметить глазами и пятна. Попавшая внутрь клейких веществ лента, легко впитывающая в себя влагу, вследствие пористости папируса, может быть обнаружена только тогда, когда на ней расплывется буква.

Столь много пороков может быть в харте *. Таким образом, возникает дополнительный труд при переработке.

Обычный клей изготавливается из крупчатой муки и горячей воды с небольшим добавлением уксуса, ибо употребляемый ремесленниками и гумми не годятся из-за хрупкости, которую они придают харте. При более тщательном производстве прокисший хлебный мякиш с кипящей водой протирается сквозь сито. Таким образом создается минимальная прослойка клея, и даже нильская вода уступает ему по мягкости. Клей не должен выдерживаться больше или меньше одного дня.

Так создаются долговечные памятники письменности. Я видел рукописи Тиберия и Гая Гракхов у Помпония Секунда, известного поэта и славного гражданина, почти через двести лет после того, как они были написаны. Часто мы видим рукописи Цицерона, божественного Августа, а также Вергилия.

* Сходные недостатки обнаруживались в опытных образцах папируса, изготовленных европейскими учеными по описанию Плиния.

Цитированный текст Плиния содержит в себе много неясностей, и многие поколения комментаторов неоднократно предлагали различного рода исправления и дополнения. Одним из первых комментаторов текста Плиния был венецианец Мельхиор Гиландин, выпустивший в Венеции в 1572 г. сочинение «Папирус, комментарий к трем главам о папирусе Плиния Старшего», на латинском языке. Но, несмотря на все неясности, текст Плиния дает в основном верное представление о производстве харты и заслуживает пристального внимания.

Находимые в Египте папирусы имеют по большей части ширину первого сорта, указанную Плинием.

Склеивались листы папируса так, чтобы каждый лист своим обрезом накладывался на следующий, с шириной покрытия в 1—2 см. Места склеек заделывались настолько тщательно, что писец обычно не обращал на них внимания, и их можно обнаружить, лишь следя за горизонтальными волокнами материала, несовпадающими в местах склейки. Особой тонкостью и тщательностью выделки отличаются иератические документы (в отличие, например, от весьма грубых образцов византийской эпохи).

Сопоставляя сведения Плиния с другими источниками, особенно с теми, которые относятся к золотому веку римской литературы, когда употребление харты приобретает широкие масштабы, можно составить следующий перечень сортов папируса:

1. Харта иератика — иератический сорт, шириной около 25 см. Он употреблялся для изготовления религиозных книг (откуда и происходит его название) и изготовлялся из самой сердцевины клетчатки, заполняющей папирусный стебель. Этот сорт был особенно светлым и тонким, и на нем писали только с одной стороны. Позднее он был переименован в «августовскую харту», в честь первого римского императора, а название иератической было перенесено на третий сорт.
2. Харта ливиана, «ливиевская харта», названная так в честь Ливии, супруги Августа. Она не уступала по качеству августовской харте.
3. Харта клавдиана, «клавдиевская харта», которая изготовлялась путем склеивания попеременно листов августовской и ливиевской харты.
4. Харта фанниана, «фанниевская харта», шириной около 19 см. Ее изготовляла мастерская Фанния, как сообщает Плиний в цитированном тексте.

5. Харта амфитеатрика, шириной около 17 см. Название ее происходит от места, где она производилась в Александрии.

6. Харта саитика, папирус довольно низкого качества, изготовлявшийся в районе египетского города Саиса.

7. Харта тенеотика, по качеству еще ниже предшествовавшей: она также называлась по месту изготовления, как видно из текста Плиния.

8. Харта корнелиана, качество которой определить довольно трудно: она названа так по имени Корнелия Галла, префекта Египта, назначенного Августом.

9. Харта эмпоритика, «купеческая харта», которая не годилась для письма и употреблялась для обертки товаров.

Приведенный перечень не исчерпывает, однако, всех сортов папируса-бумаги, указания на которые встречаются в античных источниках. В разные времена, и до Плиния и после него, в римских источниках встречаются названия «царской харты» (в качестве одного из лучших сортов), мемфисской харты, белой харты и т. д. Ширина находимых в Египте папирусов не всегда соответствует указанным стандартам.

Текст Плиния подтверждает содержащиеся и в других источниках указания, что местом, где производился папирус и откуда он поставлялся во все страны античного мира, была Дельта. Особенно большую роль в производстве этого материала играл город Александрия, оставшийся центром производства харты до поздней античности. Историк Флавий Веспасиан в жизнеописании императора Аврелиана (45,1) сообщает, что натуральный налог, который этот император наложил на Александрию, состоял из стекла, харты, пакли и других товаров. Тот же автор в жизнеописании Сатурнина подчеркивает, что Александрия является городом, в котором нет праздных людей. Одни изготавливают стекло, другие — харту, льняные ткани: «...кажется, что все (и это на само деле) занимаются каким-нибудь ремеслом». Производство папируса давало большой доход. Тот же Флавий Веспасиан в жизнеописании Фирма (3, 2) передает слова этого полководца, который хвалился, что сможет прокормить на средства, получаемые от продажи папируса и клея, целое войско. Страбон в XVII книге своей «Географии» подробно описывает Александрию и упоминает о множестве ремесленных мастерских в этом городе, не указывая, правда, что конкретно в них производи-

лось. Но анонимный автор всемирной географии (Müller, *Geographi graeci minores*, p. 520) подчеркивает значение Александрии как поставщика папируса всему цивилизованному миру.

Можно с уверенностью утверждать, что александрийская культура книги, расцвет филологических и иных наук в эллинистическом Египте был связан также и с тем, что Египет был родиной самого удобного и распространенного писчего материала, из которого изготовлялись книги. Во времена Птолемеев Египет вывозил не только харту, но и готовые книги — Александрия была крупнейшим издательским центром античности, сформировавшимся вокруг знаменитой Александрийской библиотеки и Музея.

Цены на папирус были довольно высокими на протяжении всей античности. Некоторое представление о них можно получить на основе одной афинской надписи, в которой перечисляются расходы по строительству одного из сооружений Акрополя. В графе «расходы» указано: «Были куплены две харты, на которых были записаны копии, за две драхмы и четыре оболы». Нет сомнения, что здесь под словом «харта» подразумевается стандартный свиток папируса. Следовательно, он стоил в конце V в до н. э. (время, к которому относится указанная надпись) в Афинах одну драхму и два оболы. Для того, чтобы получить представление об этой сумме, вспомним, что афинское государство платило членам суда присяжных (эти деньги часто были единственным источником существования их семей) два, позднее три оболы (в драхме было шесть обол). В IV в. до н. э. один листок папируса стоил два халка, то есть четверть оболы (как это мы узнаем из речи Демосфена «Против Дионисодора»). Следовательно, за обол можно было купить четыре таких листа, а за драхму — 24, то есть целый свиток.

В эллинистическую эпоху цены на папирус еще более повысились. По-видимому, это было связано с введением монополии на производство и продажу этого материала, установленной Птолемеями, — умевшими извлекать выгоду из всего. Вероятно, с этой монополией и связано название одного из сортов папируса — «царская харта».

Папирус служил главным писчим материалом очень долгое время и не был окончательно вытеснен до самых поздних времен, когда для производства книг стал применяться пергамен. Без папируса не обходились канцелярии остготских, лангобардских, вандальских королей. Канцелярия Меровин-

гов только после 670 г. перешла на пергамен. Папская канцелярия писала на папирусе вплоть до XI века: известны 23 буллы, от 849 до 1022 года, написанные на папирусе⁶.

После гибели античного мира производство папируса-бумаги в Египте продолжало сохраняться, только на первом листке свитка — протоколе — ставилось имя византийского чиновника, в ведении которого находилось это производство. Здесь же указывалось время и место, где этот свиток был произведен. Согласно кодексу Юстиниана (Nov. 44,2) каждый официальный документ должен был иметь протокол, являющийся как бы свидетельством подлинности документа.

Известный ученый и государственный деятель раннего Средневековья, Кассиодор Сенатор, оставил нам настоящий гимн папирусу (Cassiodori Variarum XI, 38): «Прекраснейший труд взял на себя находчивый Мемфис, для того чтобы книжные полки заполнило создание одного края земли, изящное и тонкое... И вот встает нильский лес без ветвей, роща без листвы, посев вод, прекрасная поросль болот, мягче лозы, но тверже травы, не знаю, какой пустотой наполненный и полностью лишенный, нежный и пористый, дерево-губка, у которого, как у яблока, твердая кожура, но мягкая сердцевина, стройный, но упругий, великолепный плод отвратительных топей». Изготовленный из него материал «белоснежной поверхностью открывает свои поля красноречию, то простираясь далеко вширь, то собираясь для удобства в свиток, употребляемый для больших трактатов».

Завоевание Египта арабами не повлекло за собой существенных изменений в производстве этого материала — оно продолжалось, только протокол оформлялся на арабском языке. Лишь в XII веке производство папируса упало, не выдержав конкуренции нового и более дешевого писчего материала — бумаги, на которую и перешло название папируса.

Глава IV

Е Г И П Е Т — Р О Д И Н А К Н И Г И

**К словам разумных ты ищи пути,
Весь мир пройди, чтоб знания обрести,
О том, что ты услышал, всем поведай,
С упорством корни знания исследуй...**

Фирдоуси, Шах-Наме, Вступление

Я видел битого... обрати сердце твое вослед писаниям. Видел я (и) освобожденного от работ. Смотри, неграмотность — ничто, она равносильна зависимости. Прочти заключение (книги) Кемит, и ты найдешь высказывание такое в нем: «Что касается писца в месте его всяком, что от столицы, то никогда не обнищает он в нем. Он (сам) в состоянии удовлетворить нужды другого, если тот выходит (из присутствия) недовольным... И поэтому я желаю, чтобы ты возлюбил письмо более, чем мать твою, и поэтому я желаю, чтобы привлекла польза его внимание твое...»

Таково начало поучения, «составленного корабельным лучником сыном Дуауфа Ахтоем по имени, для сына его Пиопи по имени, в то время, как он (то есть отец) плыл на юг в Столицу, чтобы отдать его (то есть сына) в школу писаний, в среду детей вельмож, первых в столице»*.

Этот литературный памятник, написанный в жанре, особенно популярном на востоке, дошел до нас в многочисленных копиях, восходящих к оригиналу эпохи Среднего царства. В нем превозносится и всячески прославляется искусство писца, противопоставляемое всем другим профессиям. Невзгоды, связанные с этими профессиями, описаны в крайне мрачных красках, поэтому «Поучение» иногда называется египтологами «сатирой на ремесла». Нет сомнения, что автор его выражал установившиеся в определенных кругах взгляды. Это подтверждается и другими памятниками литературы Египта, в одном из которых мы, например, находим такое обращение

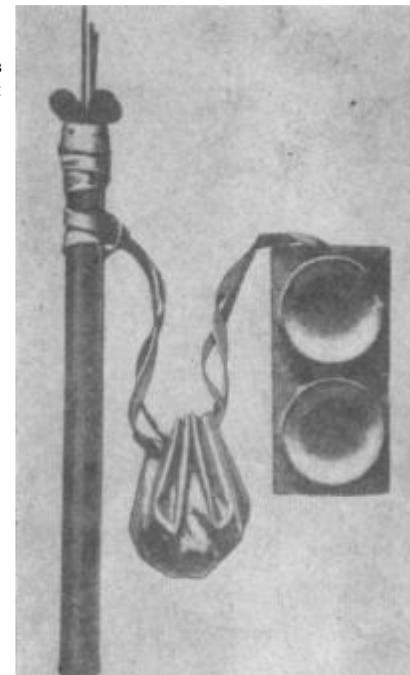
к писцу: «Сладостны и изобилуют имуществом письменный прибор твой и твой свиток папируса.² Сердце твое (будет) спокойным ежедневно. Заметь себе это».

Грубо утилитарный, крайне натуралистический характер увещаний, которые заключены в упомянутом «Поучении», позволяют нам, тем не менее, получить вполне отчетливое представление о привилегированном положении египетских писцов, и вообще всех, кто был связан с образованием и книжным делом. Грамотность, сама по себе бывшая делом достаточно сложным, открывала доступ к высоким государственным постам. Огромный бюрократический аппарат государства фараонов требовал множества грамотных чиновников, хорошо знавших делопроизводство, формы документации хозяйственной и иной отчетности, которая тщательно регламентировалась. Многочисленные жреческие ассоциации, сосредоточенные при храмах и строившиеся по строгому иерархическому принципу, также были связаны с искусством письма. При храмах существовали библиотеки, в которых хранились многочисленные свитки: среди них были книги не только религиозного, но и светского характера.

Писцы древнего Египта сидели на корточках со скрещенными ногами, держа в левой руке лист папируса, на котором писали правой. Таким мы видим египетского писца изображенным на фресках гробниц; сохранились также статуи, изображающие египетских писцов в этой характерной позе. Писали на папирусе тонким тростниковым стержнем сечением от 1,5 до 2,5 мм, и длиной от 17 до 23 см. Конец этого стержня отбивался или разжевывался так, что образовал своего рода кисточку: в зависимости от поворота, ею можно было вести тонкую или толстую линию. Эти стержни хранились у писца в достаточном количестве в письменном приборе, который египетский писец носил через плечо. Прибор этот состоял из длинной дощечки с полым вместилищем для стержней и двумя углублениями, в одном из которых разводилась черная, а в другом — красная тушь (обычно этот письменный прибор называется палеткой). Черная тушь изготовлялась из сажи, разведившейся в жидком растворе гумми (камеди, древесного клея); красная тушь разводилась подобным же образом, но содержала в себе сурик. Мешочек с порошками для приготовления туши привязывался ремешком к палетке. Изображение письменного прибора в иероглифической письменности служило обозначением существительного «писец», глагола «писать» и других родственных понятий. Кроме красной и черной ту-

ши, использовались и другие цвета, по уже не для письма, а для рисования (египетские книги иллюстрировались).

Письменный прибор древнеегипетского писца, состоящий из продолговатого футляра для тростниковых стержней, мешочка с порошком для разведения туши и палетки с двумя углублениями (для красной и черной туши).

Красная тушь применялась для выделения заголовков и особо важных мест книги. Этот обычай переняли греческие и римские писцы, и отсюда происходит термин «рубрика» (от латинского слова «руб-» — красный), а также термин «красная строка». Первопечатные книги продолжили эту традицию — сорокадвухстрочная библия Иоганна Гутенберга также содержит заголовки, выделенные красным цветом.

С III в. до н. э. в Египте, а затем и во всех других странах древнего мира, где писали на папирусе, начинает применяться в качестве орудия письма калам — особым образом, наподобие гусиного пера очиненный тростниковый стержень, расщепленный на конце. Затупляющийся от продолжительного применения конец калама оттачивался пемзой. Камышовая кисточка, которой египтяне писали ранее, была мягкой и позволяла исписывать лист папируса без учета направления его волокон. Этого уже нельзя было сделать каламом. Он использовался для письма и в средние века, особенно на Востоке. Еще в XV веке Алишер Навои писал свои стихи каламом:

Статуя Неферихи, сидящего в позе писца (ок. 2300 г. до н. э.).
Лейпциг, Египтологический музей

**Я сталью острой очинил калам
И дал исход стремительным словам
(Смятение праведных, LXIII)³**

Позднее, в римскую эпоху, форма письменного прибора изменилась. Писцы этого времени носили уже чернильницы цилиндрической формы, обычно бронзовые, украшавшиеся узорами. Такая чернильница чаще всего состояла из двух соединенных вместе цилиндрических сосудов с крышками, для черной и красной туши, прикрепленных к пеналу, в котором хранились каламы (пенал этот обычно носили заткнутым за пояс). Качество египетской туши было великолепным — несмотря на то, что многие папирусы пролежали в песках Египта тысячелетия, тушь сохранила свой цвет и яркость.

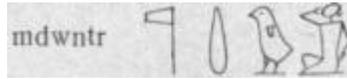
Египетский ларец для хранения папирусных свитков, принадлежавший Инеферти (времени XIX династии).

Каир, Египетский музей

Палетки или изображения их укладывались в могилу покойнику даже в тех случаях, когда этот человек при жизни не был писцом*. Усопший сам в некоторых случаях имено-

* В «Книге мертвых» (гл. 94) содержится «речение», с помощью которого усопший в загробном мире должен испросить для себя палетку и сосуд с тушью: «Я прихожу, оснащенный грамотами бога Тот... Поддай мне сосуд с тушью! Поддай мне палетку!.. Смотри, я писец...»

вался палеткой бога Тота, считавшегося изобретателем письма и его покровителем *. Искусство письма было божественным откровением и знаки иероглифической письменности именовались «слово божье»:

Священным был и письменный прибор, именовавшийся почему-то «останками Осириса» .

Фигура бога Тота, обычно изображавшегося в виде человека с головой ибиса («ибиокефал») украшала канцелярии чиновников и места, где хранились свитки папируса, вместе с изображением богини Сешат, покровительницы библиотек. Бог

Бог письма Тот, выписывающий иероглиф «Маат» (Истина). Позади него изображен письменный прибор. Около 1085 г. до н. э.

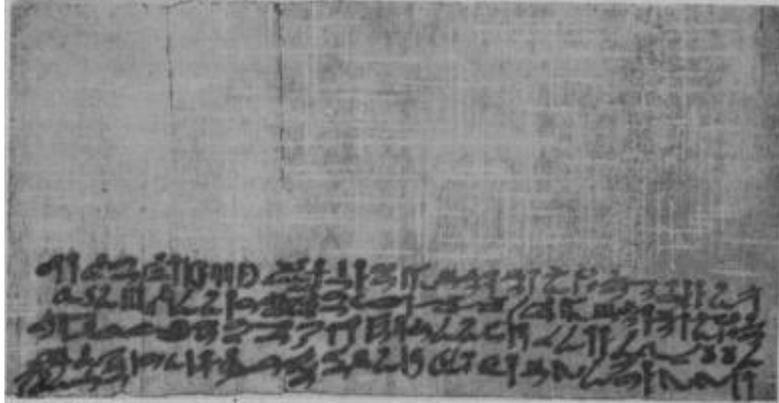
Лейден, Музей Ван Оудхеден

* Покровителем писцов был также Имхотеп, обожествленный мудрец, архитектор и государственный деятель, живший при одном из фараонов III династии.

Тот сам считался писцом «Эннеады богов» (P. Anastasi V, 9, 2). Греки отождествляли египетского бога Тота с Гермесом.

Существование школ писцов в Египте известно нам со времени Среднего Царства. По-видимому, они делились на высшие и низшие. К первым принадлежали школы при дворах номархов, где будущие писцы обучались и воспитывались в окружении местной знати. Вначале они учились писать на осколках глиняной посуды (греки называли эти осколки «острака») и обломках известняка, и лишь позднее переходили к письму на папирусе. Искусству письма надо было обучаться продолжительное время: иероглифов было очень много (их насчитывают до 700). Помимо этого существовали сложные правила орфографии и каллиграфии; для овладения иероглифическим письмом требовался и талант рисовальщика — письмо оказывалось тесно связанным с живописью. После овладения основами орфографии и каллиграфии будущие писцы переходили к переписыванию связных текстов, которые могли иметь как религиозное, так и светское содержание. Изящное слово ценилось высоко в те времена, и ученики, по-видимому, овладевали и основами риторики. Они должны были заучить большое число стереотипных формул, употреблявшихся в документах разнообразного характера, и приобрести запас знаний в тех науках, которые уже существовали в древнем Египте — географии, математике и др. Для усовершенствования географических знаний, а также для того, чтобы ухо будущего писца привыкло к звучанию иноземных названий, в школах эпохи Нового царства читали и переписывали текст некоего писца Хори, в котором этот писец обращался к другому, по-видимому, фиктивному, лицу. В тексте указанный выше писец подвергал сомнению знания географии ближайших к Египту стран, на которое лицо, к которому текст был обращен, могло претендовать (Папирус Анастаси I). Перед нами, таким образом, древнейшее школьное упражнение в географии, изложенное в виде диалога с воображаемым адресатом: «...Я хочу говорить с тобой о другом чужеземном городе, который называется Библос. Каков он? Кто его богиня? Расскажи мне о Бейруте, о Сидоне и Сарепта. Где протекает река Литани? Как выглядит Уцу? Говорят и о другом городе на море, это гавань Тир, туда везут воду на судах... В этом городе больше рыбы, чем песка... Идем, отправимся по дороге южнее области Акко. Где проходит дорога Ахшаф? Перед воротами какого города? Растолкуй мне, что это за гора Усер? Как выглядит ее вершина?...» и т. п.

Выше уже говорилось о том, что в гробницу покойнику укладывался письменный прибор, палетка: к этому следует еще добавить, что иногда вместе с палеткой помещали и «школьные тетради», то есть те памятники письменности, по которым учились начинающие писцы. В некоторых гробницах древних египтян исследователи находят небольшую библиотечку для легкого чтения, начертанную на обломках известняка — заключающую в себе выдержки из популярных повестей, стихотворные отрывки, тексты священных гимнов и т. п.

Фрагмент древнеегипетской книги, содержащей так называемое «Поучение Птаххотпа». Более светлая часть верхней строки в оригинале написана красной тушью. Около XIV в. до нашей эры.

Выразительные слова о значении письма и книги мы находим в одном из папирусов Нового царства (Pap. Chester-Beatty, IV, Rs. 3,5): «Человек умирает, и тело его становится прахом: и все жившие в одно время с ним становятся пылью. Но книги доставляют ему вечную жизнь в устах читающего. Книга полезнее, чем дом архитектора, чем часовня Запада (гробница. — В. Б.). Она лучше, чем мощная крепость или поминальная стена в храме... Люди ушли и имена их были бы забыты. Но книги хранят о них живую память».

Посещавших Египет греков поражало огромное количество находившихся здесь в обращении книг. Жрецы Египта старались подчеркнуть их божественное происхождение. Писа-

тель поздней античности неопифагорец Ямвлих в своем сочинении «О тайных книгах» (VIII, 1) передает слова египетского писателя и жреца Манефона, утверждавшего, будто Гермес (то есть бог Тот) написал 36 525 сочинений. Манефон был эллинизированным египтянином и стремился в своих сочинениях систематизировать события тысячелетней истории своей страны. Неизвестно, что лежит в основе колоссальной цифры, указанной Манефоном, но во всяком случае она дает косвенное представление о богатстве египетской литературы.

Но при этом необходимо оговориться, что понятие «литература» не вполне применимо к древнеегипетской письменности. Достаточно сказать, что значительная часть ее (по крайней мере, из числа тех, что сохранились до нашего времени) была предназначена не для живых, а для мертвых. Религиозная литература была представлена необычайно широко — собрания молитв и гимнов, уставы жреческих коллегий, описания разнообразных обрядов, тексты, читавшиеся при различных ритуальных процессиях, сборники магических формул и т. п. Вряд ли будет большим преувеличением, если мы скажем, что древнеегипетская книга была порождена нуждами религиозной обрядности, в которой главенствующее место занимал заупокойный культ. Но даже если книги были чисто научного содержания — как, например, сочинения по геометрии, астрономии, медицине и т. п. — они все равно находились в ведении жрецов.

Среди всего безбрежного моря древнеегипетских книг были избранные, имевшие особое значение. Писатель Климент Александрийский, живший во II в. н. э. и выступавший в своих произведениях просвещенным посредником между язычеством и христианством, говорит о 42 «Гермесовых книгах». Это — несомненно египетский канон, так как число 42 имело священный характер у египтян и шло, по-видимому, от 42 египетских номов — традиционных областей, на которые делился Египет. Древним египтянам представлялось, что и в загробном царстве их ожидают 42 судьи. Нам трудно судить сейчас, в какой мере утверждение Климента Александрийского соответствует действительности. Но до нас дошел каталог храмовых книг храма в Эдфу, вырезанный на стене того помещения храма, где хранились книги. Известный египтолог Герман Кеез полагает, что это была лишь подручная библиотека жрецов, предназначенная для повседневного употребления. Среди этих книг мы встречаем следующие названия:

1. «Книга—инвентарь храма»

2. «Книга связывания»
3. «Книга всех писаний для руководства»
4. «Книга об управлении храмом»
5. «Книга храмового персонала»
6. «Предписание для стенной живописи и канон пропорций»
7. «Книга о защите царя в его доме»
8. «Изречения для отражения того, что приносит вред»
9. «Наука о периодическом движении обоих светил — солнца и луны»
10. «Закон периодического движения небесных светил»
11. «Перечень всех местностей и учение о том, что они заключают в себе»
12. «Общие предписания о процессиях величества бога Тота вне его храма во все праздники» и т. д. (Всего 37 названий⁹).

В перечне Климента Александрийского упоминаются книги, употреблявшиеся жрецами в соответствии с их рангом в сложной иерархической системе египетского жречества. Это и гимны богам, и правила жизни царя, и сочинения по астрономии и т. п. Все книги были священными, вне зависимости от предмета, которому были посвящены. Особое распространение в храмовых библиотеках имели магические книги¹⁰, число которых превышало две трети от общего количества.

Египетская литература переживает период высокого расцвета в эпоху Среднего царства (2100—1750 гг. до н. э.). Литературный язык этого времени надолго становится классическим. Но на формирование литературы Нового царства (1580—1071 гг. до н. э.) сильное влияние оказала уже стихия живого народного языка, и здесь мы находим произведения на разговорном египетском языке.

Характерной чертой египетских книг является стремление автора остаться в тени — он не стремится связать созданное, им произведение со своим именем. Конечно, авторы существовали: но они полагали, что если припишут свой труд какому-нибудь великому деятелю прошлого — фараону, принцу или даже самому богу Тоту, — это будет лучшей гарантией долговечности их произведения.

Если разделить по жанрам все сохранившиеся памятники египетской литературы (необходимо оговориться, что термин «жанр» может быть здесь употреблен только условно), можно выделить следующие основные типы¹¹:

1. Религиозно-магические сочинения, самые многочисленные и разнообразные. К ним относится «Книга мертвых», о которой речь пойдет ниже, различные «путеводители» по загробному царству («Книга двух путей», «Книга врат», «Книга Амдуат» и другие), а также разнообразные гимны богам, молитвы, уставы жреческих коллегий и т. п.

2. Научные трактаты — сочинения математического, медицинского, астрономического содержания.

3. Исторические хроники с перечнем деяний фараонов, где перечислялись годы их правления, строительные предприятия, празднества и т. д. Как отмечает Кеез, содержание их было гораздо более скудным, чем анналы ассирийских или хеттских царей¹².

4. «Поучения» — своеобразные дидактические трактаты, которые у египтян назывались «Себаит» («учение», «премудрость»). Примером такого поучения является относящееся к времени Среднего царства «Поучение Птаххотпа», возводившееся к визирю царя V династии Птаххотпу. Книга эта считается древнейшим памятником египетской литературы.

5. Сказки, повести и иного рода «светская литература», в том числе и поэтико-философский диалог, каким является «Беседа разочарованного со своим духом». Особенно интересны «Повесть Синухэ», бывшая одной из самых популярных книг, а также фантастическая «Повесть о потерпевшем кораблекрушение», которую В. С. Голенищев, издатель и переводчик повести, сблизил с «Одиссеей» и арабскими сказками о Синдбаде-мореходе.

Была распространена и басня, героями которой выступали животные, но она дошла до нас только в виде отдельных фрагментов.

Самые древние тексты религиозно-магического содержания начинаются «текстами пирамид»: это откровения, относящиеся к заупокойному культу фараонов Древнего царства (3000—2400 гг. до н. э.), начертанные на стенах погребальных камер. Во времена фараонов — строителей пирамид писали много. Мы встречаем среди прочих придворных должностей и начальника царского Дома Писаний, хранившего одновременно и государственный архив. Сохранилась гробница вельможи времени IV династии (2930—2750 гг. до н. э.) Шепсескафа. Помимо прочих титулов, он обладал званием хранителя «До-

ма Писаний». В этом «Доме Писаний» хранились акты и документы государственного архива, а также и другие книги; кроме того, здесь обучались письму молодые люди, готовившиеся к чиновничьей карьере. Шепсескаф был видным вельможей, позднее его пост занял его сын Имери, изображенный рядом с ним на стене гробницы. Это два самых древних библиотекаря в мире.

В эпоху Среднего царства «Тексты пирамид» сменяются «текстами саркофагов» и служат тем же целям.

Наибольшее количество папирусов дал Фиванский некрополь, расположенный близ древних Фив. Среди них преобладают памятники времени расцвета Фив (от конца Среднего царства до конца Нового царства 1580—1071 гг. до н. э.). В 1895 г. в одной из гробниц близ Рамессея, относящейся, как полагают, ко времени XIII династии, Квибелл открыл остатки одной из самых древних в мире частных библиотек. Здесь было найдено около 20 папирусов, среди которых оказались светские и религиозные книги. Среди светских книг мы встречаем здесь «Повесть о красноречивом поселянине», «Повесть Синухэ» и некоторые другие. Особенно интересен иератический папирус, на котором записана режиссура какого-то коронационного обряда (в чем он состоял, можно только догадываться). Царь, постоянно упоминаемый в папирусе, — это Сенусерт I, но есть основания полагать, что сочинение восходит к более раннему времени. Весь текст состоит из отрывистых указаний и реплик, очень трудных для понимания: особенно непонятна терминология. Это было целое представление, и оно красочно изображается на 30 рисунках, воспроизводящих самые главные сцены. Рисунки эти помещены под текстом — таким образом, в этом папирусе мы сталкиваемся с древнейшей иллюстрированной книгой¹³.

Одной из самых больших древнеегипетских книг, сохранившихся до нашего времени, является знаменитый «Папирус Эберс», относящийся к XVII в. до н. э. и содержащий медицинский текст. Его величина — 20,3 м при ширине в 0,3 м.

Знатные египтяне хранили свои книги в специальных ящиках, на крышке которых писалось название произведения. До нас дошел своеобразный «эклибрис» царя Аменофиса (Аменхотепа) III — маленькая светло-голубая фаянсовая плитка с темно-голубой надписью. Здесь названы владельцы книг (Аменофис и царица Тия) и начертан титул книги: «Книга о сикоморе и оливковом дереве».

Самой распространенной древнеегипетской книгой, которая

чаще всего попадает в гробницах, является так называемая «Книга мертвых»¹⁴. Погребальная камера именовалась у египтян «домом вечности»: туда помещалось множество предметов, необходимых, по их мнению, усопшему, в том числе продукты питания и одежда. Вместе с прочими вещами на грудь мумии (под сложенные руки, иногда между ногами) помещался свиток папируса, содержащий текст «Книги мертвых». Эта книга представляет собой огромный сборник магических формул, который египтологи для удобства исследования разбили на 180 «глав». Магические формулы должны были обеспечить усопшему благожелательный прием владык загробного царства, и особенно царя его, Осириса. С помощью начертанных на папирусе заклинаний покойник воскресает, оживает в Осирисе, обретая божественную силу, все радости потустороннего (и земного) мира становятся ему доступными. Порядок отдельных «глав» складывался исторически, и некоторые части «Книги мертвых», как, например, гимны богу Ра или Осирису, появились сравнительно поздно. Первые слова первой главы — *pr. t m hrw*, «выход днем» (имелся в виду выход на солнце, воскресение усопшего, в виде человека, животного или птицы) — служили, по сути дела, у египтян названием всей книги. Многие главы сопровождаются рисунками, также имевшими магическое значение.

Один из наиболее роскошных экземпляров «Книги мертвых», восходящий ко времени XVIII династии, хранится в Лувре. Исследовавший его французский ученый Де Руже заметил, что этот текст был заранее изготовлен в книжной мастерской, причем для имени усопшего было оставлено пустое место. Лицо, купившее папирус, должно было вписать это имя и затем уложить папирус в гробницу в качестве спасительного талисмана. Таким образом, мы имеем в этом случае древнейший экземпляр «многотиражного издания», рассчитанного на массового покупателя — с той только разницей, что издание было рассчитано не на живых, а на мертвых.

Характерно, что некоторые образцы «Книги мертвых» носят на себе следы неоднократного употребления — по-видимому, эти тексты были похищены из гробницы, имя усопшего было в них смыто, и затем экземпляр был продан новому «потребителю». Мы видим здесь, как страсть к наживе побеждает религиозные чувства даже у древних египтян, выдававшихся среди народов древности своей приверженностью к традиционным обрядам и суевериям.

«Книга мертвых» — может быть, первая книга в истории

человечества, предназначенная для массового производства и продажи, в самых разнообразных редакциях и вариантах, иногда очень кратких.

Иллюстрации, которыми богато украшались «Книги мертвых», служили добавлением к тексту — рисунок воспроизводил соответствующее описание. Место, которое эти рисунки занимали, не всегда соответствовало тексту, который ими иллюстрировался.

Главный рисунок изображал суд Осириса. Мы видим здесь бога загробного царства сидящим на троне в царской одежде, посреди зала суда. Перед ним возвышаются огромные весы, на которых взвешивается сердце покойного, отягощенное грехами. На одной чаше весов покоится сердце, на другой — страусовое перо, символизирующее истину (эту сцену иногда называют греческим термином «психостасия» — взвешивание души). При весах работают шакалоголовый бог подземного царства Анубис и сокологоловый бог Хор, а перед весами на пьедестале восседает львиноподобное чудовище — «пожиратель», которое должно пожрать усопшего, если он не выдержит загробного испытания и суда. Душу покойного вводят в зал суда богини Хатхор и Маат, впереди стоит ибисоголовый бог Тот, держа вдалеке вытянутых руках свиток папируса и камышовый стержень: он ведет протокол судебного заседания. Другая ипостась бога Тота в виде павиана принимает также деятельное участие в процедуре суда, сидя на самой верхушке весов.

Перед фигурой Осириса из цветка лотоса поднимаются четыре сына бога Хора, ведающие разными частями ¹⁵ сущности усопшего: Имсети, Хепи, Дуау-Мут-ф, Кебхсену-ф.

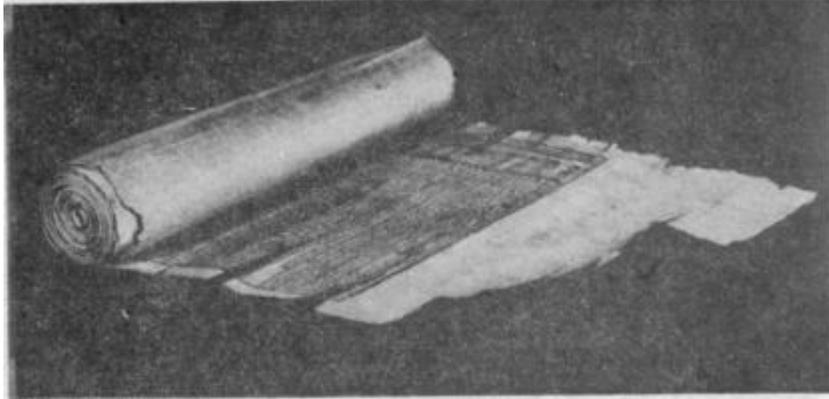
Ведущую роль в ритуале суда играет бог Тот, вступающий за душу покойника. «Бог Тот как бог письменности и секретарь Эннеады ведет протокол суда, как изобретатель мер и числа, в виде кинокефала заведывает весами, причем его роль милостивого покровителя покойника иногда берет верх над функцией справедливого прототипа египетского чиновника и покровителя точных ¹⁶ наук: он позволяет себе перетягивать весы в пользу покойника». Вступаясь за душу покойного, Тот восклицает: «О вы, которые возвышаете превосходные души дома Осириса! Возвысьте душу (имя рек) с вами в дом Осириса, да видит он, как видите вы, да слышит он, как слышите вы, да стоит он, как стоите вы, да сидит он, как сидите вы. О, дающие хлеб, пиво душам превосходным в доме Осириса, дайте хлеб, пиво (имя рек) вместе с вами! О, отвер-

зающие пути, открывающие дороги душам превосходным в доме Осириса, отверзьте пути, откройте дороги душе Осириса (имя рек) вместе с вами к дому Осириса, да войдет он и не будет задержан, да выйдет он в мире из дома Осириса и не будет возбрано ему, не будет ему положено преграды. Да выйдет он хвалимым и изыдет любимым, правогласный вместе с вами: процветает он в доме Осириса, да не будет найдено в нем недостатка, ¹⁷ когда будет он находиться на весах, свободный от порока».

Хотя «Книга мертвых» складывалась на протяжении многих столетий, египетские жрецы стремились приписать определенные части ее каким-то авторам. В одном месте этой книги мы читаем: «Речение это найдено в Шмун под ногами его величества возвышенного бога на скале из верхнеегипетского гранита, записанное божьим словом, во времена его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Микерина священного, принцем Хар-Дедеф. Он нашел это речение, когда занимался ревизией храмов» ¹⁸.

Близко примыкает к «Книге мертвых» группа текстов, которые принято называть «путеводителем по загробному царству». Это — «Книга о двух путях блаженного усопшего», «Книга Амдуат», «Книга врат», «Книга пещер», «Книга проникновения в вечность». Все они также были предназначены для нужд погребального обряда и должны были обеспечить усопшему благополучное проникновение в загробное царство или какую-то часть его. Многие из них, как, например, «Книга о двух путях», были снабжены иллюстрациями, схематически воспроизводящими пути и водные преграды, которые должен будет преодолевать усопший, изображающими чудовища, которые встретятся усопшему на его пути, или ворота, -через которые он должен будет пройти («Книга врат»). «Книга врат» и «Книга Амдуат» отличаются еще тем, что часть текста в них зашифрована — вероятно, для усиления магического эффекта. Иногда «Книга Амдуат» оказывается состоящей из одних иллюстраций.

Характерно, что в загробном царстве течет свой Нил, представляющий собой продолжение земного Нила, и по этому Нилу, текущему в потустороннем мире, плывет бог Ра вместе с другими богами и богинями, а также блаженными усопшими. По берегам потустороннего Нила расположены области, соответствующие земным областям Египта, но населены они чудовищами — как, например, страшный змей Апоп.

Папирус с текстом книги Амдуат (около X в. до нашей эры).
Берлин, Государственный Музей

Его связывает своими заклинаниями Исида и другие боги и т. д.

Но было бы ошибкой сводить все богатство древнеегипетской литературы к перечисленным выше религиозно-магическим сочинениям, дошедшим до нас в столь большом количестве. Последнее обстоятельство определяется тем, что подавляющее большинство папирусов обнаружено учеными в гробницах, и это не могло не сказаться на их содержании. Наряду с религиозной литературой существовала и светская, предназначенная для живых людей. Древнейшим сохранившимся до нашего времени образцом такой «светской» египетской книги является «Папирус Присс», названный так по имени французского ученого, купившего этот папирус в середине XIX века. На нем сохранился текст «Премудростей Птаххотпа», современника фараонов V династии (сейчас этот папирус хранится в Париже, в Библиотеке Насьональ). Памятник представляет собой своеобразный «моральный катехизис», правила поведения, преподносимые «как нечто полезное для того, кто будет слушать, как вред для того, кто будет их преступать». Автор советует юноше, начинающему жизненный путь, не быть надменным: всего дается около 40 советов на разные случаи жизни, изложенных без всякой системы; правила поведения в обществе перемежаются с наставлениями, как вести себя на государственной службе. Характер настав-

лений грубо утилитарный, откровенно проповедуется низкопоклонство и угодничество («гни спину, и твой дом будет прочен и тебя наградят. Хорошо живется, когда начальство благоволит...»).

Светские писатели эпохи Среднего царства — классического периода древнеегипетской литературы — пытаются осмыслить прошедшие века политических потрясений, смело ставят наиболее злободневные проблемы этики, политики, морали. Встречающиеся в это время имена авторов говорят уже о повышенном интересе к личности творца, не принадлежащего к великим мирам сего. Увеличивается интерес к отдаленным странам, лежащим на периферии знакомого египтянам мира, и в связи с этим появляются первые произведения «приключенческого жанра» (разумеется, этот термин может быть употреблен только условно).

Великолепным образцом такой литературы может служить «Повесть Синухэ». «Это настоящий роман, даже в нашем смысле слова, одна из любимейших книг в Египте, дошедшая до нас в нескольких списках и извлечениях разных эпох». Повесть относится ко времени XII династии, и воспроизводимая в ней обстановка вполне соответствует исторической действительности того времени. Написана она в форме автобиографической надгробной надписи (эта литературная форма сложилась еще в эпоху Древнего царства). Иллюстрацией может служить автобиографическая надпись вельможи Уны, жившего при одном из фараонов VI династии. Эта надпись рисует нам живую картину военного и придворного быта, а также строительной деятельности времени конца Древнего царства, при фараонах Тети, Пиопи I и Меренра. В необыкновенно хвастливом тоне Уна перечисляет все высокие должности, которые он занимал при дворе, награды, которые он получал, и особенно гордится тем, что фараон подарил ему известняковый гроб. Саркофаг этот был доставлен ему на большом грузовом судне со всеми деталями и крышкой, которые подробно перечисляются. «Никогда не было сделано подобного ни одному другому слуге, так как я пользовался расположением его величества, так как я был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня». Уна командовал войсками фараона, одержавшими ряд побед, и описание победоносного возвращения войска дано в надписи в форме победной военной песни с постоянным рефреном:

Вернулось это войско благополучно,
Разворотив страну бедуинов.

**Вернулось это войско благополучно,
Разорив страну бедуинов.
Вернулось это войско благополучно,
Снеся ее крепости...**

«Повесть Синухэ» во многом напоминает эту надпись вельможи Уны. Автор повествует от первого лица, рассказывая о том, какую жизнь он вел в качестве придворного, и как однажды против своей воли он оказался свидетелем разговора, из которого узнал о заговоре против царя. Смертельно испугавшись, Синухэ бежал в Сирию («страну Ретену»). Сирийский князь радушно принял его и женил на старшей дочери, дав ему в управление лучшую землю, какую он мог выбрать. Синухэ провел в Сирии много лет. «Князь страны Ретену сделал меня на много лет начальником его войска; в какую сторону я бы ни делал набега и ни нападаю, я прогонял ее жителей от пастбищ и колодцев, уносил все съестное, убивал людей моим мечом, моим луком, моими нашествиями, моими искусными планами. Я был угоден его сердцу, он полюбил меня. Он понял, что я храбр, и он поставил меня во главе детей своих, ибо видел крепость руки моеи»¹.

Синухэ победил в единоборстве одного из туземных князей, снискав себе почет и уважение всех окружающих. Но пошла старость, и Синухэ стал думать о приближении смерти. Он стал мечтать о возвращении на родину, чтобы отойти в лучший мир на родной земле и быть похороненным по традиционному египетскому обряду. Обращаясь с молитвой к божеству, он просит, чтобы и после смерти ему дали возможность служить царице Египта: «Близко отшествия. Да отнесут меня во град вечности! Да буду я там служить владычице вселенной, да беседует она со мной о красоте детей своих и да будет проводить вечность при мне».

Обо всем этом узнал фараон и прислал ему именной указ, текст которого дословно воспроизводится в повести. Помимо прочего, там говорилось: «Возвращайся в Египет, чтобы снова увидеть двор, при котором ты находился, поцеловать землю у двух великих врат, занять свое место среди приближенных. Ведь ты уже начал стареть, потерял мужество. Вспомни день погребения, отшествия к достоинству. Тебе будет посвящена ночь с благовонными маслами и погребальными пеленами из' рук богини Таит, устроят для тебя торжественное шествие в день погребения, (сделают) чехол для мумии из золота, с головной частью — с украшениями из ляпис-лазури, небо будет над тобой, помещенным на салазки, причем быки

повлекут тебя, а певцы пойдут впереди тебя, исполнят пляску «муу» у врат твоей гробницы».

«Ты умрешь не на чужбине, не азиаты проводят тебя к могиле, тебя не завернут в баранью шкуру, тебе будет воздвигнуто каменное сооружение... Позаботься о своем теле и приди».

Таков был этот указ фараона, содержащий формулы, ярко отражающие весь мир мыслей и надежд древнего египтянина, в жизни которого заупокойный культ занимал столь выдающееся место.

Синухэ решил вернуться, и его возвращение описывается в следующих словах: «Когда рассвело, ранним утром пришли и позвали меня. Десять человек шло, десять человек ходило, сопровождая меня во дворец. Я коснулся челом земли между изваяниями (сфинксов). Царевичи, стоящие во вратах, вышли ко мне навстречу, а придворные чины (семеры), допущенные в Зал Разлития, указали мне путь к Зале Аудиенции. Я застал его величество на троне. Упав перед ним на живот, я потерял сознание, а этот бог обратился ко мне милостиво. Я был подобен человеку, которого схватили ночью. Душа моя ушла, члены мои ослабели, сердца не было в теле, и я не мог распознать жизни и смерти».

Далее описываются царские милости, оказанные Синухэ, и прежде всего, конечно, подаренная ему гробница: «Была выстроена для меня каменная гробница в кругу гробниц. Каменщики, строители гробниц, отмерили пространство ее, начальники живописцев расписали ее, главные ваятели произвели скульптурные работы, начальники рабочих горы некрополя взяли на себя хлопоты по этому делу».

Заканчивается повесть обычным колофоном писцов эпохи Среднего царства: «Доведено от начала до конца, как было найдено записанным»².

Повесть Синухэ читали и переписывали в школах писцов как образец классического стиля, хранили в домашних библиотеках как занимательное чтение, переписывали не только на папирусе, но даже черепках (острака). Такие черепки, относящиеся ко времени Нового царства, находят в большом количестве. Свиток, на котором записана «Повесть Синухэ» (№ 3022 Берлинского музея), имеет в длину 445 см, в высоту — 16 см. Это близко к стандартному размеру свитка папируса, указанному выше и обычно употреблявшемуся в греко-римскую эпоху.

В заключение скажем несколько слов о том, как писался

Рельеф из гробницы Канинисут. Слева Канинисут и его сын, справа изображены в три яруса писцы с тростниковыми стержнями, палетками, свитками и разнообразными футлярами для книг. Около 2500 г. до нашей эры.

Вена, Музей истории искусств

текст древнеегипетской книги. До XII династии (то есть до начала II тысячелетия до н. э.) текст в египетских памятниках письменности писался справа налево вертикальными колонками (только даты и заголовки писались горизонтально). Со времен XII династии писали обычно горизонтальными строками: встречаются папирусы, где текст идет колонками слева направо, но знаки в колонках написаны справа налево. Попадают и такие колонки текста, которые как бы обращены друг к другу — текст одной написан справа налево, другой — слева направо. Эту манеру письма древних египтян отметил в качестве экзотической достопримечательности Геродот (II, 36): «Эллины пишут знаки своего письма и считают камешками, двигая рукой слева направо, египтяне же — справа налево».

Если египетский писец должен был написать текст, каж-

дый раздел которого начинался одинаковой фразой, он писал эту фразу только один раз, и во всех последующих случаях оставлял там, где эта фраза должна была стоять, пустое место. Применялись и другие способы избежать повторений одного и того же текста — так, если этот текст должен был стоять в колонках с вертикальным направлением знаков, этот повторяющийся текст писали горизонтально над несколькими вертикальными строками и т. д.²²

Текст в древнеегипетской книге мог быть написан иероглифами, знаками иератического письма (которое представляло собой курсивный вариант иероглифического), и позднее — знаками демотического письма, представлявшего собой дальнейшее развитие иератического (и одновременно — отражавшее позднюю стадию развития египетского языка).

«Изобретение письма и соответствующей системы записей на бумаге имело величайшее значение для прогресса человечества — большее, чем любое иное достижение интеллектуального характера в истории развития общества. Важность этого изобретения была больше, чем все сражения, которые когда-либо были даны, и все конституции, которые когда-либо изобретались»²³.

Основной формой книги, выработанной на протяжении десятков веков истории древнеегипетской цивилизации, была форма книги-свитка. Она просуществовала до самого конца истории древнего Египта и более всего соответствовала материалу, из которого эта книга изготовлялась.

Высокоразвитая цивилизация древнего Египта оказывала сильнейшее влияние на культуру окружающих его народов*. Поэтому следует считать вполне естественным, что вместе с другими достижениями и культурными завоеваниями древнего Египта они заимствовали у него и форму книги-свитка. Одними из первых сделали это древние греки, от которых культуру книги переняли древние римляне, и уже от последних — все остальные народы Европы²⁴.

* Великий римский историк Тацит в своих «Анналах» (XI, 14) воздает должное древней египетской цивилизации, отмечая ее особо выдающиеся заслуги в создании системы письменности: «Египтяне первыми передали человеческую мысль с помощью рисунков, изображающих животных; эти древнейшие свидетельства человеческой памяти можно увидеть вырезанными на камнях. Таким образом, египтяне оказались изобретателями письма. Финикийцы, господствовавшие на море, привезли письменность в Грецию и приобрели славу ее создателей, хотя в действительности явились лишь ее распространителями».

АНТИЧНЫЕ КНИГИ ИЗ ЕГИПТА

Молчат гробницы, мумии и кости—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена.

И. А. Бунин, Слово

Когда на рубеже нашей эры знаменитый географ древности Страбон посетил египетский город Арсиною, расположенный в Фаюмском оазисе, хозяин дома, в котором остановился любознательный путешественник, повел гостя к озеру священных крокодилов. Страбон вспоминает об этом в своей книге: «Город назывался прежде Крокодилополем. Дело в том, что в этом номе весьма развито почитание крокодила: у них есть одно такое священное животное, содержащее отдельно в озере и прирученное жрецами. Оно называется Сухом. Кормят животное хлебом, мясом и вином — эту пищу всегда приносят с собой чужеземцы, которые приходят созерцать священное животное. Наш хозяин, один из должностных лиц, который посвящал нас там в мистерии, пришел вместе с нами к озеру, захватив от обеда какую-то лепешку, жареного мяса и кувшин с вином, смешанным с медом. Мы застали крокодила лежащим на берегу озера. Жрецы подошли к животному, и один из них открыл ему пасть, а другой кинул туда лепешку, затем мясо, а потом влил медовую смесь. Тогда животное прыгнуло в озеро и переплыло на другой берег. Но когда пришел другой чужестранец, тоже принесший с собой подношение из начатков плодов, жрецы взяли от него дары, затем бегом направилась вокруг озера и, найдя крокодила, подобным же образом отдала животному принесенную пищу» (XVII, 1, 38).

Это был древний ритуал в честь крокодильего бога Собка, освященный веками. Когда еще за сто лет до Страбона в Фаюмский ном прибыл в качестве туриста знатный римский

вельможа Люций Меммий, египетский чиновник, ведавший делами, связанными с приемом иностранцев, отправил местным властям письмо с требованием оказать надлежащий почет высокому гостю: «Позаботься о том, чтобы в соответствующих местах для него был приготовлен ночлег, и чтобы причалы были в надлежащем порядке. А когда сенатор вступит на причал, ему должны быть поднесены надлежащие подарки в соответствии с предписаниями. Необходимо держать наготове хлеб для Петесуха и других крокодилов».

Как же сохранилось это письмо, отражающее смятение местных властей в связи с приездом важного гостя из могущественного Рима, имевшим место в 112 г. до нашей эры? Оказывается, это произошло благодаря... самому крокодилу.

Благочестивое почитание, которым древние египтяне, жившие в Фаюмском номе, окружали это животное, послужило причиной важных открытий, сделанных английскими учеными Грэнфеллом и Хантом. В 1899 г. они вели раскопки близ древнего Крокодилополя, раскрывая одну за другой гробницы Птолемеевской эпохи в поисках древних папирусов. Один из рабочих во время работы наступил на мумию крокодила (они попадались здесь в изобилии: в древности на этом месте находились целые крокодильи кладбища, и на эти мумии местные жители не обращали никакого внимания). Мумия рассыпалась в куски и — к великой радости исследователей — оказалось, что она была завернута в специальный картон, изготовленный из склеенных листов испанского папируса! Тот египтянин, который экономии ради использовал бросовый материал папирусов для такой цели, оказал неоценимую услугу науке.

После этого случая все находимые мумии крокодилов стали подвергаться осмотру, но лишь в двух из ста поиски драгоценных свидетельств древности увенчались успехом. Всего здесь было найдено 264 папируса, извлеченных из 31 мумии крокодилов.

Находки, сделанные Грэнфеллом и Хантом, составляли лишь небольшую часть общей массы папирусов, найденных в Египте и открывших европейским исследователям новые и яркие страницы античной истории и культуры. Но прежде чем мы познакомимся с историей папирусных находок, необходимо объяснить, почему именно Египет оказался той страной, которая подарила нам эти неоценимые памятники античной жизни.

В том, что именно Египет оказался страной, сохранившей

для нас в развалинах древних селений и мусорных кучах памятники античной письменности, не было никакой случайности. Причиной явились совершенно особые географические условия, разительным образом отличающие Египет от всех остальных стран древнего мира.

Долина Нила от Асуана до Каира сжата с обеих сторон пустыней, простирающейся далеко на запад и на восток. С древнейших времен жители густонаселенной нильской долины, возделывая свои небольшие участки плодородной орошаемой Нилом земли, тратили огромные усилия в борьбе с природой, стараясь увеличить площадь земли, пригодной для обработки, отводя воду в глубь пустыни. Свои дома они строили так, чтобы не терять при этом полезную для сельского хозяйства площадь, помещая сооружения или на непригодных участках, или же — если селение помещалось на вновь отвоеванной у пустыни земле — на территории самой пустыни (граница между плодородной землей и зоной пустыни в Египте проходила иногда так резко, что можно было одной ногой встать на пески, а другой — уже на плодородную почву). Совершенно ясно, что отвоеванные у песков участки могли сохраняться при условии тщательного ухода за ними людей, обрабатывавших эту землю: как только человек переставал бороться с пустыней, она немедленно наступала. В течение долгих столетий и даже тысячелетий создавались сложные ирригационные сооружения, многочисленные каналы и дамбы, которые должны были защитить драгоценные участки плодородной земли от испепеляющего дыхания пустыни.

Особенно ухудшился уход за ирригационной системой в Египте к III веку нашей эры, когда римская империя, переживавшая период затяжного кризиса, уже не могла осуществлять строгого контроля за своевременной очисткой каналов и восстановлением ирригационных сооружений. Заметным образом это обстоятельство отразилось на судьбе поселений Фаюмского оазиса: возникшие в III в. до н. э. благодаря неутомимому труду борющихся с пустыней крестьян, они через пять веков полностью опустели, как видно из папирусных документов. Дома в этих поселениях покидались их жителями без всякого сожаления — они были построены из сырцового кирпича, и такие хижины можно было воздвигнуть в любом другом месте. В покинутых домах оставалось все, что не имело ценности для их бывших обитателей, в том числе и старые папирусы, изорванные книги, ненужные документы и письма. Ветхие глиняные хижины быстро разруша-

лись, их заносило песком и пылью. Прошло совсем немного лет, и на этих местах уже трудно было открыть следы исчезнувших поселений: лишь небольшие холмы и бугорки могли навести пытливого археолога на мысль, что под ними скрывались следы человеческой деятельности. Под защитой толстого слоя песка, в условиях сухого климата страны, где практически не выпадает дождей, оказавшиеся там памятники письменности великолепно сохранялись. Напротив, те места Нильской долины, которые заливались водой во время разливов реки, дают очень мало папирусов (в свете этих фактов становится совершенно ясной причина, по которой в Дельте, с ее болотами и стоячими водами, папирусов совсем не обнаружено).

Другим источником древних документов оказались античные мусорные ямы, возникавшие вблизи поселений. Совершенно естественно, что свалки помещались в зоне пустыни, на непригодной для обработки земле. Вся деревня сносила мусор в одно место, и с годами кучи приобретали внушительные размеры (некоторые из них достигают двадцатиметровой высоты). Исследователи сравнивают эти мусорные кучи со слоеным пирогом: в самом низу лежат египетские папирусы, выше встречаются документы времени персидского господства, далее следуют греческие, затем римские, и уже в самом верху — арабские.

Первое знакомство европейцев с древними документами, написанными на папирусе, относится к концу XVIII в. В 1778 г. египетские феллахи предложили одному европейскому путешественнику, прибывшему в Египет по своим коммерческим делам, купить 50 папирусных свитков. Феллахи нашли их в древнем деревянном ящике, изготовленном из сикоморы, который хранился в каком-то подземном сооружении близ Мемфиса. Купец не рискнул приобрести все свитки, и за небольшую сумму взял лишь несколько штук. Остальные папирусы феллахи сожгли (в Европе долго бытовало мнение, будто местное население сжигало папирусы, находимые ими, ради приятного запаха, который они будто бы издавали. В действительности, запах горящего папируса ничем не отличается от запаха горящей бумаги).

Купец, приобретший эти папирусы, передал их затем итальянскому кардиналу Стефано Борджиа, поместившему их в музее Велитри (поэтому за этими документами закрепилось название «харта Борджиана»). Впоследствии документы попали в Ватиканский музей, где хранятся до настоящего времени.

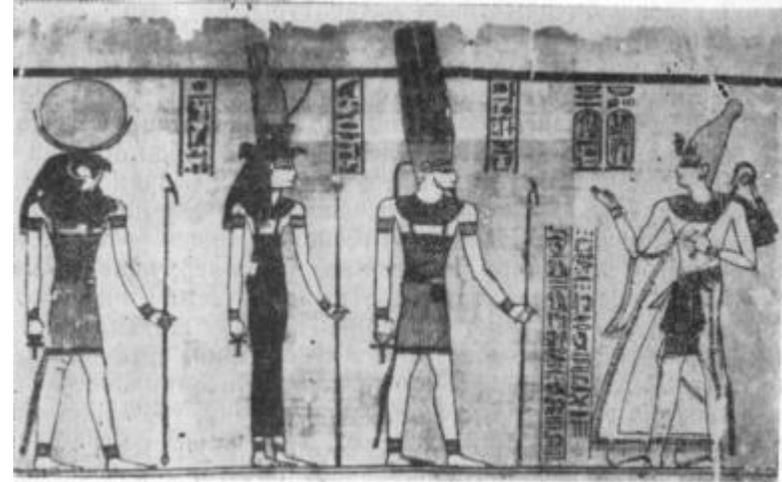
Содержание папирусов разочаровало исследователей: это были списки жителей фаюмской деревушки Птолемаиды Гормос, которые в 192/3 г. н. э. должны были принять участие в работах по восстановлению местной ирригационной системы, чинить плотины и очищать каналы, отводящие воду на поля.

В конце XVIII века французский путешественник Вольней, совершавший поездку в Сирию и Египет, узнал о том, что жители Дамьетты выкопали более 300 папирусов, которые по приказу местного шейха были сожжены. Через сто лет после путешествия Вольней арабы сочли бы безумцем всякого, кто стал бы сжигать находимые в песках Египта папирусы — к этому времени их истинная ценность стала им хорошо известна.

Замечательные открытия в области папирологии были сделаны в двадцатых годах XIX века, когда египетские феллахи нашли целый архив папирусных свитков в районе древнего Серапеума, священного округа Мемфиса с храмом Сараписа и других богов. Архив принадлежал человеку, который некогда прибегнул к защите храма, обладавшего правом убежища: лицо, скрывшееся в нем, оказывалось под защитой богов и поэтоу пользовалось неприкосновенностью. В птолемеевском Египте этим правом убежища могли воспользоваться все, кроме персов по происхождению. Благодаря этому возникла юридическая фикция, согласно которой лицо, заключившее договор и при этом обязывавшееся не прибегать к защите храма в случае неустойки, именовало себя «персом по происхождению».

Как уже говорилось выше, особенно большое количество папирусов дал исследователям фиванский некрополь. Среди них почетное место занимает знаменитый «Папирус Гаррис I», открытый в 1855 году феллахами близ храма в Мединет-Абу. Он называется так по имени владельца, в частном собрании которого он долго хранился (сейчас папирус находится в Британском музее). До настоящего времени он считается самым большим из всех сохранившихся до нашего времени папирусов — он состоит из 79 листов общей длиной свыше 40 метров. Для египтологов «Папирус Гаррис I» особенно ценен тем, что содержит множество сведений по экономике и истории Египта эпохи Нового царства. Папирус представляет собой своеобразный отчет, составленный в связи с погребальной церемонией фараона Рамсеса III. Здесь перечисляются предметы, пожертвованные фараоном в храмы, дается опись храмовых

вещей и доходов; мы получаем из этого документа представление об огромных площадях земли, находившейся в храмовом владении, сотнях тысячах голов скота, многочисленных судах, верфях и мастерских, и даже целых городах, принадлежавших «богу Амуну». Но главная его часть — это история самого Рамсеса III, где рассказывается о внешней и внутренней политике Египта в его правление.

Виньетка из так называемого «Папируса Гаррис I». Около 1160 г. до нашей эры.

Лондон, Британский музей

Во второй половине XIX века в европейские и американские музеи и научные учреждения папирусы поступают во все увеличивающихся количествах. Издаваемые большими сериями, они стали ценнейшим источником разнообразной информации исторического, экономического, юридического характера; на них были открыты памятники античной литературы, считавшиеся безнадежно утраченными. Исследователи находят в этих изъеденных червями и истлевших клочках папируса следы пульсирующей общественной и культурной жизни античных городов и селений, во всей их непосредственности и свежести: эти документы являются неподкупными свидетелями того, что представляла собой ничем не прикрашенная жизнь человека в эпоху, отдаленную от нас на тысячелетия. Как в

калейдоскопе, перед нами оживают тени людей всех возрастов, сословий, наций (столь обильно и разнообразно представленных в птолемеевском Египте), с их повседневными нуждами, заботами, переживаниями, интересами. Папирусы содержат документы самого различного характера — расписки об уплате налогов, купчие и договора об аренде, разнообразные заявления на имя начальствующих лиц, акты служебной и частной переписки, памятники литературы, научные сочинения и т. д. Минувя какого-либо посредника, они из рук последнего владельца или читателя древности попадают в наши руки, донося до нас голос минувших столетий.

Но нас будут интересовать здесь только папирусы Птолемеевской и римской эпох, представляющие собой остатки античных (главным образом, греческих) книг. С времени завоевания Египта Александром и основания города Александрии, греческая культура становится господствующей в этой стране, несмотря на то, что греко-македонская верхушка так и не смогла эллинизировать громадную массу туземного населения, сохранившую свой язык, верования и уклад жизни. Но в полисах Египта — прежде всего, Александрии, а также менее значительной Птолемаиде или в Навкратисе, полностью господствовала греческая система образования, греческий язык, греческая культура*. Для всех тех, кто говорил по-гречески и был причастен к эллинской образованности, производилось немало книг, находившихся в собственности частных лиц, а также всемогущих Птолемеев — в знаменитой Александрийской библиотеке.

Разумеется, судить по папирусным отрывкам о том, как выглядела античная книга, часто так же нелегко, как по рваным лоскуткам, случайно сохранившимся в подземельях какого-нибудь замка, судить о нарядах средневековых дам: материя истлела, краски выцвели, и только опытный глаз сумеет разглядеть следы былого великолепия. Но все же и эти очень ветхие фрагменты могут служить источником важной информации об античной книжной технике. Как правило, древние авторы почти совершенно не уделяли внимания этим вопросам, и до сих пор ряд терминов, связанных с античной книжной техникой, остаются для нас не вполне ясными. Папирусные фрагменты книг позволяют нам получить представление об

* Центром поселения греков становится также Фаюмский оазис, в котором проводятся большие осушительные работы с начала правления Птолемея II Филадельфа. (285—246 гг. до н. э.).

архитектонике текста, типах письма, каллиграфии, знаках и сокращениях, типах примечаний и т. п.

Одной из первых находок греческих книг в Египте было открытие так называемой «Бэнксовской Илиады», — сделанное в 1821 г. В июне указанного года итальянский путешественник Джованни Финати купил на острове Элефантина (бывшем в начале XIX в. крупным рынком антикварных вещей) свиток папируса отличной сохранности, который он затем передал своему спутнику Уильяму Джону Бэнксу (William John Bankes). За папирус пришлось уплатить весьма крупную по тем временам сумму — 500 фунтов стерлингов. В 1875 году, этот папирус был приобретен Британским музеем.

Папирус заключал в себе 16 колонок греческого текста — около 700 стихов последней песни «Илиады» (со 127 по 804). В каждой колонке содержалось в среднем 43 строки, через каждые 100 строк стоял знак, отмечавший количество стихов.

Текст на папирусе был выписан каллиграфически четкими буквами, представляя собой выдающийся образец книжного письма, распространенного в эллинистическую эпоху. Судя по корректурам и критическим знакам, владельцем экземпляра был ученый-грамматик, которому затем этот папирус был вложен в гробницу. Данные палеографического характера позволяют сделать заключение, что папирус относится ко II веку нашей эры.

Характерной особенностью — впрочем, не заключающей в себе ничего неожиданного, — было то, что подавляющее большинство литературных папирусов, чаще всего представляющих собой фрагменты античных книг, содержали тексты поэм Гомера, «Илиады» и «Одиссеи»². Насколько тщательно отделялись античными писцами книги Гомера, можно увидеть на примере отрывка из второй песни «Илиады» (ст. 730—828), опубликованного в первом томе «Оксиринхских папирусов», издававшихся Грэнфеллом и Хантом (The Oxyrhynchus Papyri, P. I. London 1898, by V. P. Grenfell, A. S. Hunt). Он написан поразительно по красоте унциальным письмом и может служить прекрасной иллюстрацией каллиграфически написанной античной книги, которая должна была удовлетворить вкусу самого взыскательного книголюбца (№ 20, Plate V, p. 47).

Город Оксиринх, в котором Грэнфелл и Хант сделали важные открытия, был одним из древних городов эллинистического Египта, расположенных в Фаюмском оазисе. Еще до того, как указанные английские исследователи начали здесь свои работы, интересные открытия были сделаны в этом районе из-

вестным археологом и востоковедом Флиндерсом Петри в 1888 году. Во время раскопок, проводившихся им в Фаюме, ему удалось обнаружить папирусы с текстом диалога «Федон», принадлежавшего Платону, фрагменты утраченных пьес Эврипида и другие разнообразные литературные и исторические тексты, помимо множества других папирусов документального и частного характера. В 90-х гг. XIX века стала публиковаться серия «Папирусов Флиндерса Петри», привлекавшая внимание ученых к бесценной сокровищнице древних текстов, какой оказались пески Фаюма. Так родилась новая научная дисциплина — античная папирология, вскоре занявшая видное (а в некоторых областях, как, например, история Египта эпохи Птолемеев, даже ведущее) место среди других вспомогательных источниковедческих дисциплин.

Исследовавшие фаюмские древние города в конце XIX в. Грэнфелл и Хант издали в 1900 г. совместно с Хогартом книгу «Фаюмские города и их папирусы» (Faÿm towns and their Papyri), содержащую предварительные итоги их изысканий в этом районе. Особенно блестящими успехами увенчались их работы в Оксирихе. В 1905 году они открыли остатки библиотеки какого-то древнего грамматика, среди которых оказались фрагменты памятников античной литературы, до этого совершенно неизвестных. Поэтому серия «Оксирихских папирусов», в которой оба ученых стали публиковать свои находки, продолжает оставаться одной из наиболее интересных для историка античной литературы и культуры вообще.

Может быть, самым замечательным открытием, сделанным в Оксирихе, была находка отрывков произведений греческих поэтов VI в. до н. э. Алкея и Сапфо, — до этого, казалось, безвозвратно утерянных для науки. Так, например, X том «Оксирихских папирусов» содержит отрывок первой книги «Песен» поэтессы Сапфо. Состояние папируса оставляет желать лучшего, но сохранился конец, представляющий значительный, интерес с точки зрения знакомства с античной книжной техникой. Здесь мы читаем:

МЕΛΩΝΑ
ΧΗΝΗΔΔ

Слово МЕΛΩΝ значит «песен», буква Α — порядковое числительное «первый» — обозначает первую книгу сочинений, Сапфо. Внизу проставлено число стихов первой книги — 1320. Характерно, что использованы не милетские цифры, обычно применявшиеся в эллинистическом и римском Египте, а старо-

аттические, где Χ означает «тысячу», Η — «сто», Δ — «десять» и т. д. Это говорит о том, что здесь перед нами ученое издание «Песен» Сапфо (аттическое влияние наиболее явно ощущалось именно в этой среде). Мы увидим ниже, что количество стихов, так называемые «стихотметрические данные», непременно содержались в каждом античном издании, по причинам, о которых речь пойдет ниже.

Выше указывалось, что подавляющее большинство литературных папирусов содержит отрывки из поэм Гомера. Число гомеровских текстов, открытых на папирусах, достигает многих сотен, и с точки зрения книжной техники представляют особый интерес благодаря особой тщательности, с которой они выполнены. Несомненно, весьма изысканному изданию «Одиссеи» принадлежит отрывок, демонстрируемый на постоянной выставке папирусов Австрийской Национальной библиотеки в Вене. Фрагмент содержит две колонки стихов из III песни «Одиссеи» (353—400 и 405—421). Издание отличается необыкновенно четким каллиграфическим письмом. Мы находим в нем и исправления, и знаки для чтения, и цифры, обозначающие число стихов; они позволяли античному читателю быстро отыскать требуемый стих. На полях между колонками вписаны примечания («схолии»), выполненные курсивным письмом.

Интересно сравнить папирусные тексты с рукописной традицией «Илиады» и «Одиссеи», идущей от византийской эпохи и лежащей в основе современных изданий этих поэм (сохранилось около 200 рукописей «Илиады» и до 75 рукописей «Одиссеи»). Большой знаток проблем, связанных с гомеровским эпосом, Виламовиц-Мёллендорф писал по поводу папирусных отрывков с гомеровскими текстами (относящихся к раннептолемеевскому периоду): «Мы находим здесь совершенно неоценимые фрагменты. Как и следовало ожидать, в этих поэмах, давно ставших достоянием всего народа, текст найденных фрагментов отклоняется от того, который был установлен в результате усилий античных ученых и дошел до нас, притом весьма существенно. Тот, кого это смущает, должны учесть, что мы таким образом получили ряд новых стихов Гомера, которые не хуже, но и не лучше, чем многие из тех, которые нам известны. Действительно, отрадно сознавать, что они мало подходят для того, чтобы взять их в текст поэм, так как это обстоятельство увеличивает степень доверия, питаемого нами к античным критикам, установившим текст гомеровских поэм».

Одним из древнейших образцов античной книги является

открытый в 1902 г. в древней гробнице, рядом с египетской деревушкой Абусир, папирус с текстом произведения древнегреческого поэта Тимофея, номом «Персы». Книга относится к последним десятилетиям IV века до н. э. Начало папируса повреждено, но хорошо сохранились колонки с третьей по шестую. Открыл папирус Людвиг Бохардт, прочел⁵ и подготовил образцовое его издание Виламовиц-Мёллендорф⁶.

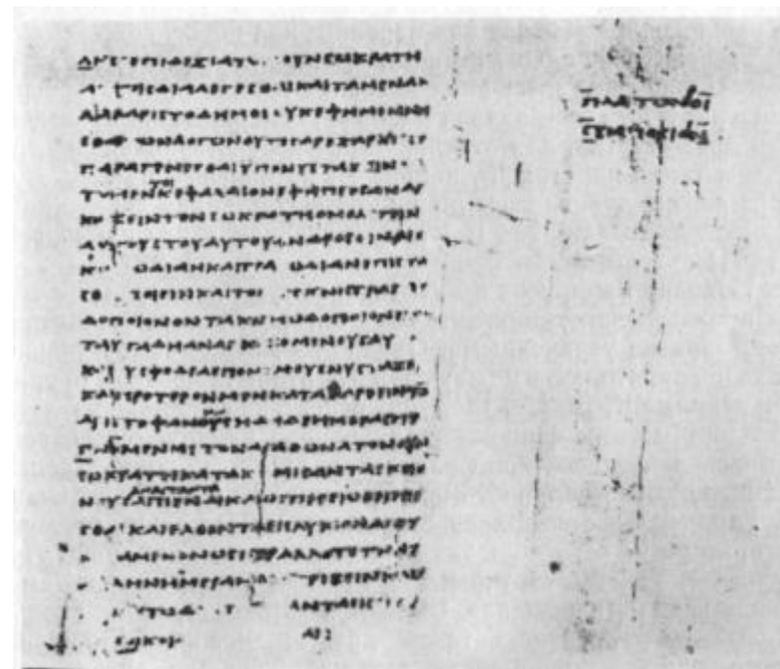
Интересны обстоятельства находки. Селение Абусир ведет свое начало от древнего египетского поселения Бусирис (название которого продолжает жить в форме Абусир). Это древнее поселение имело кладбище, часть которого занята греческими погребениями. По-видимому, еще до Александра Македонского здесь жили греческие торговцы, наемные солдаты и иные иностранцы, которые, как это очень часто случалось в истории Египта, усвоили египетский обычай мумификации покойников. В одной из таких греческих могил и был найден (в головах мумии) этот папирусный свиток высотой в 18,5 см. Развернутый, он составил в длину 1,11 метра. Хорошо сохранились три последних колонки текста, тогда как первая, которая не была ничем защищена, сильно фрагментирована. Значительно попорчена и вторая колонка, нижняя ее половина. Характерно, что рядом с папирусом в гробнице была обнаружена сумочка, в которой хранилась губка! Этот предмет был важной письменной принадлежностью: губкой, предварительно намоченной, смывали текст на папирусе, если он чем-то не удовлетворял писавшего. Не был ли покойник писцом, изготавливавшим книги? Виламовиц в своем издании памятника отрицательно относится к такому предположению, так как рядом не были найдены чернильница и каламы. Как бы то ни было, книга была положена покойному в качестве дорожного чтения по пути в загробное царство, наравне с дорожной обувью, которая тоже могла пригодиться в пути.

Открытый при таких обстоятельствах экземпляр произведения Тимофея «Персы» представляет собой книгу, которая без всякого сомнения старше любой другой, обнаруженной в Египте (здесь имеются, в виду, конечно, только греческие книги)⁶. О том, что это не частный список, говорят каллиграфически выписанные буквы, без следа наклонности к курсиву. По-видимому, так выглядели книги, продававшиеся в Афинах, содержавшие трагедии афинских драматургов или речи аттических ораторов.

В этой древнейшей книге можно различить уже некоторые надстрочные знаки: начало абзаца обозначено чертой над пер-

буква стоит отдельно от другой, строки не разделяются на слова. Отсутствие деления текста на слова характерно для всех вообще античных книг: поэтому для того, чтобы читателю было легче схватить смысл, текста, он писался узкими колонками. В поле зрения читающего попадали несколько таких колонок, когда он держал в руках развернутый свиток.

Конец папирусной книги-свитка с текстом сочинения Платона «Пир». Справа от заключительной колонки ясно виден титул книги: «ПЛАТОНА ПИР». Около 200 г. до нашей эры.

The Oxyrh. Papyri, t. V, 1908, Pl. VI

Характерным образцом обычного прозаического книжного текста может служить довольно хорошо сохранившийся литературный папирус конца III или начала II века до н. э., опубликованный в V томе «Оксиринхских папирусов». На снимке мы видим конец этого свитка, содержащего сочинение Платона «Пир». Длина всего свитка составляет 7,5 м. Ясные и четкие буквы текста ничем не связаны между собой, слова не отделяются друг от друга, знаки ударений и придыханий (как обычно в античных книгах) отсутствуют, но знаки интерпункции — точка, двоеточие — встречаются довольно часто. Справа на полях (на снимке — вверху, так как в снимок попала половина страницы) написаны два слова: ΠΛΑΤΩΝΟΣ ΣΙΜΠΟΣΙΟΝ. В каждом слове вверху над первой и над последней буквой, а во втором слове — еще и внизу, проведены черты — «параграфы». Они служат здесь для выделения титула книги. Параграф особенно часто применялся в книгах, содержащих произведения драматургии, для отделения речей действующих лиц. Мы видим такие параграфы, например, на обрывке папируса, содержащего текст пьесы Менандра «Отрезанная коса» (папирус опубликован во II томе «Оксиринхских папирусов», № 211).

Находки папирусов в Египте зачастую возвращают к жизни произведения таких античных авторов, которые считались безвозвратно утраченными. Одной из самых замечательных находок такого рода может служить открытие речей Гиперида в середине XIX века. В 1847 году египетские феллахи извлекли из одной могилы фиванского некрополя папирус, состоявший из нескольких десятков фрагментов, который они продали итальянцу Кастелларию. Впоследствии он попал к англичанину Гаррису. Как оказалось, папирус содержал речи аттического оратора IV века до н. э. Гиперида, считавшиеся давно утраченными. Так были открыты речи Гиперида «Против Демосфена» и «За Ликофрона». Однако феллахи продали только половину фрагментов, оставив другую у себя. Оставшуюся часть удалось приобрести путешествующему английскому юристу Джозефу Ардену за 350 турецких золотых монет. В этой приобретенной Арденем части содержался конец речи «За Ликофрона» и вся речь «За Эвксениппа».

Но, может быть, самой поразительной находкой, сделанной уже в XX веке, является открытие пьес Менандра, основателя Новой аттической комедии. Драмы Менандра, пользовавшегося в древности громкой славой, считались полностью утра-

ченными. Их почти не переписывали для нужд византийской школы, так как содержание пьес этого драматурга, в которых так много внимания уделялось земной, «плотской» любви, противоречило идеалам христианства, бывшего официальной идеологией византийского государства и проповедывавшего умерщвление плоти. Последний удар наследию Менандра был нанесен в XIV веке, когда изуверствующие монахи Византии сожгли его книги вместе с произведениями других гениальных греческих поэтов и драматургов. Единственным источником, позволявшим получить представление о его творчестве, оставались произведения римских драматургов и прежде всего Теренция, довольно близко следовавшего своему оригиналу.

В 1905 г. Лефевр, исследовавший древний Афродитополь (южнее египетских Фив), открыл в развалинах дома поздне-римской эпохи вместительный сосуд, почти совершенно целый, наполненный папирусами самого разнообразного содержания. Там лежали различного рода контракты, письма, завещания и другие документы юридического характера, датированные временем правления императоров Юстиниана и Юстина II. Документы были уложены в сосуд их владельцем, юстициарием Флавием Диоскором, сыном Аполлоса. Этот человек был в Афродитополе видным гражданином — обладателем земельной собственности, чиновником и даже поэтом (жил он примерно в 520—585 гг. н. э.). Хотя Флавий Диоскор был по происхождению египтянином, по культуре и образованию он принадлежал к полностью эллинизованному населению страны: греческий язык был, вероятно, родным уже для его предков. Чтобы сохранить свои документы, Диоскор прикрывал сосуд остатками сильно фрагментированного папирусного кодекса, содержавшего пьесы Менандра. Вероятно, владелец этого кодекса не раз перечитывал эти пьесы, как видно из заимствованных, которые он делал из них для своих собственных произведений. Некоторые листы кодекса выпали из сосуда и поэтому оказались сильнее всего поврежденными сыростью и червями. В сосуде были открыты листы, содержавшие остатки пьес «Третьей суд», «Отрезанная коса», «Самиянка», «Герой». В выпавших из сосуда листах также содержались части пьес «Третьей суд», «Самиянка», «Отрезанная коса» и ряд других фрагментов. Кодекс служил Диоскору в качестве макулатуры, отчего даже порядок листов оказался в нем спутанным.

Лефевр работал над своей изумительной находкой около двух лет, и только в 1907 г. опубликовал текст открытых им

пьес Менандра⁸. Публикация Лефевром такого сенсационного материала привлекла внимание всего ученого мира, и ряд известных исследователей — Кертс, Иенсен, Судхауз и другие продолжили исследование кодекса, хранящегося ныне в Каирском музее под № 43227.

По-видимому, весь кодекс был составлен из «тетрадей», но ни одна из них в целостности не сохранилась¹⁰. Они соединялись в кодекс таким образом, что «ректум» одного листа прилегал к «ректум» другого, а «версум» — к «версум». Кодекс был довольно большого формата: страницы имели в высоту 30 см, а в ширину — 18 см. Количество строк на странице в среднем составляло 35 — не меньше 33, но и не более 38. Верхнее поле страницы равнялось 3 см, нижнее — 4 см.

В кодексе были обнаружены следы нумерации страниц. Лист, обозначенный исследователями литерой А и содержащий фрагмент пьесы «Герой», оказался помеченным цифрой 29, а оборотная сторона его — цифрой 30. Шестая тетрадь оказалась помеченной цифрой 6, проставленной слева вверху, на первой странице тетради. Считая в каждой тетради 16 страниц, можно вычислить, что этот номер 6 был проставлен на 81 странице всего кодекса — на этой странице начинался IV акт пьесы «Третьейский суд». Так как на 29 странице содержится начало пьесы «Герой», можно заключить, что предшествовавшие 28 страниц содержали примерно 960 стихов, принадлежавших уже другой пьесе. Таким образом, эта пьеса оказалась утраченной. Выше говорилось, что порядок листов в кодексе был совершенно спутан, поэтому ученые разошлись в своих суждениях относительно порядка следования пьес в кодексе. Но, по-видимому, кодекс начинался с этой утраченной пьесы, название которой неизвестно. За ней следовала пьеса «Герой», затем — «Третьейский суд», четвертое место в кодексе занимала пьеса «Отрезанная коса» и пятое — «Самиянка». Весь кодекс, по всей вероятности, состоял из 10 тетрадей (160 страниц), заключавших в себе примерно 5500 стихов. Из них сохранилось 1535, то есть менее одной трети.

Весь кодекс был делом рук одного писца. По палеографическим данным он относится к V веку нашей эры — он был изготовлен при жизни родителей Флавия Диоскора.

Писец кодекса ставил иногда ударения и придыхания; помимо этого, какой-то читатель проставил над стихами 258—280 пьесы «Отрезанная коса» ударения и придыхания более бледными чернилами. Он ставил эти знаки не над гласными, над которыми они должны были бы стоять, а над следующими

за ними согласными. Писец также использовал и знаки интерпункции — точку вверху строки, разделяющую предложения, двоеточие (особенно тогда, когда говоривший обращался к новому действующему лицу). Эти же знаки применены для отделения реплик различных действующих лиц, вместе с чертой («параграфом»), которая ставилась на левом поле под стихом. Имена действующих лиц даны в сокращении, на левом поле страницы, иногда — в середине между стихами. Но если стих разорван между двумя действующими лицами (часть произносит один, часть — другой), имя действующего лица пишется в таком случае справа.

Кодекс не предназначался для ученого грамматика — в нем нет и следа ученых примечаний («схолий»), которые обычно встречаются в изданиях такого типа.

Писец кодекса был не очень грамотным человеком, и это видно из того, что он иногда путал долгие и краткие гласные (есть даже случаи написания ф вместо л и т. д.). Однако, если мы сравним текст, открытый в кодексе, с теми же стихами, открытыми в других фрагментах, то мы легко убедимся в том, что Каирский кодекс сохранил нам текст пьес Менандра во вполне удовлетворительном состоянии.

Находки папирусов с текстами Менандра на этом, однако, не ограничились. В 1956 году известный швейцарский коллекционер Бодмер приобрел на частном рынке в Александрии остатки другого папирусного кодекса — одиннадцать листов папируса, исписанного с обеих сторон (кроме последнего листа, исписанного лишь с одной стороны). Папирус Бодмера содержал полностью сохранившуюся пьесу Менандра «Угрюмец» — первую пьесу драматурга, сохранившуюся целиком¹¹. Текст комедии вводился кратким изложением содержания, написанным ученым грамматиком Аристофаном. Из этого же введения видно, что комедия была поставлена в 317/316 г. до н. э. и получила первую награду. На листах сохранились следы пагинации — «ректум» первого листа помечен 19 номером. Отсюда можно сделать вывод, что в кодексе комедии «Угрюмец» предшествовала другая комедия, уместившаяся на 18 страницах.

Формат кодекса был обычным для античных книг — 27,5x13 см. Листы сохранились сравнительно хорошо, поврежденными оказались лишь верхушки и некоторые края, от чего пострадали ряд строк текста через более или менее регулярные интервалы. Первая сторона («ректум») десятого листа, содержащая стихи 850—887, оказалась написанной другой

рукой, и это обстоятельство следует считать счастливым: почерк этого писца приближался к курсивному письму, что давало возможность сопоставить эту страницу с датируемыми документами¹². Мартен, которому принадлежит первое издание комедии, датирует кодекс, о котором здесь идет речь, первой половиной III века нашей эры¹³. Профессор Хунгер, хранитель отдела папирусов Венской Национальной библиотеки, показывал Краусу папирусные документы, точно совпадающие по характеру письма с этой страницей: они относились к 250—260 гг. нашей эры. Напротив, другой издатель комедии «Угрюмец», Хэндли, склонен относить изготовление кодекса к концу III или даже началу IV века¹⁴.

Текст комедии имеет титул в самом начале — ΔΥΣΚΟΛΟΣ. Титул повторяется и в конце текста в форме ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ ΔΥΣΚΟΛΟΣ, — причем эти слова заключены в своеобразную рамку из отдельных завитушек. Рядом с этой рамкой писец нарисовал виньетку в виде семиконечной звезды, состоящей из отдельных штрихов, чтобы подчеркнуть, по-видимому, окончание текста.

Папирус написан хорошо читающимся, хотя и несколько беглым «книжным письмом» с известными колебаниями в размере и форме букв, а также в расстояниях между буквами. Писец работал недостаточно тщательно и иногда путал буквы сходных начертаний — пи, тау, гамму. В двух местах — стихах 913, 931 — им пропущены целые слоги и для них оставлено место. Это говорит о том, что оригинал, с которого делался список, был или неразборчивым или поврежденным. Пропущенные писцом слоги восстанавливаются без труда — свидетельство того, что писец не вдумывался в смысл текста, который он копировал. Ошибки, которые он допустил, свидетельствуют также о том, что он не обращал внимания и на метрику стиха, искажая формы отдельных слов в ущерб метру.

Орфография текста в основном выдержана, и обычные для того времени, когда писался кодекс, смещения ε и α ι, ε и η, ο и ω встречаются не очень часто.

Имена действующих лиц комедии обозначены (часто в сокращении) на полях слева, и два раза — над строкой. Реплики их отделены параграфами — небольшой горизонтальной чертой слева под последней строкой реплики. Применяются также двоеточия («диколон»), ставящиеся в конце реплики, иногда в середине стиха — в том случае, когда вторую часть стиха произносит другое действующее лицо. Там, где принадлеж-

ность реплики другому лицу не бросается в глаза, параграфы имеют большое значение.

Обозначение действующих лиц на полях текста драмы считалось ранее, под влиянием авторитета Вилламовица, изобретением грамматиков Александрийской эпохи. Этот взгляд подвергся пересмотру в работе Штеффля, посвященной смене действующих лиц в пьесе «Угрюмец»¹⁵. Признавая, что в этом папирусе Менандра иногда отсутствуют параграфы и двоеточия там, где они должны были бы стоять, и что они иногда стоят не на своих местах, автор тем не менее убедительно доказывает, что в сохранившемся тексте комедии нельзя с полной уверенностью указать на случай, когда имена действующих лиц неверно указаны на полях текста¹⁶. Система обозначения имен действующих лиц, по мнению исследователя, удивительно рациональна: они обозначены лишь там, где они выступают впервые, или вступают в диалог в качестве третьего действующего лица. Когда же диалог идет между двумя действующими лицами, их реплики отделены друг от друга параграфами или двоеточиями.

Кодекс, часть которого составляла приобретенная Бодмером пьеса «Угрюмец», содержал и другие произведения Менандра, но какие именно — сказать трудно. Как подчеркивает Хэндли, одна главная черта папируса не может вызывать сомнений: ошибки, в нем встречающиеся, принадлежат к числу таких, которые обычно имеют место при небрежном копировании¹⁷. Отсюда можно заключить, что этот кодекс не был книгой, изготовленной на продажу, и был изготовлен по заказу для частного лица не очень старательным копиистом.

Частые находки фрагментов комедий Менандра в песках Египта говорят о большой популярности этого драматурга в эллинистическую и римскую эпохи. В 1901—1902 гг. французский археолог Жуге производил раскопки в Фаюме, в местности Мединет-Горан, где открыл целое кладбище мумий. Многие из них были покрыты декорированными одеяниями, изготовленными из холста, пальмовых волокон, и частично из листов папируса, соединенных в картонажи. Начав демонтаж этих картонажей, Жуге обнаружил остатки свитка, содержащего текст какого-то произведения драматургии. Познакомившись внимательнее с этим текстом, ученый предположил, что на этом папирусе записан текст пьесы Менандра, но не встретил поддержки в кругах научной общественности. Исследование свитка не было им закончено. Только спустя 60 лет известному французскому папирологу Андре Батайлю удалось раз-

вернуть десять кусков папируса, принадлежавших тому же свитку, который начал исследовать Жуге. Предположение Жуге блестяще подтвердилось, нашлась и заключительная колонка текста с колофоном: «Сикионец Менандра». Здесь же было указано число стихов комедии (числовой знак для тысячи).

Парижский папирус датируется последней третью III века до н. э. Таким образом, перед нами древнейшая книга, содержащая сочинения Менандра, отделенная от времени смерти поэта всего 70 годами! Эта древняя книга-свиток была изготовлена из папируса не очень высокого качества. Высота столбца равнялась 16 см. По-видимому, это был частный список, а не издание, изготовленное на продажу, — на папирусе сохранились следы более раннего, но смытого затем текста.

Число стихов в колонке колеблется здесь от 22 до 25, ведется счет стихам (стихометрия): каждая сотня стихов отмечена буквой в порядке алфавита (Н для 700, Θ для 800). Для отграничения одной реплики от другой служит параграф — горизонтальная черточка под первой буквой стиха, которым кончается реплика. В конце реплики иногда ставится «диколон» — двоеточие, но этот прием использован в тексте «Сикионца» только два раза.

Наряду с книгами, изготовленными партией, составляющей издание, и книгами, изготовленными по заказу, в античности широкое распространение имели частные списки (принципиальные отличия частного списка от изданной книги будут рассмотрены нами ниже).

Характерным образцом такого частного списка может служить папирус, открытый в 1890 г., содержащий текст сочинения Аристотеля «Афинская полития» (Афинское государственное устройство). Папирус состоял из четырех свитков, имевших краткую нумерацию: А, В, Г τόμος Δ¹⁹. Отсюда, между прочим, видно, что термином, обозначающим свиток, содержащий часть сочинения, было слово «том», которое в переводе означает «отрезок». Длина самого большого из этих свитков равнялась 2,2 м, самого короткого — 91 см. Всего текст состоял из 37 колонок. На самом большом свитке поместились 11 колонок, на самом коротком — 6 колонок. Средняя высота свитка — 27,5 см.

Текст книги написан не на лицевой стороне папируса («ректум»), а на оборотной («версум»): лицевую сторону заполняют красиво и четко выписанные счета некоего Дидима, домоправителя Эпимаха, в которых этот домоправитель отчитыва-

ется перед хозяином. Они датированы 10 и 11 годами правления императора Веспасиана, то есть 78 и 79 гг. нашей эры.

На оборотной стороне кто-то начал переписывать одну из речей Демосфена (записав короткое содержание этой речи), но затем обладатель папируса решил изготовить себе копию сочинения Аристотеля «Афинская полития». Заметно, что папирус переписывали четыре человека — это можно различить и по почеркам и по различной ширине колонок. По мнению издателя папируса, английского ученого Кениона, первым переписчиком был владетель книги, писавший довольно разборчиво и в общем правильно. Другие почерки принадлежат не очень квалифицированным людям, делавшим грубые ошибки и описки (возможно, это были рабы или наемные переписчики).

Как в тексте сочинения Аристотеля, так и в деловом документе, сохранившемся на лицевой стороне, встречаются одни и те же формы букв, сокращения, и почти полное отсутствие смещения дифтонга AI и E. Характер письма и особенности орфографии позволяют датировать манускрипт временем не позже II века н. э.

Письмо, которым написан текст, — трудно читаемый курсив, со множеством сокращений, как в середине, так и в конце слова. Различные условные штрихи заменяют, например, формы особенно часто употребляющегося глагола «быть».

В том же году, когда была открыта «Афинская полития» Аристотеля, был найден еще один интереснейший папирус, содержащий небольшие комические сценки из народной жизни, так называемые «мимы». Они писались в ритме «хромого ямба». Автором найденных произведений оказался писатель III в. до н. э. Геронд, до этого известный ученым только по имени. Из дошедших до нас скудных цитат из произведений этого автора, весьма немногочисленных, ранее нельзя было составить себе представление о его творчестве.

Папирус с текстом произведений Геронда представлял собой свиток длиной в 4,42 м и высотой в 12,5 см. Всего здесь оказалась 41 колонка текста в среднем по 18 строк в колонке. Семь мимов сохранились полностью, от восьмого мима («Сон») осталось только три стиха. В целом ученые получили в свое распоряжение 703 стиха поэта. Текст свитка оказался написанным невысоким, простым и ясным унциалом («книжным письмом») без сокращений — по-видимому, книга была рассчитана на «массового» читателя, который не должен был встречать какие-либо затруднения при чтении. В книге встречаются знаки придыханий и ударений (острое, тяжелое и обле-

ченное), но главным образом в именах собственных, и словах, трудных для понимания. Встречаются такие знаки, как апостроф и коронида, обозначения долготы и краткости. В качестве знаков интерпункции и обозначения смены действующих лиц мима выступают (правда, неравномерно и небрежно употребляемые, в основном в начале папируса) пробелы, двоеточие над буквой, параграф. В тексте много орфографических ошибок, описок, пропусков букв, повторений и перестановок. Читатели книги оставили на ней следы своей правки: исследователи насчитали пять различных почерков, принадлежавших пяти читателям. Стихи, на которые обращалось особое внимание, были помечены коротким косым штрихом слева от начала строки.

На полях книги встречаются отдельные глоссы, поясняющие или исправляющие текст. Остается, к сожалению, неясным, какие исправления являются результатом «творческой инициативы» античных читателей папируса и какие внесены при сверке с другими рукописями (если, конечно, такая сверка имела место).

Бросается в глаза миниатюрный формат книги. Его можно назвать «карманным», и этот формат хорошо подходит к содержанию папируса: мимы относятся к драматургии «малых форм».

Находки античных книг продолжают радовать исследователей, и они не ограничиваются только Египтом. Весной 1947 года в пустынной местности северо-западного побережья Мертвого моря, в Вади-Кумране (Иордания) были найдены в пещерах свитки и документы на коже, папирусе и пергамене. Рукописи эти получили название кумранских. Многие из них представляли особый интерес для изучения проблемы происхождения христианства, и они привлекли внимание научной общественности всего мира. Но мы отсылаем здесь читателя к увлекательно написанным книгам И. Д. Амусина, подробно освещающим историю этих находок и значение найденных манускриптов для науки²⁰.

На протяжении целого тысячелетия, с момента завоевания Египта Александром Македонским в 332 г. до н. э. и до середины VII века нашей эры, когда Египет оказался под властью арабов, государственным языком страны был греческий язык. Конечно, местное население продолжало говорить и писать на своем египетском языке (в его поздних стадиях, демотической и затем коптской), но подавляющее большинство дошедших до нас десятков тысяч папирусов содержат тексты на грече-

ском языке. Мы сталкиваемся здесь с необыкновенным разнообразием типов письма, обусловленных временем, к которому они относятся, характером документа, индивидуальными особенностями почерка пишущего. Наряду с каллиграфически выписанными четкими документами официальных канцелярий встречаются иногда почти совершенно неразборчивые памятники частной деловой переписки. Но среди всех этих папирусов мы можем совершенно четко различить остатки античных книг: они написаны ясным «книжным письмом», рассчитанным на то, чтобы его понимал каждый грамотный человек. В этом письме формы букв и дуктус становятся традиционными, что, между прочим, затрудняет довольно часто датировку памятника. Но сам факт создания книжного письма говорит о том, насколько глубоко вошла книга в быт и жизнь людей античного мира.

АНТИЧНАЯ КНИГА-СВИТОК

**Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный.**

А. С. Пушкин, Андрей Шенье

В декабре 8 года нашей эры римский император Август специальным эдиктом сослал Публия Овидия Назона, к тому времени известного в римских литературных кругах поэта, в расположенный на самой окраине империи город Томы (ныне порт Констанца в Румынии).

Недавний баловень римских литературных салонов, кумир золотой молодежи, не мысливший себе иной жизни, чем та, которую он вел в Риме, Овидий горько жаловался на свою судьбу в элегиях, которые он присылал с Понта. Эти «Печальные элегии» проникнуты чувством неподдельной тоски по родине. А. С. Пушкин, находивший в своей судьбе черты сходства с опальным римским поэтом, высоко отзывался о них: «Книга *Tristium*... выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). «Героиды», элегии любовные, и самая поэма *Ars amandi*, мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия... Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!»

Овидий завидовал судьбе своих книг, которым суждено было увидеть Рим, столь дорогой его сердцу город, тогда как автору их запрещено появляться на берегах Тибра. Это были книги изгнанника, и внешний вид их соответствовал обстановке, в которой они появились на свет. «Бедная книга! — писал поэт. — Не завидую тебе, ты прибудешь в Рим без меня. Увы! Твоему господину являться туда запрещено. Иди же, но лишняя всяких украшений, как и подобает изгнаннику. Пусть,

жалкая, увидят тебя в том наряде, который приличествует нынешним несчастным временам. Тебя не укутает пурпурного цвета кожа — ведь године скорби не приличествует этот цвет. Титул твой не будет сверкать киноварью, а харта — кедровым маслом. И на «лбу» ты будешь носить «чистые», а не черные «рожки» — ведь это все украшения счастливых книг, тебе же следует служить напоминанием о моей судьбе. Хрупкая пемза не отшлифует оба «лба» книги, чтобы люди увидели тебя косматой, с распущенными волосами. И не стыдись пятен! Всякий, «то их увидит, поймет, что это следы слез» («Печальные элегии», I, I, I — 14).

Мы видим здесь, как поэт противопоставляет свою скромную книгу изгнанника роскошным столичным изданиям, отличия которых, впрочем, нам не вполне ясны. Что представляют собой «рожки»? Какой частью книги является «лоб»? На эти вопросы мы постараемся ответить позднее.

Изысканно отделанные книги, описанные здесь поэтом, ко времени Овидия представляли собой уже вполне устоявшуюся форму, за которой были уже несколько столетий исторического развития. Ее начальные шаги теряются в глуби веков, и только на основании скудных следов традиции и ряда априорных умозаключений мы приходим к выводу, что впервые в Элладе книга появляется и затем находит все более широкое распространение в VII—VI вв. до н. э.² Это как раз время, когда устанавливаются регулярные и прочные торговые связи с Египтом, единственной страной-экспортером папируса, харты, из которой изготовлялись книги. Оживленная торговля приводит к созданию постоянных торговых факторий, так называемых эмпориев, в дельте Нила. Греки создают здесь свою «интернациональную» колонию, город Навкратис, надолго ставший базой греческого влияния в Египте; греческие наемники-солдаты становятся с этого времени главной ударной силой армии фараонов Саисской династии. Греки поселяются также в специально созданных для них лагерях, и с этой поры начинается с особой интенсивностью то взаимопроникновение культур Востока и Запада, которое достигнет полного завершения в эллинистическую и римскую эпохи.

Расцвет литературы и прежде всего прозаических жанров, который наблюдается в Элладе в VI и V веках, был неразрывно связан с развитием книжного дела. Папирус ввозился в Элладу во все более возрастающих масштабах, превратившись в один из главных товаров, импортируемых Элладой из Египта, наравне с хлебом и льняными тканями.

Подлинного размаха книжное дело достигает в Афинах V века до н. э., ставших в это время ведущим центром греческой культуры. Афиняне были тонкими ценителями художественного слова во всех его видах, а афинское государство — страной поголовной грамотности. Аристофан в комедии «Лягушки», представляющей собой первый в мировой истории образец литературно-критического произведения, притворна сетует на это обстоятельство:

Если ж вы еще боитесь, как бы не нашлось невежд
Среди зрителей, боитесь — тонкость речи не постигнут,
Пусть вас это не тревожит, времена теперь не те!
Здесь сидит народ бывалый,
Каждый с книжкою подмышкой, каждый опытный судья.
(Лягушки, ст. 1109 слл.)

К сожалению, в источниках не сохранилось сведений, как была организована торговля книгами в это время, кто и как производил те книги, о которых говорит здесь Аристофан. Но совершенно немыслимо представить себе тот высочайший взлет искусства художественного слова, который так характерен для этой эпохи, без высокого развития издательского и книготоргового дела. В Афинах должны были существовать мастерские-скриптории, производившие свою продукцию не только для нужд Аттики, но и на экспорт. Вряд ли афиняне, соединявшие в качестве черты национального характера высокий уровень духовной культуры с редким практицизмом, могли доверить кому-либо другому издание произведений своих гениальных поэтов и писателей, — дело, бывшее в высшей степени прибыльным. Афинские книги широко распространялись, и вместе с ними — язык литературных Афин, аттический диалект, легший в основу общегреческого литературного языка, ставшего и разговорным языком эпохи эллинизма, так называемой койнэ...

Указанные причины заставляют нас при реконструкции типа античной книги обращаться к более поздней античной традиции, эллинистической и особенно римской, а также к данным папирологии. Чисто внешнее представление о том, как выглядела античная книга, можно получить также на основании произведений античного искусства — помпейских фресок, античных статуй и барельефов, на которых изображены читающие и пишущие люди, а также рисунков на античных вазах.

Единственным видом книги, который знала античность в классическую эпоху, была книга-свиток. Этот тип книги сохра-

Статуя Демосфена, знаменитого оратора Афин IV века до нашей эры. Демосфен держит в руках свиток с текстом своей речи, у ног его — футляр для книг.
Рим, Ватиканский музей

нялся очень долго, и только ко второму веку нашей эры он начал вытесняться книгой-кодексом — то есть тем типом книги, который существует в настоящее время³.

Распространенным стандартом был свиток длиной в среднем около 6 м⁴. Такой стандарт определялся прежде всего удобствами читателя — слишком длинный свиток перематывать утомительно и пользоваться им неудобно. Шесть метров — это примерно длина той «скапы», стандартного свитка чистого папируса, о котором писал Плиний в цитированном выше отрывке из его «Естественной истории». Но, разумеется, в ходу были свитки и меньшей, и (реже) большей величины. Пиннер полагает, что обычный свиток имел в длину 30 футов, то есть 9,15 метра, и высоту 23—25 см, но с ним трудно согласиться⁵. Такой свиток менее удобен для чтения, чтобы вернуться к прочитанному месту, его надо очень долго перематывать. Читали свиток обычно сидя, держа его двумя руками: одной рукой, обычно правой, его разворачивали, левой — сворачивали. Высота свитка соответствовала тому, что мы теперь называем форматом книги. Максимальной была высота в 40 см, минимальной — 5 см. Большинство найденных в Египте папирусов имеет высоту от 20 до 30 см.

Часто встречающимися были свитки длиной в 2—3 метра. Именно такими были свитки, содержащие отдельные песни «Илиады» и «Одиссеи», необычайно распространенные в античном мире. Среди папирусов Британского музея имеется фрагмент третьей песни «Одиссеи». Колонка текста состоит здесь из 35—36 строк и занимает в ширину около 15 см. Следовательно, длина свитка, содержавшего всю III песню «Одиссеи», равнялась примерно 2,5 м⁶.

Произведения античной литературы большого объема делятся обычно на «книги», на книги делились и собрания стихов поэта. Размер такой античной книги равнялся примерно современной главе. Каждая книга, составлявшая часть крупного произведения литературы, представляла собой отдельный свиток. В Александрийскую эпоху «Илиада» и «Одиссея» были разделены на 24 книги (песни) каждая: эти книги представляли собой отдельные свитки, которые хранились либо связанными, либо (что чаще) в специальной коробке, откуда их владелец по желанию мог достать нужную ему часть произведения. Античная книга, как правило, занимала немного места: свиток длиной в 6 метров, будучи свернутым, образует цилиндр диаметром в 5—6 см. Совокупность свитков, составляющих произведения одного автора, в римском юридическом язы-

ке называлась «корпусом», как можно заключить из Ульпиана (Dig. XXXII, 52). Сочинения античных авторов состоят иногда из множества таких книг. Например, произведение римского историка Тита Ливия, излагавшее историю Рима «От основания города», состояло из 142 книг. Они были объединены в десятки, «декады», для удобства читателей и книгопродавцев.

Выбор формата иногда зависел от жанра самого произведения. По-видимому, именно это имеет в виду епископ Исидор из Севильи (VII век н. э.), стремившийся в своей книге «Начала» доказать необходимость сохранения античной культуры. Он пишет: «Известные типы книг изготавливаются по определенным правилам, более мелкие используются для сборников стихов или писем, исторические же сочинения имеют большие размеры...» (VI, 12). Действительно, один из сохранившихся свитков, содержащий тексты эпиграмм, имеет в высоту 5 см⁷. Мерой величины литературного произведения в античности было, как мы увидим ниже, число строк («стихотметрия»). Мы можем, например, установить примерную величину книги исторического сочинения из следующего замечания Иосифа Флавия, который в конце своего сочинения «Иудейские древности» пишет: «Я хочу закончить свою древнюю историю. Она занимает 20 книг и 60000 строк». Отсюда можно заключить, что каждая книга сочинения Иосифа Флавия состояла в среднем из 3000 строк.

Обычным термином, которым пользовались греки для обозначения понятия «книга», было слово «библос», «библион», отсюда происходит слово «библия», что значит «книги», и слово «библиотека». Этим термином называли как отдельный свиток, так и сочинение, состоявшее из нескольких свитков. В более позднюю эпоху со словом «библос» стали связывать представление о книге, обладающей тематической законченностью и единством, тогда как свитки, составляющие отдельные части, «книги», стали обозначать словом «том»; в период раннего средневековья словом «том» обычно обозначали документы, написанные на папирусе. По-видимому, этот термин, значащий «отрезок», получил распространение вследствие того, что оставшийся чистым конец свитка отрезался ради экономии писчего материала.

У римлян термином, обозначающим книгу, вначале было слово «либер» (собственно луб, так как вначале писали именно на нем), и лишь позднее, когда получил широкое распространение папирус, появился наряду с ним термин «волюмен», свиток. В дальнейшем словоупотреблении наметились

различия между словами «либер» и «волюмен». Первый термин стал обозначать книгу вообще, а также ту «книгу», на которые делились объемистые произведения (соответствующую, как уже указывалось, нашей главе), тогда как слово «волюмен» стало обозначать свиток в его вещном значении. Плиний Младший в одном из своих писем (III, 5) упоминает о сочинении своего дяди, Плиния Старшего, состоявшем из трех книг. Но так как книги были слишком большими, то для удобства читателя все сочинение было переписано на шести свитках («волюмина»).

Папирусный свиток обертывался пергаменом, окрашенным в пурпурный или шафранный цвет: он играл роль современного переплета. Торцы свитка (то, что Овидий в цитированном выше отрывке «Печальных элегий» называл «лбами») шлифовались пемзой, которая срезала торчащие волокна папируса. В одной из своих эпиграмм Марциал пишет:

**Хоть еще не наряжена ты в пурпур,
И не сглажена зубом жесткой пемзы,
За Арканом спешишь уехать, книжка... 8
(VIII, 72)**

Иногда к краю папирусного свитка подклеивался лист пергамена, который служил ему защитой. До нас дошел документ римского чиновника Субатиана Аквилы из Египта (от 209 г. н. э.): здесь к папирусному листу подклеен лист пергамена.

Крайний лист, иногда оба крайних листа, прикреплялись к продолговатым стержням, округлые концы которых назывались умбиликами («пупками»). Выдающиеся концы умбиликов иногда получали форму изогнутых рожков и поэтому назывались «рожками». Они окрашивались в черный цвет, как видно из цитированного текста Овидия, но иногда, в особо роскошных экземплярах, покрывались позолотой. О таких изукрашенных книгах упоминает Лукиан в сочинении «Против невежды, скупающего множество книг». Поэт Стаций шутливо обращается к Плоцию Грипу, приславшему ему в подарок свою книгу стихов: «Ну, давай сосчитаемся! Вот наша пурпурная книжечка, из новой харты, украшенная двумя умбиликами...» (Silv. IV, 9, 6—7). Тибулл в одной из своих элегий высказывает свои пожелания относительно того, как должна бы выглядеть его книжка: «Пусть шафранного цвета оболочка из кожи укутает белоснежную книжку, которой пемза ранее срезала седые волосы, пусть тонкая кожа прикроет вершины свитка, чтобы начертанные на ней буквы назвали мое имя,

пусть будут ярко раскрашены «рожки» между двумя «лбами»... (III, 1, 9) .

О книге, прочитанной до самого конца, говорили, что она «перекручена до самых рожков»:

**Книгу до самых рожков перекрученной мне возвращаешь,
Будто ее прочитав, Септициан, целиком...**

пишет Марциал (XI, 107).

Умбилики появились в античной книжной технике сравнительно поздно, и далеко не все книги ими украшались¹⁰. Во всяком случае, на тех памятниках изобразительного искусства античности, где мы видим читающих людей, свитки, которые они держат в руках, умбиликов не имеют. Нет их и у книг, изображенных на так называемом Неймагенском рельефе. Лишен умбилика и свиток, который держит в руках читающий юноша на происходящем из Афин рельефе¹¹. В этом смысле представляет особый интерес также известная фреска из Помпей, на которой изображен Пакувий Прокул с супругой. Пакувий сжимает в руке свиток, тогда как его супруга держит восковые таблички, полиптих. По-видимому, супруги имели отношение к литературе, что истарался подчеркнуть художник. Свиток, который держит Пакувий, не имеет умбиликов и очень прост с виду.

Чтобы спасти книгу от книжного червя, свиток пропитывали кедровым маслом. Лукиан в уже упомянутом здесь сочинении обращается к библиофилу-невежде: «На что ты надеешься, постоянно развертывая и свертывая их, приклеивая и обрезая, смазывая их кедровым маслом и шафраном, заворачивая их в кожу и вкладывая в них стержни...»

Первая страница античной книги-свитка называлась протокол («первая подклейка»), последняя страница — эсхатокол («последняя подклейка»). В византийскую эпоху на протоколе ставился своеобразный «государственный штемпель», удостоверявший, что папирус произведен на государственном предприятии или подтверждающий уплату налога. Этот протокол придавал официальный характер документам, писавшимся на папирусе: отсюда ведет свое происхождение современный термин протокол.

Титул книг помещался на последней странице, эсхатокоче. Причиной такого расположения титула было стремление надолго сохранить титульные данные: последняя страница всегда оказывалась внутри свитка, и это гарантировало ее от внешних повреждений. В титуле, кроме имени автора и названия произведения, могли быть указаны порядковый номер кни-

ги (если это была часть большого произведения), количество строк («стихOMETрия»). и склеек. Иногда данные титула оказываются весьма лаконичными и требуют известных усилий, чтобы их «расшифровать». На найденном в Египте комментарии к речам Демосфена, составленном грамматиком Дидимом, под последней колонкой текста обозначено: «Дидима Демосфена 28 Филиппик». Затем следуют цифры с 9 по 12. Все это означает, что перед нами двадцать восьмая книга комментария грамматика Дидима к речам Демосфена и что в этом свитке прокомментированы «Филиппики» с девятой по двенадцатую.

Титул вместе со стихометрическими данными составлял колофон. По колофону покупатель определял стоимость книги (прямо пропорциональную затраченному на ее изготовление труду): мы можем представить себе, как античный покупатель, придя в книжную лавку, брал поданный ему свиток и перематывал его, стремясь добраться до колофона.

Иногда в титуле, или субскрипции, как он назывался по-латыни, высказываются различные добрые пожелания, обращенные к лицам, причастным к созданию книги, или просто читателям, как в одном папирусе библиотеки Райланда (Pap. RyI. I, 58). После названия книги (это знаменитая речь Демосфена «За Ктесифонта о венке») там идут слова: «Пусть сопутствует счастье переписавшему эту книгу, взявшему ее в руки и читающему ее...».

В некоторых случаях краткий титул ставился и на первом листе свитка; как можно судить по Геркуланским папирусам, ни один из которых не имеет начального титула, это бывало очень редко. Изданные книги имели краткий титул на внешней стороне свитка, так называемую «Эпиграфэ», надпись.

К торцовой части античной книги-свитка прикреплялся так называемый силлиб, или ситтиб: это была полоска пергамена, на которой было обозначено имя автора и название произведения. Ситтиб был необходим для того, чтобы читатель мог, не разворачивая свиток, взять нужную книгу с полки, или вынуть ее из коробки, где она хранилась вместе с другими. Цицерон, тщательно подбиравший свою библиотеку и весьма заботившийся о своих книгах, пишет в одном из писем к своему другу и издателю Аттику: «Твои люди привели в порядок мою библиотеку и снабдили все мои книги ситтибами... (Ad Att. IV, 5). О том, какое значение Цицерон придавал ситтибам, можно увидеть из другого его письма, адресованного тому же Аттику: «После того, как Тираннион привел мои книги

в порядок, мне кажется, что мое жилище приобрело душу. В этом деле помощь твоих Дионисия и Менофила была удивительной. Нет ничего красивее, чем твои полки, после того, как они украсили книги ситтибами...» (Ad Att. IV, 8). Слово «ситтиб» было греческим, римляне обычно употребляли термин «индекс». Надпись индекса часто выполнялась в красном цвете (ср. Марциал, III, 2: «И червецом заалет гордый индекс...»). Он имел овальную или трапециевидную форму*.

Титульные данные, в которых указывалось число строк в книге, были необходимы и для оценки объема литературного наследия писателя. Диоген Лаэртский, оставивший нам жизнеописание знаменитых греческих философов, сообщает, что труды Аристотеля составляли 445270 строк («стихов» — V, 27). В другом месте он же сообщает, что всего сочинения этого философа насчитывали 400 книг и 1000 трактатов.

Другим способом измерения объема произведения было указание на число склеек (такое измерение, естественно, могло появиться вследствие того, что книга писалась часто на отдельных листах, которые потом склеивались в один свиток) На титуле сочинения философа эпикурейца Филодема «О благодарности», обнаруженного среди прочих папирусов знаменитой Геркуланской библиотеки, указано: «Склеек 73 страницы». Еще более значительным был объем другого сочинения того же философа, «О смерти» — в нем было 118 страниц. Но уже сочинение «О риторике» (того же автора) содержало 4200 строк и было, таким образом, ближе к свитку обычной величины.

Как исчислялся объем литературного произведения в Афинах классической эпохи, можно увидеть из случайно брошенного замечания оратора IV в. до н. э. Исократ. В «Панафинейской речи», созданной им уже тогда, когда он находился в весьма преклонном возрасте, оратор рассказывает, как ученики упрекали его в том, что речи, сочиняемые им, слишком длинны. Оправдываясь (§ 136 указанной речи), Исократ заявил, что будет писать лишь для таких слушателей, которых не отпугнет чрезмерный объем его речей — хотя бы они достигали 10 000 «гексаметрических строк» (как можно перевести

термин ελτη). Здесь, конечно, содержится известное преувеличение. Но отсюда можно сделать заключение, что эпический

* Овальную форму имеет окрашенный в пурпурный цвет индекс свитка, который держит в руке мужчина на помпейской фреске, изображающей Пакувия Прокула и его супругу.

стих, античный гекзаметр, был общепринятым стандартом величины строки. Как полагают исследователи, длина такого среднего «нормативного» гекзаметра исчислялась в 34—36 знаков.

В сохранившихся папирусах количество знаков в строке колеблется от 48 (как в знаменитом папирусе с номом Тимофея, о котором шла речь выше) и до 15—10, как в папирусе, содержащем комментарии к диалогу Платона «Теэтет».

Текст в строке античной книги не разделялся на слова и буквы тесно примыкали одна к другой. По мнению Вилаговица, отсутствие деления на слова способствовало тому, что писец, перенося с оригинала букву за буквой, не делал ошибок. Но скорее такова была традиция античной письменности: в надписях текст также не делился на слова. Эта особенность античной книги представляла собой определенные затруднения для читателя. До нас сохранился один любопытный документ раннего христианства, так называемый «Пастырь Гермы». Сочинение это делится на пять «видений»: в первых четырех видениях автору является церковь в образе женщины, в пятом же перед ним является «ангел раскаяния» в образе пастуха (отсюда и название произведения). В первой главе второго видения женщина дает автору книгу с пророчествами, которую надо переписать. Далее автор сообщает: «Я взял ее и, удалившись в уединенное место пустыни, стал переписывать ее буква за буквой, не различая даже слогов». Это значит что автор, находившийся в экстазе, переписывал ее, не понимая смысла текста, не разделяя копируемые строки на слова и слоги.

Между колонками оставались поля. Вверху и внизу колонки также оставалось свободное поле, так как эти края более всего подвергались опасности механических повреждений. Количество строк в колонке зависело от «формата» папируса; различной была и «плотность» текста. В упоминавшемся выше комментарии Дидима к Демосфену примерно семь строк текста занимают 3 см высоты колонки. Число и расположение колонок было идентичным во всех экземплярах одного и того же издания, чтобы при корректуре легко можно было контролировать качество труда переписчиков.

Вначале места склеек листов папируса не заполнялись текстом и служили полями. Позднее переписчики уже не обращали на них внимания, так как склейки делались настолько тщательно, что калам пересекал их, не встречая сопротивления.

Существовали два способа изготовления папирусной книги. Первый способ заключался в том, что текст писался на

отдельных листах, которые затем склеивались в свиток. Естественно предположить, что этот способ был обычным, когда книга выпускалась «массовым тиражом», то есть выходила из скриптория античного издателя: здесь под диктовку одновременно изготовлялись десятки экземпляров и писцам было удобнее манипулировать отдельными листами папируса. На некоторых сохранившихся свитках можно заметить, как далеко выступающие к краю страницы буквы оказываются заклеенными в месте склейки. Возможно, именно этот способ изготовления книги имеет в виду Аристотель в «Метафизике», когда он пишет: «В процессе связывания появляется пучок, в процессе склейки — книга» (VII, 1042 В 18). Но не исключено, что здесь под словом «библион», употребленным Аристотелем, понимается чистый свиток папируса.

Другой способ, особенно распространенный тогда, когда изготовлялись единичные экземпляры книги, состоял в том, что исписывался целый заранее приготовленный свиток. Здесь текст пересекает места склеек. Обычно писали на внутренней стороне свитка («ректум») — той, где волокна папируса шли горизонтально, и калам двигался вдоль них, не встречая сопротивления. Но когда писчего материала не хватало, исписывалась и наружная сторона, «версум». Исписанные с обеих сторон книги назывались опистографами. Так писали люди экономные, потреблявшие большое количество писчего материала. Опистографы входили в книжное наследство Плиния Старшего, по свидетельству его племянника, Плиния Младшего (см. «Письма», III, 5, 17).

Иногда возникала необходимость уничтожить уже нанесенный текст для вторичного использования папируса. В таких случаях он смывался влажной губкой, иногда так, что не оставалось и следа.

Для того, чтобы строки шли строго параллельно, чистый лист папируса заранее расчерчивался. Делалось это при помощи линейки и диска из свинца, заменявшего в древнем мире карандаш. Линии проводились как горизонтальные — для строк, так и вертикальные — для разграничения колонок. Следы этих линий можно обнаружить в некоторых сохранившихся папирусах.

Титул и начальные буквы (или строки) глав выписывались красной тушью: это были так называемые «рубрики», красные строки. Поэтому античная чернильница, как уже говорилось выше, часто была двойной — для красной и черной туши.

Буквы в изданной античной книге были маюскульными,

то есть, говоря неспециализированным языком, прописными. Причина понятна — книга должна была быть доступной любому грамотному человеку. Это было бы невозможно, если бы писцы применяли курсивное письмо, также известное в античности (оно применялось лишь в частных списках). Формы букв менялись в разные эпохи, и, несмотря на индивидуальные отличия почерка отдельных писцов, характер письма древних манускриптов часто является единственным основанием для их датировки — разумеется, если исключить данные языка и орфографии, которые тоже очень важны в этом случае. В римскую эпоху мы находим повсеместно распространенным правильно сформировавшееся унциальное, «книжное» письмо, буквы которого стояли прямо, нисколько не наклоняясь вправо, отличаясь особо четкими округленными формами.

Текст античной книги не был «слепым» — применялись различные типы значков для выделения смысловых разделов

Часть папируса с текстом произведения Тимофея "Персы". Книга

относится к последней трети IV века до нашей эры.

Берлин, Государственный музей

текста, о которых уже говорилось выше, в главе «Античные книги из Египта». К особо часто встречающимся принадлежит параграф — небольшой горизонтальный штрих по краю колонки под строкой, иногда с точкой сверху. Параграф обычно ставился под началом последней строки абзаца. Применение параграфа особенно характерно для папирусов, содержащих фрагменты произведений драматургии: речи каждого действующего лица вводятся при помощи такого знака. Параграф применялся также для обозначения метрически обособленных частей хора (или парабасы в комедии).

Иногда над первой буквой нового абзаца ставилась черта или точка. В виде исключения применялись и знаки для разделения слов, подобно тому, как это делалось иногда в надписях. В некоторых случаях писцы оставляли небольшую лауну внутри строки, после которой следующая буква выдавалась своей величиной. В этих лакунах (а иногда и на полях) ставился особый знак, который по происхождению был сокращенным египетским иероглифом *gogh* — «пауза». От этого знака ведет свое происхождение современный знак параграфа.

В I в. до н. э. мы встречаемся в текстах папирусов со знаками ударения и придыхания, ставившимися над строкой. Особенно часто встречаются ударения в тех случаях, где от акцентуации зависел смысл слова, например, в сложных словах. Система интерпункции также была выработана в древности: мы можем проследить применение точки сверху, в середине строки, внизу. Применялось и двоеточие («диколон»), служившее знаком разделения фраз.

Конец текста обозначался особым значком — коронидой

3 Поля использовались для стихометрии — через каждые 50 или 100 строк («стихов») ставился знак-цифра. На полях же, в промежутках между-колонками текста книги, писались примечания («схолии») — как правило, мелким курсивным письмом. Подавляющее большинство сохранившихся фрагментов античных книг схолий не содержит, и это объясняется тем, что они предназначались для широких читательских кругов, которым ученые примечания были не нужны.

Переписанная книга редактировалась и исправлялась, после чего в колофоне ставилось слово *διωρθωται* «исправлено». В несомненной связи с этим находится слово «диортоза» — тер-

мин, употреблявшийся античными грамматиками в том смысле, в каком мы употребляем термин «издание». Страбон в XIII книге «Географии» (р. 594) сообщает об одной диортозе поэмы «Илиада», которая называлась: «Та, что из ларца». Этот список «Илиады» возил с собой Александр Македонский, храня его в особом драгоценном ларце, захваченном его войсками вместе с прочей добычей у персов.

Следуя принципам египетской книжной техники, где, помимо выделения красной тушью начал и особо важных мест, применялись и двухцветные иллюстрации, греческие мастера книги также старались ее украсить и расцветить. Многочисленные папирусные фрагменты носят на себе следы цветных инициалов и иллюстраций. Это подтверждается и данными античной традиции. Плиний Старший в «Естественной истории» (XXV, 8) сообщает, например, что греки, описывая различные растения, издавна присоединяют к этим описаниям и изображения растений. Но необходимо отметить, что в отличие от средневековой книги, античная книга редко становилась по своему оформлению произведением искусства.

Наряду с иллюстрациями в античных книгах применялись различные схемы и чертежи. В одном из документов «архива Зенона» был открыт план имения Аполлония, всесильного дойкетета (первого министра) царя Птолемея II Филадельфа (III в. до н. э.) *. Огромная земельная площадь поделена на этом плане на прямоугольные бассейны, которые затапливались в целях орошения: все они показаны на чертеже (Р. Lille, 1) ¹³.

В первом томе «Оксиринхских папирусов» (р. 58, № 29) опубликован фрагмент сочинения знаменитого математика древности Эвклида с чертежом, на котором изображена геометрическая фигура.

Иллюстрации в греческой книге выполнялись двумя способами: они или помещались внизу под текстом колонок, или вставлялись внутрь самого текста.

Грекам в оформлении книг во многом следовали римляне. Но в связи с тем, что в римском изобразительном искусстве высокого развития достиг художественный портрет, он стал применяться в качестве иллюстрации в римских книгах. Плиний Старший в «Естественной истории» (XXXV, II) упоминает о сочинении Варрона «Образы». Оно насчитывало 50 книг, в

которых были помещены портреты 700 знаменитых политических деятелей древнего Рима. К этим изображениям были добавлены заметки биографического характера. Все это было вполне в духе римских национальных традиций: право хранить портретные изображения своих предков, *ius imaginum*, считалось важной привилегией нобилитета.

Часто сочинение украшалось портретом автора, причем тут же могли сообщаться и биографические данные о нем. Марциал в одной из своих эпиграмм (XIV, 186) пишет:

**Малый пергамент такой вмещает громаду Марона!
Да и портрет его тут виден на первом листе.**

Здесь, конечно, имеется в виду не свиток, а кодекс, который во времена Марциала стал употребительной формой книги: но прототипом для такого кодекса мог послужить скорее всего иллюстрированный свиток.

Издатели привлекали для изготовления иллюстраций специальных мастеров-художников. В Риме они назывались *artifices* (Nep. v. Attici, 13, 3). К сожалению, мы ничего не знаем о том, как они работали. Светоний в биографии императора Домициана упоминает о некоем Гермогене из Тарса, который в своей «Истории» поместил какие-то изображения, за что поплатился жизнью: даже переписчики, которые изготовляли книгу, были за это распяты Домицианом на кресте. Возможно, что изображения, о которых идет речь у Светония, были карикатурами на императора.

Иллюстрированных свитков до нас не сохранилось, дошли лишь иллюстрированные кодексы, которые могут восходить к древним прототипам, иллюстрированным свиткам. Вероятно, именно таким было происхождение иллюстрированных кодексов с пьесами Теренция, которые дошли до нас в средневековых копиях.

Как указывалось выше, книга-свиток стала вытесняться книгой-кодексом особенно интенсивно со II века н. э. Но в официальных документах свиток продержался вплоть до позднего средневековья. Еще в Греции классической эпохи существовал обычай соединять документы, относящиеся к одному и тому же делу, подклеивая их в один длинный свиток. Об этом упоминает комедиограф Аристофан в комедии «Осы» (ст. 1031 слл.), где говорится о всякого рода клеюзах, которые «подклеивались» и потом направлялись против «порядочных» людей. Такие подклеенные документы в приказном делопроизводстве Московской Руси назывались «столбцами» (отсюда

* Архив Зенона — огромный комплекс папирусных документов открытых в восточной части Фаюмского оазиса в начале XX века

выражение «столбовое дворянство» — то есть такое, права которого на дворянство подтверждались старинными грамотами, «столбцами»).

В свитках, содержащих официальные документы, текст получал иное направление по сравнению с книгой. В последней текст писался параллельно длинной стороне свитка, отдельными колонками, тогда как в официальных документах и античности и средневековья он чаще писался перпендикулярно к длинной стороне, во всю ширину свитка. О таких официальных документах упоминает Светоний в биографии Юлия Цезаря (гл. 56). Писатель сообщает здесь о письмах Цезаря к сенату, которые он первый, как кажется, стал писать в форме книги, то есть постранично, тогда как ранее все государственные деятели и полководцы посылали в сенат документы, написанные так, что текст шел во всю ширину свитка перпендикулярно длинной стороне (*transversa charta*). Светонию можно доверять в этом вопросе: он сам был официальным лицом при римском императоре Адриане и имел доступ к императорскому архиву.

Материальной формой, в которой сохранялось и развивалось все необозримое богатство античной литературы в период ее наивысшего расцвета, была книга-свиток. Роль книги в античном мире не может быть поставлена в сравнение ни с одним государством Древнего Востока, и это дало повод известному знатоку античной книги и литературы Эриху Бете заявить: «Книга впервые, собственно, появилась только у греков. И вместе с ней — сама литература»¹⁴.

Глава VII

АНТИЧНАЯ КНИГА - КОДЕКС

Должно при этом заметить, что одновременно он учил Гаргантюа писать готическими буквами, ибо искусство книгопечатания еще не было тогда изобретено.

Раблэ, Гаргантюа и Пантагрюэль

Появление новой формы книги, книгокодекса, вытеснившей из повсеместного употребления книгу-свиток, следует связать с распространением пергамена как материальной основы книги.

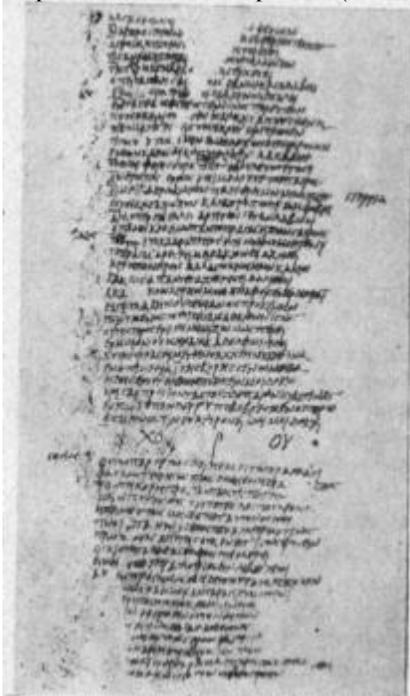
Из пергамена изготовлялись и книги-свитки — античная традиция сохранила о них редкие упоминания. О таких книгах говорит юрист Ульпиан (*Dig. XXXII, 52*), Исидор в своих «Началах» (*VI, II, 2*). Плиний Старший в «Естественной истории» (*VII, 21, 85*) вспоминает, ссылаясь при этом на Цицерона, об изготовленном из пергамена свитке, заключавшем в себе всю «Илиаду». Свиток будто бы был настолько мал, что помещался в скорлупе ореха.

Еще в первом веке до н. э. пергамен в качестве писчего материала употреблялся в Риме сравнительно редко. Правда, в одной из сатир Гораций, обращаясь к некому Дамасиппу, шутливо замечает: «Ты пишешь так редко, что в течение года не требуешь пергамена (*membranam*) более четырех раз» (*Сатиры, II, 3, 1—2*). Тем не менее, отсутствие свитков из пергамена в Геркуланской библиотеке является достаточно красноречивым фактом.

Процесс постепенного вытеснения папирусной книги-свитка, начавшийся во II веке н. э., завершился к концу античности. Долгое время обе формы книги сосуществовали рядом и часто смешивали свой материал — античность знала и кодексы, изготовленные из папируса. Такие кодексы могли сшиваться из листов разрезанного свитка. Поврежденный папирусный свиток нельзя было сворачивать и разворачивать.

вать так, чтобы избежать при этом его дальнейшего разрушения. Книги такого рода попадают в руки исследователей среди папирусных находок в Египте. При этом, однако, надо учитывать и то, что для Египта папирус дольше, чем в других странах, оставался главным писчим материалом. Из последних находок папирусных кодексов (помимо упоминавшегося выше, в главе «Античные книги из Египта», кодекса с пьесами Менандра) можно назвать остатки большого папирусного кодекса, содержавшего пьесы Эсхила: в нем была обнаружена древнейшая дидаскалия пьесы «Молящие». Остатки этого кодекса опубликованы в XX томе «Оксиринхских папирусов», и есть основания полагать, что этот кодекс представлял собой копию ученого издания. Тексты драм были снабжены знаками, облегчающими чтение — ударениями, придыханиями, а также примечаниями на полях («схологиями»).

Известный писатель и политический деятель конца античности и раннего Средневековья Кассиодор завещал своим братьям по «Виварию» (о нем см. ниже) кодекс из папируса

(codex chartaceus), который содержал в себе текст Библии. В знаменитой своем собранием древних рукописей Амброзианской библиотеке Милана хранятся остатки папирусного кодекса, открытого в свое время ос-

Страница папирусного кодекса, содержавшего комедию Менандра «Угрюмец» (конец I и начало II акта, отделенные партией хора).

Parurgus Vodmer IV, 1958

нователем палеографии Бернардом Монфоконом. Кодекс содержит текст «Иудейских древностей» Иосифа Флавия в латинском переводе VI века н. э. Текст книги написан на обеих страницах каждого листа и выполнен двумя писцами.

Встречаются и смешанные кодексы, составленные из папируса и пергамента. Интересно отметить, что даже опытные палеографы не всегда в состоянии отличить хорошо выделанный пергамен от папируса (харты). Так, например, кодекс с евангелием от Марка, хранившийся в соборе св. Марка в Венеции и считавшийся Монфоконом самым древним из сохранившихся папирусных кодексов, оказался в действительности изготовленным из самого тонкого пергамента. Из поразительно тонкого пергамента выполнен Синайский кодекс Библии, открытый в свое время Тишендорфом.

Страница изготовленного из пергамента кодекса, содержащего текст Библии (так называемый «Синайский кодекс»). Вторая половина IV века нашей эры.

Лондон, Британский музей

иным, чем тот, который известен нам из средневековых описаний. В эпоху раннего средневековья изготовлением его занимались почти исключительно монахи: это вполне естественно, так как лица церковного звания обладали монополией на образование и вообще принадлежали к немногим грамотным людям того времени. Книга писались — вернее, переписывались — почти исключительно в монастырях, и в них же производился необходимый писчий материал. Шкуры животных (главным образом, овечьи и телячьи, но использовались также козьи шкуры и даже свиные) обрабатывались в течение нескольких дней гашеной известью, чтобы от них легче отставали остатки мяса и шерсти. Через несколько дней после такой обработки шкуры натягивались на рамы, и мастер, пользуясь специальным скребком в виде полумесяца (*gasorium*, *novaculum*), соскребывал шерсть с одной стороны и остатки мяса — с другой. Полученную таким образом кожу держали в известковой воде, чтобы отбелить ее и уничтожить остатки жира, после чего она натягивалась на раму и высушивалась. В более позднее время ее, по-видимому, обрабатывали пемзой, чтобы сделать более тонкой. Для придания ей белизны и мягкости в нее втирали мел (следует отметить, что в сохранившихся от античности образцах пергамента следы обработки мелом не обнаружены). Самый тонкий пергамен изготовлялся из кожи еще не родившихся ягнят, это был излюбленный писчий материал папской канцелярии в средние века. Но изготовленный из шкур ягнят пергамен мог, естественно, идти на изготовление книг небольшого формата.

В пергамене различают две стороны — белую и гладкую (бывшая внутренняя сторона шкуры), и более грубую, имеющую желтоватый цвет (бывшая наружная, покрытая волосами сторона шкуры). Однако не во всех сохранившихся образцах можно заметить различия сторон. Античность, по-видимому, знала свои секреты производства, о чем говорят сохранившиеся позднеимские образцы пергамента, отличающиеся особо тонкой выделкой. В древнейших греческих и римских книгах, написанных на пергамене, ² «волосяная» и «мясная» стороны прилегали к себе подобным.

Преимущества пергамента обеспечили ему ведущую роль в производстве книги. Эти преимущества заключались прежде всего в долговечности и прочности этого материала, тогда как папирусные книги-свитки от частого перематывания, атмосферной влаги, механических повреждений разрушались довольно быстро: папирусная книга старше 200 лет в античности

считалась большой редкостью. Кроме того, пергамен можно было исписывать с обеих сторон без опасения, что чернила проникнут на другую сторону. По этим причинам пергамен был более подходящим материалом для изготовления кодексов. Да и сама книга-кодекс была по форме более удобной: ее можно было быстро листать без опасения повредить страницы, возвращаться — притом очень быстро — к уже прочитанному месту, закладывать нужные места и сразу их открывать. Это было особенно важно в юридической практике, когда надо было быстро процитировать нужную юридическую формулу («кодекс законов»), и еще более важно в церковном обиходе, где приходилось особенно часто цитировать «Священное писание» (в эпоху раннего средневековья в обращении находились главным образом книги религиозного содержания). Кодекс из пергамента имел также то преимущество, что деление сочинения на части («книги»), соответствующие современным главам, не требовало отдельных свитков — все могло уместиться в одном кодексе, занимавшем гораздо меньше места, чем совокупность свитков: кодекс был гораздо более удобным в пользовании, портативным и легким. Победа кодекса над свитком символизировала идеологическую победу христианства над «язычеством» — произведения греко-римской литературы сохранялись еще в свитках, тогда как новые христианские книги изготовлялись в виде кодексов, форма которых, таким образом, ассоциировалась с их содержанием.

Переход к кодексу значительно облегчал работу копииста: с листом пергамента манипулировать было гораздо проще. В средние века копирование кодексов осуществлялось каждым копиистом в отдельности — работа целой группы копиистов под диктовку была здесь исключена. Такой резко индивидуализированный процесс изготовления книги обусловил расцвет искусства каллиграфии, с одной стороны; с другой, делал саму книгу дорогой и редкой, превращал ее в предмет обихода немногих привилегированных людей, — преимущественно, духовного сословия. Писец не писал, а священнодействовал: переписка книг считалась богоугодным делом первостепенной важности, и монахи, занимавшиеся этим, были, как правило, освобождены от всех других работ в монастыре*.

Писец сидел (или стоял) за пюпитром с наклонной плос-

* Монахи-переписчики не всегда, однако, понимали текст, который они копировали. Известен случай, когда монах, переписавший текст фривольной поэмы Овидия «Искусство любви», добавил в конце переписанной книги, что сделал это «для вящей славы девы Марии».

костью, рядом с изготовлявшейся копией лежал оригинал и орудия письма. В такой позе мы видим писцов на миниатюрах средневековых книг. Как и их античные предшественники, они пользовались чернилами двух цветов, черными и красными. Красным цветом выписывались инициалы, начальные строки, заглавные буквы абзацев и начальные строки абзацев, слова *incipit* («начинается») и в конце книги *explicit* («кончается»). Стремление выделить начало книги, главы, абзаца (иногда строки) особой формой и отделкой начальной буквы породило особый вид средневекового изобразительного искусства, который иногда называют «инициальной орнаментикой» (по-немецки *Initialornamentik*), восходящий своими традициями к античности³. Нельзя не поражаться редкой красоте этих начальных литер средневековой книги, в орнаменте которых искусно переплетаются растительные и животные мотивы: иногда это целые миниатюрные картины, требующие пристального рассмотрения. Как мы увидим ниже, далеко не все писцы обладали талантом художника, и обычно для таких миниатюр писец оставлял пустое место, которое затем заполнял своим рисунком художник-«миниатор».

Старательный писец, не обладая часто достаточной грамотностью, воспроизводил и ошибки оригинала. Альфонс Дэн в своей книге приводит следующий забавный случай. Копиист, переписывавший флорентийскую рукопись Ямвлиха, натолкнулся на место, которое было испорчено: текст оказался разорванным и переписанным непоследовательно. В конце текста, попавшего не на свое место, в оригинале имелся знак, отсылающий читателя назад, к тому месту, где этот текст должен был находиться. Но копиист, дойдя до этого знака, стал переписывать текст вновь с того самого места, где произошел разрыв, и вновь переписал его до того знака, которым читатель отсылался назад. «Он мог бы продолжать этот Сизифов труд до бесконечности», — иронически замечает Дэн по этому поводу⁴.

Книгу из пергамента можно было отделять гораздо более тщательно, чем книгу из папируса. Здесь, может быть, кроется секрет того, что средневековые книги так часто становились подлинными произведениями искусства. Изготовленную из пергамента книгу-кодекс можно было украшать иллюстрациями из непрозрачных (грунтовых) красок — таких, каких папирус не смог бы выдержать. Поэтому художнику, украшавшему такую книгу, открывалось широкое поле деятельности. Они назывались, как уже здесь говорилось, миниаторами

(от слова *minium*, киноварь) или иллюминаторами, а сами кодексы, украшенные миниатюрами, — иллюминированными кодексами. Переплет изготовлял лигатор, застежки — фибулорий. Особо дорогие переплеты изготовлялись ювелирами.

Прообразом книги-кодекса был полиптих, несколько соединенных вместе восковых табличек. В древнейшее время они также назывались латинским словом «каудекс». «Древние называли словом «каудекс» соединение нескольких табличек» — пишет Сенека (*De brev. vit.* 13). Так как полиптих можно было многократно переворачивать, «листать», это же название было перенесено на шитые вместе листы пергамента⁵.

Латинский кодекс, как и свиток, не имел титульного листа и начинался обычно со слов «*incipit liber*» — «начинается книга» (далее могло следовать имя автора и название произведения). В конце книги ставились слова «*explicit liber*», «заканчивается книга». Глагол *explicit* произведен от корня *pli-care*, «сворачивать в трубку» — таким образом, происхождение термина связано с книгой-свитком.

Один документ XIII века, изданный Рокингером (*Rockinger, Quellen zur bayerischen und deutschen Geschichte*, IX, 437), содержит характерное наставление писцу, составителю документов⁵ (в этом наставлении пергамен назван *Carta*, то есть харта):

«...Харта, на которой должен писаться текст, должна быть чистой от остатков мяса, хорошо выскоблена, обработана пемзой, подготовлена для рук и работы писца, не слишком толстой и жесткой, но и не слишком тонкой и мягкой. Ей следует придать четырехугольную форму, так, чтобы ширина подобающим образом соответствовала длине, чтобы ни ширина, ни длина не выходили за границы положенного, подобно Ноеву ковчегу, который по повелению божьему был искусно и пропорционально по длине, ширине и высоте сооружен и сделан.

Текст, при соблюдении правил правописания, должен писаться одной и той же рукой*, без подтирок и помарок в местах, где заподозрена ошибка, черными чернилами одного оттенка (другие чернила исключаются). Весь текст от первой до последней буквы должен сохранять одну и ту же форму и дукт⁶, и размечаться линейкой. Текст должен также обладать удобной для чтения частотой букв, чтобы письмо было не сли-

* Это правило можно было легко выполнить лишь в пределах небольшого документа. Что же касается больших кодексов, то их писали обычно несколько писцов. Есть рукописи, где можно различить десять и даже более различных почерков.

шком разреженным и не слишком густым. Письмо не должно быть бесформенным, но ровным и упорядоченным.

Все знаки, ударения и примечания должны быть соблюдены. В процессе письма слог не должен делиться таким образом, чтобы конец строки содержал одну часть слога, а оставшаяся часть начинала бы следующую строку. Слово не должно делиться на слоги так, чтобы оно казалось двумя словами, а два слова или более не должны писаться так, чтобы выглядеть как одно слово. И если слово не может поместиться целиком в конце предшествующей строки, пусть подобное разделение и незавершенность слова будет обозначена значком на полях, чтобы не ввести читателя в заблуждение. Равным образом текст документа или письма от верхней до нижней части должен иметь подобающую прямоугольную форму, с полями со всех сторон — вверху, внизу, справа и слева, иметь дукт и границы линий, так, чтобы письмо казалось избегающим полей и края харты соответствующим и подобающим образом. В противном случае харта, подвергшись повреждению, может исказить смысл текста. Отсюда следует, что харта или форма харты не должна быть слишком длинной или слишком широкой: она должна иметь поля, как уже было сказано выше, расположенные в соответствующем порядке».

Цитированное наставление свидетельствует о высоких требованиях, которые предъявлялись писцу. Искусству каллиграфии учились годами и ценилось оно высоко.

Сам кодекс изготовлялся следующим образом. Лист пергамена сгибался пополам — этот согнутый лист назывался греческим словом диплома. Подобную же форму имели различные договоры, акты и другие официальные документы *. Четыре таких согнутых пополам листа образовали тетрадь (от греческого слова «тетрадион», производного от числительного «четыре»). Такая тетрадь была самой употребительной заготовкой для кодекса и серия таких тетрадей, переплетенная вместе, образовала кодекс **. Тетради имели номера, ставив-

* Поставленное в особое привилегированное положение лицо получало соответствующее удостоверение от государства, диплом. Особенно часто в международных отношениях такой документ получали послы, и отсюда ведет свое начало термин дипломатия.

** В тетради было, таким образом, 16 страниц. Отсюда, по-видимому, ведет свое начало современное деление печатного листа. Латинским названием тетради было «кватернион»; помимо кватерниона, применялись также бинионы (два листа), тернионы (три листа), квинтернионы (пять листов), секстернионы (шесть листов).

шиеся на последней странице; эти номера или знаки (кустыды, от латинского *custos*, страж) гарантировали правильную последовательность тетрадей при соединении их в кодексы.

Для античности наиболее распространенной формой кодекса была квадратная, позволявшая поместить несколько колонок текста на одной странице. Обычно их было три или четыре. Такая организация пространства страницы кодекса вела свое происхождение от книги-свитка, где в поле зрения читателя находились одновременно три—четыре колонки текста. Один из древнейших кодексов с текстом Библии, выполненный в конце античности (так называемый Синайский кодекс) имеет по четыре колонки текста на каждой странице — таким образом, в развернутой книге взгляду читателя открывались сразу восемь колонок. В Синайском кодексе в колонке помещаются 12—13 букв. Это дает нам наглядное представление об унциальном письме (от латинского слова «унция» — двенадцатая часть целого, в данном случае строка колонки). Три колонки текста имеет на странице древнейшая датированная сирийская рукопись, хранящаяся в Британском музее (она датирована 723 г. Селевкидской эры, то есть 412 г. нашей эры).

Для записи текста страницы кодекса также расчерчивались, но уже не свинцом, как это делалось на папирусе, а тупой стороной какого-нибудь режущего инструмента, оставляющего вдавленную линию.

Как правило, кодекс сохранял деление на такие части («книги»), на которые делился оригинал, существовавший в форме свитков. Теперь каждый отдельный свиток превращался фактически в главу кодекса, хотя старое название «книги» за этой главой сохранялось. Латинский термин «пагина» («страница»), употреблявшийся в применении к книге-свитку, теперь переносится на страницу кодекса.

Несколько кодексов, содержащих какое-то целое произведение или собрание сочинений одного автора, назывались корпусом.

Знаки и технические указания, встречавшиеся в свитке, перешли на книгу-кодекс. Так, например, слово «исправлено», ставившееся в конце свитка и означавшее, что свиток проверен и отредактирован, стало помещаться и в конце кодекса, а иногда и в конце отдельных «книг», то есть, по сути дела, глав.

Уже к концу I века нашей эры кодексы из пергамена стали обычным и всеупотребительным видом книги. Но соперничество обоих видов книги все еще продолжалось, и это нашло отражение в эпиграмме Марциала, отразившей мнение тех кру-

гов римской образованной публики, которые смогли быстро оценить преимущества нового типа книги. Марциал пишет (XIV, 190):

В кожаных малых листках теснится Ливий огромный,
Он, кто в читальне моей весь поместиться не мог.

«Малые листки» упомянуты здесь не случайно. В римской книжной технике кодекс вначале выступал в качестве портативной, дорожной («карманной») книги, или книги, предназначенной в подарок. Исконные форматы кодекса были очень небольшими (напр., 5X6,5 см.), и так продолжалось до IV в. н. э. Более поздние кодексы имели в высоту, в среднем от 12 до 40 см. Излюбленным форматом был близкий к квадратному — 12X14 до 23X26 см. Иногда соотношение сторон кодекса могло равняться 1:2.

На пергамене были записаны уже и речи Цицерона и многие другие авторы ко времени Марциала (ср. XIV, 188, 192 и др.).

В процессе переписки книги текст мог подвергнуться значительным искажениям. Ошибка одного переписчика усугублялась ошибками последующих, особенно тогда, когда общая культура и грамотность писцов значительно снизилась (как это имело место в средние века). Сложность заключалась еще в определенном языковом барьере, так как латынь, которую знали средневековые монахи, уже отличалась от классической латыни, «золотого» и «серебряного» века римской литературы. Особенно печальная судьба постигла рукописи, содержавшие комедии Плавта. Эти комедии были написаны на живом народном языке, которому была чужда всякая искусственность («когда я слушаю тещу мою Лелию, — говорит герой одного из диалогов Цицерона, — мне кажется, что я слушаю Плавта или Невия»), В языке Плавта было также много архаических форм, что отмечал уже Цицерон в своем сочинении «Об ораторе» (III, 344). Не зная языка Плавта и совершенно не понимая плавтовской просодии и метрики, переписчики коверкали слова по своему произволу. Искажения достигли крайнего предела во времена деятельности итальянских гуманистов, когда производились изменения не только в отдельных словах, но допускались целые перестановки фраз, сокращения и пропуски больших частей текста.

В 1815 году Анджело Май открыл в Амброзианской библиотеке Милана палимпсест, где под библейским текстом, написанным в средние века, оказался древнейший текст коме-

дий Плавта, восходящий к римским временам, во всяком случае, не позднее V века нашей эры. На основе вновь открытого текста знаменитый филолог середины XIX века Ричль издал в 1848—1853 гг. уже значительно исправленными 11 комедий Плавта, положив тем самым начало восстановлению подлинного звучания творений гениального драматурга, вторично вернув их к жизни в том виде, в каком они появились на свет.

Большую роль в сохранении памятников античной литературы, и древней книги вообще сыграл уже упоминавшийся здесь политический деятель и ученый Италии Кассиодор Сенатор, живший в конце V — начале VI века нашей эры. Он родился в Калабрии (поместье Скилакиум) и происходил из римской провинциальной знати. Его отец и дед занимали видные посты в государстве, и сам он еще совсем молодым человеком выдвинулся при Одоакре, сместившем последнего римского императора, Ромула Августула, с трона Западной римской империи.

Когда король остготов завоевал север Италии, Кассиодор добился того, что южные провинции страны добровольно присоединились к государству Теодориха. За это Кассиодор был областан и вознагражден высокими административными постами. В своей деятельности Кассиодор стремился сблизить завоевателей с коренным населением Италии; почвой для сближения была высокая римская культура, которую стремились перенять варвары. Кассиодор был самым удобным человеком для остготских властителей, стремившихся привлечь на свою сторону местную знать, так как он делал все, чтобы приспособить действия остготов к нормам и руслу традиционной римской государственности. В 514 г. Кассиодор занимает пост консула и осуществляет руководящую роль в управлении южными провинциями страны. Двенадцать книг его «Различных документов», изданных еще тогда, когда он занимал все эти ответственные посты, говорят о том, что ему были доступны важнейшие официальные и законодательные акты.

По-видимому, еще в 30-х годах VI века Кассиодор ведет переговоры с римским папой Агапитом о создании в Риме высшей теологической школы по образцу подобных учреждений на Востоке. Но это предприятие успехом не увенчалось, и тогда он основал в своем наследственном имении Скилакиуме монастырь, получивший название Виварий (или Кастеллум). Подобные превращения древних римских вилл в монастыри были тогда нередким явлением. Земли виллы перешли в ведение монастыря, и собиравшиеся туда монахи могли сочетать

жизнь деятельную, заключающуюся в обработке этой земли по древним рецептам ученых римских земледельцев (от Катона до Колумеллы), с жизнью созерцательной и учеными занятиями. Кассиодор в общем прожил в Виварии около 40 лет, хотя ему и приходилось покидать его на время (после смерти Теодориха он возвращался к государственной деятельности). Но когда византийский полководец Велизарий разгромил королевство остготов, он удалился в Виварий уже навсегда.

Монастырь этот превратился в своеобразную Академию. Построенный на холме, в живописной местности Италии, он стал прибежищем для всех, кто стремился в это беспокойное время укрыться от волнений и невзгод суетного мира в тихую обитель и погрузиться в занятия науками. Разумеется, в первую очередь в Виварии занимались богословием, изучали «Священное писание» и комментарии к нему отцов церкви. Но занимались там и медициной (переводили с греческого на латинский труды знаменитых врачей), философией, риторикой, «семью свободными искусствами» *. Кассиодор приложил много усилий, чтобы собрать здесь большую библиотеку. Книги для нее скупались повсюду — в Риме и в провинциях (Галлии, Азии, Африке). К этому времени книги стали редкими. Бесконечные войны и вторжения варваров — готов, вандалов, гуннов — нанесли тяжелый урон цветущим городам Италии и провинций. В пламени сжигаемых городов гибли сокровища античной культуры и прежде всего, конечно, книги. Свою лепту в уничтожение классической литературы внесли и представители господствующей христианской церкви, занимавшиеся уничтожением «языческих» книг со знанием дела.

Все эти обстоятельства и побудили Кассиодора превратить Виварий в своеобразный издательский центр, образцовый по тем временам скрипторий. Монастыри того времени довольно часто занимались изготовлением книг, преимущественно религиозного содержания. Но в отличие от них Кассиодор уделял особое внимание переписке произведений классической литературы, доказывая, что эти книги необходимы для лучшего понимания «священного писания». По-видимому, светской литературе в Виварии отдавалось предпочтение, что можно поставить в связь со вкусами самого основателя, воспитанного в лучших традициях древней римской культуры.

* Семь свободных искусств — грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия, музыка — составляли основу образования в конце античности и в раннем средневековье. Система этих дисциплин была изложена в сочинении Марциана Капеллы (ок. 400 г. нашей эры).

Кассиодор окружил себя писцами, труд которых находился постоянно в центре его внимания. Лично сам он редактировал и исправлял переписанные книги, следя за качеством работы копиистов. Последние начинали работу рано утром и вели ее строго по часам (в центре зала скриптория стояла клепсидра, водяные часы). Уже в возрасте около 93 лет Кассиодор написал трактат «Об орфографии», чтобы завещать правила копирования книг монашеской братии Вивария.

Имя Кассиодора оказалось навсегда связанным с историей книги в Италии. Биографы называют его великим реставратором науки, его статуи были установлены в самых больших библиотеках страны.

Деятельность Кассиодора и подобных ему ревнителей классической культуры привела к тому, что традиции ее не угасли даже в самые тяжелые для нее времена. Просвещенные аббаты, настоятели монастырей ценили древние книги и заботились о их сохранности, пополняя монастырские библиотеки путем организации в них скрипториев. Устав ордена св. Бенедикта из Нурсии (480—542 гг.) требовал от монахов особое внимание уделять ученым занятиям. Скриптории бенедиктинцев сыграли важную роль в сохранении традиций античного книжного дела.

Для средневекового человека книга была воплощением боговдохновенного слова — она не мыслилась в качестве предмета, который должен находиться в частном владении, и была необходимейшей частью реквизита мистической драмы, разыгрывавшейся при богослужении. Напротив, античная книга была предназначена для мыслящего и чувствующего индивида, образованного человека, специалиста и просто читателя, стремящегося постигнуть заключенные в этой книге истины или почерпнуть из нее художественное наслаждение. Она отделилась в соответствии со вкусами тех людей, для которых была предназначена. С IV века нашей эры, когда победа кодекса над свитком была уже совершившимся фактом, вырабатываются традиции украшения и отделки кодекса, продолженные затем в средние века.

По-видимому, различные виды книг требовали соответствующей отделки. В «Сатириконе» Петрония присутствующий на пиру у Тримальхиона гость хвалится своим сыном, умным не по летам: «Недавно купил я сыночку несколько книг с красивыми строками: хочу, чтобы понюхал немного законы для ведения домашних дел» (46). Отсюда можно сделать вывод, что кодексы юридического содержания красной строкой пользова-

лись особенно часто (по-видимому, для выделения каждого закона и комментариев к нему).

Одним из древнейших сохранившихся до наших дней античных кодексов, иллюстрации которого продолжают традиции античного изобразительного искусства, является Ватиканский кодекс Вергилия, в котором мы находим 50 хорошо сохранившихся иллюстраций, выполненных грунтовыми красками, на сюжеты «Георгик» и «Энеиды». Иллюстрации «Ватиканского Вергилия» (так называемого Старшего) выполнены в стиле, сходном с рисунками «Кведлинбургской Италы» — фрагментов античного кодекса, состоящих из четырех листов текста с иллюстрациями и еще двух листов чистого текста*. Эти фрагменты хранятся в Германской государственной библиотеке в Берлине. Книга была выполнена римским унциалом — округленными буквами, ясно отделенными друг от друга. Время рукописи — после 400 г. н. э., величина листов — 30,5 на 27,5 см.

Иллюстрации на втором листе, выполненные грунтовыми красками, заключены в пространстве, разделенном на четыре квадрата, которые все вместе обнесены одной большой квадратной рамкой. Рисунки иллюстрируют 15 главу первой книги Царств (I Sam. cap. 15)⁷. На первом квадрате (слева вверху) мы видим царя Саула в роскошном античном наряде, какой носили римские императоры и полководцы. Саул совершает возлияние богам, проливая вино из чаши на жертвенный алтарь. Слева от него стоит колесница, запряженная парой великолепных разномастных коней. На этой колеснице прибыл Самуил, чтобы передать Саулу «слово божье». Античные костюмы, алтарь в форме греческой стелы и сама парная колесница («бига») нарисованы в традициях античной живописи с большим профессиональным мастерством. Квадрат вверху оправа представляет нам Саула, стремящегося удержать уходящего Самуила, схватив его за край плаща. В рисунках прекрасно сохранены традиции реалистического античного искусства — особенно хороши кони, нетерпеливо роющие копытами землю. Полны жизни и движения фигуры людей.

Верхнее поле рисунков, не занятое фигурами, несет на себе пояснительные тексты. Они выполнены полуунциалом и курсивом, тогда как основной текст, как уже говорилось, выполнен римским унциалом. Итак, мы сталкиваемся здесь с проду-

* «Итала» — латинский перевод Библии, выполненный в II в. нашей эры. После IV века его вытесняет так называемая Вульгата — перевод, выполненный «блаженным» Иеронимом.

манной иерархией различных типов письма, восходящей также к древней римской традиции.

К сожалению, листы «Кведлинбургской Италы» плохо сохранились, так как были использованы в начале XVII века в качестве материала для переплета. Но можно представить себе, как выглядела в целом эта роскошная книга — она должна была насчитывать около 11 кодексов по 220 листов каждый!

«Кведлинбургская Итала» была исполнена в Италии, и как ее текст, так и рисунки говорят о том, что в этой стране высоко стояло искусство книжной техники, уходящее своими традициями вглубь веков. Художники поздней античности, занимавшиеся иллюстрацией книг, заполняли своими рисунками сплошные полосы, в которых отдельные сцены следовали в порядке, соответствующем изложению книги. Эти полосы иллюстраций могли окружаться особой рамкой и снабжаться подписями под рисунками (или над ними).

В Вене хранятся фрагменты книги Бытия на греческом языке, выполненные капитальным письмом по пурпурному фону, и снабженные великолепными рисунками в античном стиле (всего 24 страницы). Рисунки расположены в два яруса под текстом. Этот венский кодекс Бытия может быть отнесен приблизительно к VI веку н. э. Как предполагают, он был изготовлен в Сирии.

Мода писать золотом и серебром по окрашенному в пурпурный цвет пергамену распространилась в эпоху поздней античности — по-видимому, с третьего века. Такие роскошно отделанные книги изготовлялись по заказу привилегированных лиц, богатых и знатных людей, особ императорской фамилии. Они служили украшением дома, и христианский проповедник Дион Хрисостом в одной из своих речей патетически восклицает: «Я не вижу никого, кто старался бы проникнуть в смысл книги, но все хотят иметь экземпляры ее, написанные золотыми буквами!» (Homil. 32).

В Византии искусство писать золотыми буквами — так называемая «хрисография» — достигло высокого совершенства. Мастера византийской живописи изображали фигуры святых или императоров на золотом фоне, и этот обычай был перенесен на книжную иллюстрацию. С этой целью применялись особые «золотые» чернила, — тинктура, рецепт которой до нас дошел. Золотыми буквами писали как по белому, так и по пурпурному фону.

Письма византийских императоров часто писались целиком золотыми буквами — византийский двор стремился подавить

воображение «западных варваров» пышностью и усложненностью придворного церемониала (хотя и без особого успеха, как видно, например, из сочинения Лиутпранда) ⁸.

Античные мастера, работавшие над украшением книги, иллюстрировали в первую очередь такие сочинения, где без рисунков обойтись было совершенно невозможно. Такими книгами были, например, сочинения, в которых описывались растения или животные, где никакое описание не может заменить рисунка. Поэтому такие произведения литературы, как поэма жившего около середины II века до н. э. Никандра «Териака» (о звериных ядах) или «Алексифармака» (о противоядиях) могли быть только иллюстрированными книгами. То же можно сказать о поэме Оппиана «Кинегетика» (Об охоте). Как предполагает Эрих Бете, эти иллюстрированные издания должны восходить к эпохе, когда указанные произведения были созданы ⁹.

Наибольшей известностью среди дошедших до нас кодексов византийского происхождения пользуется богато иллюстрированный венский ¹⁰ кодекс Диоскорида (*Codex Vindobonensis medicus graecus I*). Грек Диоскорид жил в I в. н. э. и был, по-видимому, военным врачом. В античной медицине лечение травами играло исключительную роль, и Диоскорид, основываясь на трудах своих предшественников, а также на собственных наблюдениях, написал во времена императора Нерона сочинение в пяти книгах, которое называлось «О медицинских снадобьях». Авторитет этой книги оставался непоколебимым вплоть до позднего средневековья, и только в XV веке наметившийся подъем ботанической науки позволил Европе перешагнуть через канон из 600 растений, описанных в руководстве Диоскорида.

Упомянутый кодекс был некогда приобретен в Константинополе одним европейским путешественником для императора Максимилиана II, но в Венскую библиотеку попал много позднее. Кодекс относится к 512 году. Текст книги написан монументальным унциальным письмом и нанесен на пергамен большого формата. Растения не только описываются, но и изображаются на страницах кодекса.

Кодекс был изготовлен по заказу знатной византийской дамы Юлианы Аникии — ее изображение мы видим на шестой странице. Она изображена сидящей на троне между двумя женскими фигурами, из которых одна представляет собой Великодушие (как можно перевести греческий термин *Μεγαλοψυχία*), а другая — аллегорическое изображение Мудрости ¹¹.

Перед Юлианой, склонившись и целуя край ее платья по всем правилам византийского придворного церемониала — стоит женская фигура, символизирующая Благодарность (Эвхаристия). Отсюда видно, что Юлиана Аникия была покровительницей наук и искусств — во всяком случае, именно в этой роли ее хотел изобразить художник. Эта идея подчеркивается и изображениями эротов, занимающихся различными ремеслами. Трудно не вспомнить здесь помпейской фрески из дома Веттиев, где также изображены Эроты, занимающиеся ¹² ювелирным ремеслом, парфюмерным делом, виноторговлей. Мы вправе здесь предположить, что над украшением кодекса работал художник, следовавший древним античным традициям в своем искусстве.

Сам автор книги, грек Диоскорид, изображен перед портретом Юлианы Аникии. Этот портрет также восходит к античным традициям — изображен бородатый мужчина, сидящий в кресле, и перед ним фигура, аллегорически представляющая Изобретательность (Эвресис). На иллюстрациях кодекса изображены также другие знаменитые врачи и авторы сочинений по медицине во главе с мифическим врачом мудрым кентавром Хироном. Такой тип композиции встречается на античных памятниках изобразительного искусства — например, изображающих философов (в Торре Аннунциата близ Помпей).

Венский Диоскорид представляет собой величайшую ценность для истории книжной техники и воспроизводит какой-то позднеантичный оригинал, сохраняющий традиции античного книжного рисунка.

К числу памятников, доносящих до нас элементы позднеантичной книжной техники «роскошного стиля», можно отнести «Серебряный кодекс», изготовленный в первой половине VI века. Это перевод Библии, сделанный готским епископом Вульфиллой. Книга хранится в Упсале (Швеция), текст ее начертан на пергамене золотыми и серебряными буквами по пурпурному фону. Кодекс был вывезен из Праги вместе с прочими сокровищами Рудольфа II после 1648 г. ¹³

Сочинения на темы естественной истории не были единственными видами книг, которые иллюстрировались античными художниками. По-видимому, часто иллюстрировались произведения драматургии. Примером могут служить кодексы с пьесами римского драматурга Теренция, хранящиеся в Милане (Амброзианский кодекс), Париже, Ватикане и другие. Древнейшим из них является так называемый «Кодекс Бембинус» (A), названный так по имени его прежнего обладателя, кардинала

Пьетро Бембо. Он написан капитальным рустичным письмом и датируется IV или V веком. В настоящее время он хранится в Ватикане. Все остальные рукописи средневекового происхождения образуют особую ветвь рукописной традиции, восходящую к рецензии некоего Каллиопея, жившего в III веке. «Каллиопейские рукописи» распадаются на две группы, из которых первая (группа «Гамма»), наиболее интересная, состоит в основном из иллюстрированных кодексов¹⁴. Украшающие их миниатюры представляют нам актеров в античных костюмах и характерных масках, многие из которых нам знакомы по изображениям на памятниках античного искусства. Фигуры снабжены надписями пояснительного характера, что также свойственно античным рисункам на вазах или античным мозаикам.

Знаменитые греческие рукописи с текстом Библии, относящиеся к IV—V векам — Кодекс Синаитикус, Кодекс Александринус, Кодекс Ватиканус — помогают нам получить отчетливое представление о том, как выглядела античная книга-кодекс. Кодекс Александринус содержит полностью весь текст Библии и принадлежит к сокровищам библиотеки Британского музея. Он состоит из 773 листов пергамента, причем на каждой странице помещаются две колонки текста.

Памятники античной литературы распространялись на протяжении всего средневековья в Европе не в виде свитков, а в виде кодексов, изготовленных из пергамента. Гутенберг, начиная свою деятельность, издал свои первые книги, «Донаты» (так назывались популярные в Европе латинские грамматики Элия Доната), где были применены наиболее ранние гутенберговские шрифты, на пергаменте. Традиции средневекового кодекса оказали сильнейшее влияние и на внешний вид и оформление сорокадвухстрочной гутенберговской Библии.

Глава VIII

ИЗДАНИЕ КНИГИ

**Поэма погибает, если вы
Не огласите ваше: «Imprimatur»**

Байрон, Дон-Жуа»

«Тиражирование» рукописной книги осуществлялось в принципе сходным образом на всем протяжении античности и средних веков, вплоть до появления книгопечатания. Различие, по-видимому, заключалось лишь в том, что из античного скриптория могли выпускаться «массовые тиражи» (то есть не единичные экземпляры), тогда как в средневековом монастырском скриптории преобладало индивидуальное копирование. Впрочем, до нашего времени не сохранилось сведений о работе античных скрипториев, и мы можем предполагать существование упомянутого выше различия лишь на основании косвенных данных — прежде всего, на основании того, что в античности существовала развитая книготорговля, при которой владелец книжной лавки, зачастую одновременно являющийся и издателем, выходил на книжный рынок, конечно же, не с единичным экземпляром.

Само понятие изданной книги и издания (греческое слово «эксосис» состоит из приставки «эк», «из» и производного от глагола «дидоми», «давать» — русское слово «издавать» является точной калькой) возникло в античной Греции.

Процесс издания заключался в следующем. Лично автором: или людьми, исполнявшими обязанности писцов под его наблюдением, изготовлялся оригинал литературного произведения, предназначенного для издания. Он назывался архетип (в ходу были также термины автограф или идиограф). Затем с него изготовлялись заказанные копии. Сами писцы или поставленные над ними и обладавшие более высокой квалификацией люди сверяли копии с оригиналом, редактировали

и исправляли текст, вносили необходимые пометки. Выверенные экземпляры поступали в продажу или дарились автором, если издание не преследовало коммерческих целей. Наиболее распространенным термином для обозначения копии был антиграф (употреблялся также термин апограф).

Такой процесс издания книги выработался не сразу и нашел, вероятно, полное завершение лишь в Александрии и других центрах эллинистической культуры, а также в Риме (но уже в Афинах классической эпохи осуществлялось планомерное издание книг). Для архаической эпохи греческой литературы следует предполагать спонтанный процесс распространения книги, когда они изготовлялись заинтересованными лицами или книготорговцами даже без участия автора. Но вообще на протяжении всей античной эпохи отношения между автором и издателем (книготорговцем) ничем не регулировались и авторского права не существовало.

То, что произведения литературы могли издаваться всеми желающими, без ведома и контроля автора, вело к увеличению числа неквалифицированно изданных, пестрящих ошибками книг. Поэтому рано возникла потребность в таких экземплярах, которые могли бы служить эталоном. Такие тексты хранились в афинских государственных учреждениях. Насколько высоко ценились эти «канонические» книги, видно из того, что египетский царь Птолемей III, одолживший у Афин государственный экземпляр произведений великих трагических поэтов под залог 15 талантов, не вернул этих книг, утратив огромный залог (45 000 рублей золотом). Афинам был возвращен лишь изготовленный в Александрии дубликат.

Издания с авторского оригинала могли в основном быть только прижизненными. После смерти автора, когда оригинал мог оказаться утерянным, издания осуществлялись с лучших копий, наиболее точно передающих оригинал. Истинную ценность таких копий определяли ученые грамматик; известной гарантией качества издания могло быть имя авторитетного издателя, из мастерской которого выходили книги, завоевавшие себе всеобщее признание. Автор не всегда выпускал в свет свое произведение целиком. Так, из сообщения Авла Геллия (XIV, 3) о литературном соперничестве между Платоном и Ксенофонтom мы узнаем, что Платон выпускал в свет свое «Государство» частями (вначале были выпущены две первые книги).

Переписанный текст мог быть сверен, как уже говорилось, с авторитетным изданием. В одной очень древней рукописи

Библии (Cod. Frid. Aug. f. 13) мы читаем: «Сопоставлено с самой древней копией, исправленной и выверенной рукой святого великомученика Памфила»¹.

Один из самых образованных людей античности, географ Страбон, весьма сетовал на то, что некоторые издатели произведений Аристотеля не сопоставляют изготовленных ими копий сочинений философа с оригиналом.

В александрийскую эпоху при издании сочинений автора, жившего несколькими столетиями ранее, ставилась задача восстановления архетипа, то есть такого оригинала, который возможно ближе передавал бы подлинный авторский архетип. Занимавшиеся этим александрийские ученые фактически создали текстологию как важнейшую часть филологической науки, достигшей в эту эпоху высокого расцвета. Процесс подготовки выверенного и исправленного оригинала и конечный результат, получаемый в процессе работы, назывался диортозой (чему в латинском языке наиболее близко соответствовал термин рецензия, *recensio*). Значение и греческого и латинского термина близки по смыслу к тому, что мы сейчас понимаем редакцией текста, но включают в себя и понятие издания. Интересным примером такой позднеантичной рецензии, издания произведений писателя, жившего несколько сот лет назад, может служить группа рукописей римского поэта Марциала (группа В, по классификации известного издателя Марциала Фридлендера)². Эта группа рукописей восходит к оригиналу, отредактированному Торкватом Геннадием (к рецензии Торквата Геннадия). Рукопись Q Арунделлианус (экземпляр, принадлежавший Томасу Говардсу, герцогу Норфолькскому и графу Арундельскому) имеет субскрипцию, написанную красным цветом после третьей эпиграммы XIII книги:

in senatu Vincentii et
frangitii cc. XV Febr
Epigrammaton li XIII de xeniis
in M. V. M. emendavi Ego
Torquatus in foro divi augsti

В этой субскрипции говорится о том, что Торкват в год, когда консулами были Винцентий и Франгитий (то есть в 401 г. н. э., как указывает Фридлендер) исправил XIII книгу эпиграмм Марка Валерия Марциала («Гостинцы»). Слова «на форуме божественного Августа» не вполне ясны, может быть, это означает, что лавка книгопродавца и издателя Торк-

вата помещалась на форуме Августа. В других рукописях (Р, F) имя «рецензента» указано полностью — Торкват Геннадий.

Субскрипция флорентийской рукописи Апулея указывает, что рецензентом был некий Салюстий (Ego Salustius legi et emendavi Romae — «Я Салюстий читал и исправлял в Риме»). Субскрипция относится к 395 году нашей эры.

В античной полиграфии — если только этот термин вообще применим к античности — различались произведения, изданные от частного списка. Книги, вышедшие из скриптория, писались четким каллиграфическим письмом и делились на части согласно изначально установленному принципу. По-видимому, в них указывалось и имя издателя или рецензента, которое должно было служить «маркой фирмы».

Выше уже указывалось, что античное издание осуществлялось «серийно», то есть выпускалась целая партия книг, предназначенных для продажи. Напротив, частный список изготовлялся в единственном экземпляре и был копией уже изданной книги. Он мог делиться на части (книги, свитки), начало и конец которых ничем не были обусловлены. Частный список мог быть и опистографом, то есть писаться на оборотной стороне уже однажды использованного папируса (как мы это видели на примере папируса с «Афинской политией» Аристотеля). Как правило, частный список изготовлялся более небрежно, писался беглым письмом (курсивом), не подвергался тщательной отделке и редактированию. В частном списке допускались сокращенные написания слов, рассчитанные на индивидуальное чтение.

Необходимо, однако, признать, что граница между изданной книгой и частным списком все же не должна считаться очень резкой — могли существовать частные списки, изготовленные столь же тщательно, как и изданные книги, особенно тогда, когда эти частные списки изготовлялись по заказу богатых людей.

Автор заранее отбирал труды, предназначенные им для издания: это были работы, которые он считал законченными как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания. Известно, что Аристотель делал четкое различие между им изданными, или предназначенными для широкой публики, «экзотерическими» (внешними) сочинениями, и неизданными, «эндотерическими» (внутренними) работами. Аристотель издавал свои книги при жизни, как можно заключить из одного замечания в «Поэтике», где говорится об «изданных» произведениях философа (Poet. 1454 B 17). По-видимому, они же име-

ются в виду, когда Аристотель говорит о своих книгах, оказавшихся «во всеобщем обращении» (De an. 1,407 B 29). Можно предположить, что «внутренние» сочинения философа существовали в виде кратких конспектов, которые распределялись (может быть продавались?) ученикам Аристотеля. Они имели хождение лишь внутри основанной им школы перипатетиков. Ксенофонт, бывший необычайно плодовитым писателем (жил ок. 430—355 гг. до н. э.) сам организовал издание своих сочинений в имени Скиллунт (в Элиде), (Которое он приобрел с помощью спартанского государства. Там он собрал многочисленных рабов-писцов, которые изготовляли копии его сочинений, распределявшихся затем между его друзьями.

Если автор при жизни не смог сам подготовить свои сочинения к изданию, он мог в своем завещании назвать лицо, которое должно было взять на себя этот труд. Философ перипатетик Ликон, умерший около 250 г. до н. э., завещал опубликованные свои сочинения рабу Харету. Неопубликованные он оставил Каллину с тем, чтобы тот подготовил их к изданию (Diog. La. V, 73).

О том, как много усилий тратил автор при подготовке к изданию своего труда, рассказывает в одном из писем Плиний Младший (VIII, 17): «Сперва я сам долго просматриваю то, что написал, потом читаю двум или трем друзьям. Затем я отдаю другим для прочтения и различных указаний, и если их замечания заставляют меня сомневаться, опять обсуждаю свой труд с друзьями. Наконец, я читаю свой труд перед многими слушателями, и после этого усиленно исправляю. Я бываю тем сосредоточеннее, чем больше я беспокоюсь».

Труды, не издававшиеся автором или оставшиеся неизданными после его смерти, обычно назывались анекдота (в русифицированном произношении это слово звучит «анекдоты»). Цицерон, всегда проявлявший необыкновенную заботу об издании своих сочинений, в минуту разочарования пишет своему другу и издателю Аттику: «Поэтому я буду писать анекдоты, которые я буду читать одному тебе...» (Ad Att. 11,6). Оратор хочет этим сказать, что отныне не будет публиковать своих сочинений.

Живший во II веке н. э. врач Гален вообще долгое время воздерживался от публикации своих работ, и только друзьям, отправлявшимся в далекое путешествие и просившим его о сувенире, где содержались бы основы его учения, он изредка дарил свои труды. Часть его рукописей была похищена, затем они были изданы другими людьми. По-видимому, рабы Га-

лена, которые похитили его сочинения, знали об их истинной ценности, как и те люди, которые позже издали его труды.

Выше говорилось уже о том, что античность не знала авторского права, но понятие литературной собственности существовало. Аристофан неоднократно упрекал своих соперников в плагиате (что, однако, не мешало ему самому частенько пользоваться мотивами своих предшественников и современников—Кратина, Эвполида и других). Филострат из Александрии обвинял Софокла в заимствованиях из трагедий Эсхила, точно так же, как самого Эсхила— в заимствованиях у Фриниха. Проблема литературной собственности была вполне актуальной для литературных Афин, как это видно из комедии Аристофана «Лягушки», в которой Дионис, притворно поражаясь изобретательности Эврипида, осторожно осведомляется, кому принадлежат стихи— самому Эврипиду или Кефисофону (ст. 1451). Аристофан открыто обвинял Эврипида, что в его творчестве значительная доля принадлежит Кефисофону.

Характерный анекдот, приводимый Витрувием в VII книге трактата «Об архитектуре», свидетельствует о том, насколько широко было распространено заимствование из чужих произведений в литературной жизни античной Александрии. Один из Птолемеев учредил в этом городе литературные состязания в честь Аполлона и Муз. Грамматик Аристофан, бывший судьей состязаний, присудил награду тому участнику, чье произведение казалось далеко не лучшим. Когда Аристофана спросили о мотивах подобного решения, он ответил, что все остальные участники состязания представили на суд точные копии с произведений других авторов. Рассказав этот анекдот, Витрувий сообщает, что после этого события все плагиаторы были изгнаны из Александрии.

Но такая требовательность к оригинальности литературного произведения могла появиться только в таких условиях, когда изданная книга получала широкое распространение. Самыми популярными книгами оставались поэмы Гомера. Различные типы изданий этих поэм существовали уже в классическую эпоху, в V и IV веках до н. э. Издания эти имели государственное, политическое значение, ибо на Гомера ссылались при территориальных, политических, религиозных спорах как на важнейший источник. Вследствие того, что исполнение поэм было неотъемлемой частью музыкальных состязаний во многих греческих государствах (Афины, Сицион, даже далекий Саламин на Кипре), текст поэм стал предметом государственного контроля, в него вносились изменения и дополнения. Изда-

ния поэм делились на две основные группы. К первой принадлежали издания «по городам»—издание Массилии, Хиоса, Синопы, Кипра, Эолиды, Арголиды и т. п. Каждый из этих городов (или областей) имели свои, утвержденные компетентными государственными органами, тексты поэм. Ко второй группе относились издания «личные»—это были издания, предпринятые отдельными людьми, занимавшимися исправлением, «диортозой» Гомера. Среди них мы встречаем имена Эврипида и Аристотеля, которому принадлежало редактирование уже упоминавшегося здесь издания «Илиады», называвшегося «та, что из ларца».

После создания Александрийской библиотеки и Музея изданием текста Гомера занимались все три великих александрийских грамматика—Зенодот, Аристофан и Аристарх. Последний отличался особо тонким пониманием текстологических проблем, положив в основу толкования поэм принцип «объяснять Гомера исходя из самого Гомера». Но роль Александрийской библиотеки и Музея в книгоиздательском деле целесообразно рассмотреть в другом месте (см. главу «Александрийская культура книги»).

Издания Гомера, имевшие государственное значение, вряд ли существовали в большом количестве экземпляров. Скорее всего, это были утвержденные государственными органами редакции текста, хранившиеся в архиве, храме или другом присутственном месте античного полиса. Но копии этих экземпляров могли иметь и частные лица. Следует при этом учесть, что далеко не всякий мог позволить себе приобрести текст обеих поэм—они были велики по объему, и это стоило очень дорого. Небогатый гражданин античного государства мог позволить себе приобрести лишь отдельные песни, «рапсодии».

Чаше всего за издание книг брались книготорговцы, организуя свои собственные предприятия, скриптории. Это были те же ремесленные мастерские, которые вообще характерны для античности, но труд работавших в скрипториях был таким, который требовал особо высокой квалификации. Когда требовалось выбросить на рынок большое количество экземпляров, работа по изготовлению копий осуществлялась под диктовку опытного чтеца⁵.

В Египте времени Птолемеев писец чаще всего работал все в той же позе, как и его далекий предшественник эпохи Среднего царства. Мы видим эту характерную позу на произведениях изобразительного искусства. Он сидел, скрестив ноги, на коленях у него лежала доска, а на ней свиток. «Меня написа-

ли калам, правая рука и колено», — читаем мы на одном папирусе I века.

Об организации труда в античных скрипториях мы можем только догадываться — никаких известий об этом не сохранилось. Конечно, они были мелкими предприятиями, для которых «тираж» в сотню экземпляров должен был считаться очень крупным. Но в отличие от современных издательств выпуск литературного произведения в этом скриптории можно было продолжать до бесконечности, до полного насыщения рынка. Состоятельные люди, желавшие пополнить свою библиотеку, могли организовать домашний скрипторий из грамотных рабов, обладавших достаточной квалификацией. Как только надобность миновала, скрипторий прекращал свою работу. Как мы увидим ниже, в Риме многие состоятельные люди именно таким образом пополняли свои библиотеки, в которых книги отделялись в соответствии со вкусами владельца.

Впервые издательское дело и книготорговля достигли высокого развития в древних Афинах. Искусство художественного слова стало там делом всего народа, Аттика была страной поголовной грамотности. Популярные произведения афинских драматургов были у всех на устах, наподобие того, как в Италии XVIII—XIX веков популярные оперные арии распевались всеми на улицах. Книги с произведениями афинских драматургов, ораторов, историков раскупались мгновенно. Даже рядовые афинские матросы были знатоками аттической трагедии, как видно из характерного эпизода, рассказанного Плутархом в биографии Никия. «Не приходится удивляться и тому, что рассказывают о кавнийцах. Они якобы сперва отказывались принять и прогоняли какое-то зашедшее в их гавань судно, преследуемое пиратами. Но затем они стали спрашивать, знают ли приплывшие на этом корабле песни из трагедий Эврипида, и когда те ответили, что знают, оставили у себя и ввели судно в гавань».

Книгами в Афинах торговали и вразнос. Дионисий Галикарнасский в сочинении, посвященном творчеству оратора Исократа, описывает, как афинские торговцы носили целые связки свитков, содержащих судебные речи оратора, продавая их жителям города (Isocr. 18).

В Афинах впервые в мире была создана публичная библиотека. Известие об этом сохранил нам Авл Геллий (N. A. VII, 17, 1—3). «Как говорят, тиран Писистрат предоставил в Афинах для публичного чтения книги, излагающие благородные науки. Позже сами афиняне приложили старания, чтобы уве-

личить их количество. Но всю эту массу книг увез в Персию Ксеркс, захвативший Афины и сжегший город, кроме Акрополя. Спустя многие годы все эти книги вернул в Афины царь Селевк, получивший прозвище «победителя».

Традиция об афинской библиотеке нашла отражение и у других авторов (ср. Athen. 1,3). Афинский тиран Писистрат действительно оказывал покровительство наукам и литературе; не случайно именно с его именем предание связывает редактирование гомеровских поэм.

Многие частные лица в Афинах обладали большими собраниями книг. Значительной библиотекой обладал Эврипид, в трагедиях которого особенно заметны следы «книжной» культуры (не случайно в комедии «Лягушки» Аристофан заставляет драматурга гордиться тем, что давал искусству «сок болтовни, настоенный на книгах»). Большая библиотека была у афинянина Эвтидема (Xen. Mem. IV, 2, 8), в которой были широко представлены книги по астрономии, геометрии, медицине — и, конечно, поэмы Гомера.

Афинский гражданин мог выбрать на книжном рынке все, что его интересовало. Ксенофонт в своих «Воспоминаниях о Сократе» упоминает о литературном произведении софиста Продика, которое называлось «Выбор Геракла». Учитель Геракла Лин разложил перед своим учеником ряд книг на выбор — там были произведения Орфея, Гомера, Гесиода, Хойрилла, Эпихарма. Но Геракл выбрал... поваренную книгу, сочинение некоего Сима. Такой вариант мифа о Геракле мог появиться только там, где торговля книгами заняла важное место в ряду других товаров. Словарь Поллукса (VII, 211) ссылается на пьесу Аристомена «Обманщики», где выведен книготорговец, и в том же месте на пьесу Кратина, где упоминается писец, изготавливающий книги — «Библиограф». На основании скудных цитат трудно представить себе, в какой связи комедиографы вспомнили об этих профессиях, но само название пьесы Аристомена вызывает ассоциации, не очень лестные для лиц, упоминаемых комедиографом. Торговцы книгами упоминаются в числе прочих Никофроном (Meineke, II, 2852). В Афинах существовало и определенное место, где продавались книги, как можно предположить на основании одного намека у Платона в «Апологии Сократа». С огромной художественной силой рисуя сцены суда над своим учителем, Платон сохранил для потомства ряд важнейших деталей спора между обвинителями и обвиненным. Помимо прочего, один из обвинителей Сократа, Мелет, вменил в вину философу, будто тот вы-

сказывал утверждение, что солнце является в действительности не чем иным, как простым камнем, а луна — землей. Отвечая Мелету, Сократ опровергал подобные обвинения, указав, что такие умозаключения высказаны не им, а Анаксагором, и Мелет, обвинив в этом Сократа, только высказал тем самым свое полное презрение к судьям Афин, считая их неосведомленными и малограмотными людьми. Всем известно, что именно книги Анаксагора полны подобных утверждений, и в этом может убедиться всякий, купив эти сочинения за драхму на оркестре.

Что здесь имеется в виду под оркестрой, и можно ли считать, исходя из этого намека, что оркестра афинского театра Диониса была местом, где торговали книгами, когда там не было театральных представлений?

Вряд ли такое предположение допустимо. Театральное представление в те времена было священнодействием, и поэтому сам театр был неким подобием храма. Скорее всего, здесь надо принять точку зрения тех исследователей, которые видят в упомянутой Платоном оркестре юго-западную часть агоры Афин (RE, Nbd, 35, 1939, Sp. 883—885), **которая** так называлась. Когда-то здесь действительно была оркестра, но культовое назначение этой площадки было забыто после того, как в конце VI века до н. э. на юго-восточном склоне Акрополя в священном участке Диониса появилась новая оркестра, вокруг которой и возник театр. Старая же оркестра, сохранив свое название, стала частью торговых рядов, располагавшихся по всей афинской агоре. Здесь стояли статуи тираноубийц Гармония и Аристоклитона. Именно здесь и продавались книги, о чем говорится в «Апологии Сократа». Это упоминание можно сопоставить и с сообщением Диогена Лаэртского (II, 3, 11), что Анаксагор был первым философом, который стал публиковать свои труды.

Нам трудно представить себе, как конкретно выглядели эти первые издания философских книг. Но уже вскоре после издания сочинений Анаксагора на афинском книжном рынке стали довольно часто встречаться книги философского содержания. Из одного места сочинения Диогена Лаэртского (IX, 40) мы узнаем, что Платон вознамерился собрать и сжечь все сочинения Демокрита, философа материалиста, которого Платон особенно ненавидел. Но пифагорейцы Амикл и Критий отговорили его, указав ему на безнадежный характер такой попытки — слишком многие люди хранили у себя сочинения Демокрита. Но тот же автор рассказывает, как в Афинах подобное меро-

приятие было осуществлено в государственном порядке: сочинения софиста Протагора, обвиненного в безбожии, были собраны в одно место государственными глашатаями Афин (отобравшими эти книги у граждан) и сожжены на городской площади.

Лавка книгопродавца в Афинах была не только местом, где любители изящной словесности и ревнители науки могли приобрести нужные им книги, но одновременно и литературным, а может быть, и политическим клубом: здесь можно было услышать последние литературные новости, потолковать о книжных новинках. Упомянувшийся уже здесь Диоген Лаэртский (VII, 2) рассказывает о Зеноне из Кития, как тот, потерпев кораблекрушение близ афинского порта Пирей, скитался по Пирею, пока не нашел приюта в лавке книготорговца (имя философа могло быть там известно).

Так как издание книг требовало особо высокой квалификации, не все греческие полисы могли наладить у себя это производство. Поэтому книги из Афин и других городов, где они изготовлялись, экспортировались в различные части эллинского культурного мира, иногда очень отдаленные, как, например, в греческие колонии, расположенные по берегам Понта. Мы узнаем об этом из вскользь брошенного замечания Ксенофонта. Автор, сочетавший в себе литератора и солдата, упоминает в «Анабасисе» (VII, 5, 12—14) о Салмидессе, городе и области, расположенной вдоль западного побережья Черного моря. Здесь часто терпели крушение греческие корабли, направлявшиеся в Понт (известие это подтверждает и Страбон — VII, 6,1), так как пустынная и скалистая береговая полоса была здесь открыта для ветров. «Здесь многие из плывущих в Понт кораблей садятся на мель и их потом прибывает к берегу, так как море в этом месте на большом расстоянии очень мелководно. Фракийцы, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них. Рассказывают также, что до размежевания многие из них погибали, убивая друг друга во время дележа добычи. Там находили много кроватей, сундуков, книг и других вещей, какие морские торговцы обычно перевозят в деревянных ящиках»⁶.

Этот рассказ Ксенофонта является редким свидетельством, подтверждающим предположение о ведущей роли самых развитых государств Эллады в производстве книг и книготорговле.

Одна афинская пословица случайно сохранила нам имя че-

ловека, занимавшегося торговлей книгами и возившего их в далекие страны. Она приведена в словаре Суды и у Зенобия (Suda S. V. λόγοισι; Zenob. V, b). По-русски ее можно передать примерно так: «Торгует речами за морем Гермодор». По поводу этой поговорки словарь Суды сообщает нам следующее: «Гермодор был учеником Платона и торговал его сочинениями, вывозя их в Сицилию». Надо заметить, что Гермодор был не только деловым человеком, но и литератором, написавшим целую книгу о своем учителе Платоне. (См. Diog Laert. III, 66). По-видимому, Гермодор был первым издателем сочинений Платона, а издательское дело и книготорговля, как уже говорилось, были тогда тесно связаны. Разумеется, то, что издателем сочинений философа выступает его ученик, тоже не является случайным обстоятельством — близость к автору облегчала ему задачу редактирования сложных по композиции и содержанию философских диалогов Платона.

Далеко не все античные писатели издавали свои труды при жизни. Многие произведения Аристотеля были изданы лишь после его смерти. Историю их издания подробнейшим образом рассказывает Страбон (XIII, 2,54): «Аристотель передал свою библиотеку Феофрасту, которому он оставил также и свою школу. Аристотель был первым из известных нам людей, который составил собрание книг и подал пример египетским царям, как надо составлять библиотеку. Феофраст передал библиотеку Нелею, который привез ее в Скепсис. Нелей оставил ее своим наследникам, лицам, к науке и образованию непричастным. Те держали эти книги взаперти и не заботились о них. Когда же они проведали о деятельности царей Атталидов (которым Скепсис был подвластен), разыскивавших книги для своей библиотеки в Пергаме, они скрыли эти книги в каком-то погребе под землей. Позже, уже поврежденными от сырости и червей, книги Аристотеля и книги Феофраста были проданы потомками Нелея за большие деньги Апелликону Теосцу. Этот Апелликон был скорее библиофилом, чем ученым. Стараясь восстановить изъеденные червями места, он переписал текст на новые копии (антиграфы), неверно дополняя тексты, и издал эти книги полными ошибок. Так получилось, что перипатетики — как те, которые принадлежали к первому поколению учеников Аристотеля, так и те, кто жили после Феофраста — не имели возможности деятельно заниматься философией, а только провозвещали основные положения учения Аристотеля, вследствие того, что у них вовсе не было книг их учителя, за исключением весьма немногих, и то в основном принад-

лежавших к экзотерическим сочинениям. Более поздним перипатетикам, с момента, как эти книги вышли в свет, предоставились гораздо большие возможности заниматься философией и следовать учению Аристотеля. Но все же они были вынуждены по многим вопросам высказывать утверждения, основанные на догадках, вследствие множества ошибок*. Многие к этому добавил и Рим. Ведь сразу же после смерти Апелликона Сулла, взяв Афины, увез его библиотеку. После того, как она была привезена в Рим, грамматик Тираннион, будучи приверженцем школы Аристотеля, взял на себя заботы о книгах. Он сумел угодить лицу, поставленному над библиотекой. (Имели дело с ней) и некоторые торговцы книгами, использовавшие плохих писцов и не сверявшие копии с оригиналом — что часто случается и с другими книгами, которые пишутся для продажи, и здесь, и в Александрии»**.

В этом сообщении Страбона не все сказано с достаточной ясностью. Из него трудно составить себе представление о характере библиотеки Аристотеля — состояла ли она из сочинений самого философа, или же она содержала книги и других авторов. В пользу второго предположения говорит то, что Страбон с похвалой отзывается об искусстве Аристотеля составлять библиотеку, которое у него переняли Птолемеи. Это утверждение имело бы мало смысла, если бы речь шла о сочинениях только самого философа. В пользу того, что подбор книг в библиотеке Аристотеля был разнообразным и включал в себя произведения многих авторов, можно высказать ряд априорных соображений: это, во-первых, любовь к книгам, за которую Аристотель, еще обучаясь в Академии Платона, получил прозвище «книгочеловек»; во-вторых, особенность его творчества, одним из характерных признаков которого является постоянное внимание к учениям других философов, его предшественников.

Трудно также допустить, что до Апелликона главные сочинения Аристотеля не были известны (существуют достаточно веские соображения, свидетельствующие против такого предположения). Но как бы то ни было, ясно одно — широкое распространение труды Аристотеля получили после того, как они были изданы в Риме Тираннионом и Андроником Родосским. Андроник объединил сочинения Аристотеля в тематические группы, каждая из которых трактовала проблемы одной науч-

* Имеются в виду ошибки, сделанные при восстановлении поврежденных книг с произведениями Аристотеля.

** Под словом «здесь» имеется в виду, скорее всего, Рим.

ной дисциплины. Помимо этого, в качестве приложения к изданию он составил парафразы и пояснения ко многим произведениям Аристотеля и написал введение в изучение философии Аристотеля и Теофраста, в котором, как предполагают, он изложил жизнеописание каждого из них, включив также в это сочинение текст завещаний обоих философов, и дал список их произведений, составленный в соответствии с его систематизацией. Можно догадываться, что там шла речь и о подлинности перечисленных произведений философов. Таким образом, это было одно из первых (если не самое первое) научно-критическое издание сочинений великого мыслителя древности, составленное по принципам, близким к тем, которые существуют в настоящее время.

Сведениям Страбона можно доверять не только потому, что он вообще был ученым, стремившимся к точности сообщаемых им сведений: Страбон был учеником Тиранниона, которого мог слушать в Риме (см. «География», XII, 3,16). Кроме того, Страбон вообще был близок к перипатетикам, и это видно хотя бы из того, что он слушал Ксенарха, видного философа этой школы (XIV, 5,4).

Сообщение Страбона о судьбе сочинений Аристотеля позволяет нам получить известные представления об издательской технике того времени. Становится ясно, прежде всего, что в его времена существовали два крупных издательских центра — Александрия и Рим. Издательской деятельностью занимаются книготорговцы, и качество их изданий зависит от квалификации писцов, работающих в их скрипториях. Изданные экземпляры должны сверяться с оригиналом — чего не было сделано при издании сочинений Аристотеля. Представляет интерес и то, что Страбон сообщает об Апелликоне, представлявшем характерный для того времени тип библиофила, охотника за редкими и ценными изданиями, но мало вникавшего в их содержание. Из других источников известно, что когда Апелликон не мог купить приглянувшуюся ему книгу, он ее воровал. Из афинского государственного архива он сумел добыть оригиналы древних постановлений афинского народного собрания. Добывал он редкие памятники письменности и в других городах (Athen. V, 214 E).

Рассказ Страбона содержит ряд характерных терминов, взятых из издательской практики того времени (антиграф — копия, выпущенная в свет издателем, архетип — оригинал, с которого делаются копии).

Ни одна античная книга не дошла до нашего времени в ви-

де архетипа, то есть экземпляра, изготовленного автором собственноручно или рукой его секретаря. Как правило, рукописи античных книг, лежащие в основе современных изданий, отделены от самых древних копий, сделанных с оригинала, большим количеством промежуточных списков. Очень редко встречаются рукописи, которые были бы древнее XIII или XIV века. Следует при этом учитывать, что и алфавит, которым написаны дошедшие до нас рукописи произведений античных писателей, во многих случаях отличается от того алфавита, которым пользовался автор. Здесь имеет место то же самое явление, с которым мы сталкиваемся, читая, например, современные издания поэтов XVIII века. Сравнивая факсимиле оды В. Капниста «На смерть Державина» с современным изданием этой оды, мы видим, как в современном издании исчезли «твердый знак», «ять», «и десятиричное» и некоторые другие буквы; исчезли и знаки, которыми поэт отделял одну строфу от другой. В другом стихотворении этого же поэта, «Судьба», мы с первой же строки замечаем, как современные издатели заменяют старинную орфографию современной — меняя, например, «буйнаго» на «буйного».

Литературный язык никогда не стоял на месте, и писец, переписывающий произведение, сохранившее архаизмы или диалектизмы, невольно приспособлял язык копируемого произведения к общепринятому в его время. Как уже говорилось выше, нечто подобное произошло с пьесами Плавта, написанными на языке, которым говорили на улицах Рима в конце III — начале II века до н. э.

Но Плавту просто не посчастливилось. Совершенно иной предстает перед нами судьба поэм Гомера или произведения Геродота, из которых первые написаны на так называемом «гомеровском диалекте» (происхождение которого по-прежнему остается для нас загадкой), а произведение Геродота — на литературном ионийском диалекте. Сохранившиеся папирусные отрывки этих произведений, как уже говорилось выше, дают нам текст, ничем не отличающийся (по крайней мере, по языку) от того, который сохранили нам рукописи византийской эпохи и которым мы обязаны текстологам александрийской эпохи. Большое значение имело здесь и то, что оба автора, Гомер и Геродот, входили в перечень тех, которые изучались в учебных заведениях Византии и поэтому переписывались особенно часто.

Квалифицированный античный писец должен был обладать не только искусством каллиграфии — необходимым условием

была высокая грамотность, позволявшая избегать механического переписывания. В античных скрипториях были выработаны правила копирования книг, которые до нас не дошли, но о существовании которых мы можем догадываться. Известно, например, что писец должен был воспроизвести оригинал так, чтобы и количество строк, и число страниц копии точно совпадали с оригиналом. В одной рукописи мы читаем: «Прототип воспроизведен точно, насколько было возможно». Другие копиисты, закончив работу, писали в конце переписанной ими книги, что просят читателей не осуждать их слишком строго за ошибки, которые они допустили.

Завершив свой труд, копиист иногда указывал дату окончания работы и подписывал свое имя. Этот колофон часто содержал различные благочестивые формулы или выражения радости по поводу окончания работы. Писали, например, так: «Так же, как радуется моряк, возвращаясь в порт, такую же радость испытывает и писец, видя свой труд завершенным». Другие высказывались более прозаично, подобно одному монаху, который написал в конце своего труда: «Дай-ка выпить, брат Франциск!»¹⁰.

Латинское и греческое письмо, которым писались античные книги, прошло ряд стадий своего развития, изучаемых латинской и греческой палеографией. Можно выделить четыре стадии, через которые прошло латинское письмо: капитальное, унциальное, полуунциальное и минускульное. Античные латинские книги писались капитальным письмом и унциалом, но с середины III века н. э. постепенно входит в употребление «примитивный минускул», который называют иногда полуунциалом (это прямой предшественник каролингского минускула).

Греческий минускул, по распространенному мнению, представляет собой нормализацию курсивного письма.

Глава IX

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА КНИГИ

**В Египте все то есть, что есть в мире:
Богатство, власть, покой, палестра, блеск славы,
Театры, золото, мудрецы, царя свита,
Владыко благостный, чертог богов братьев,
Музей, вино — ну, словом, все, что ты хочешь.**

Геронд, Мимиямбы

ОСНОВАНИЕ АЛЕКСАНДРИИ

«Александрийцы — это те, кто воспитал и дал образование всем эллинам и варварам, во времена, которые наступили после диадохов Александра. Птолемей VII, изгнав немалое количество александрийцев, наполнил острова и города грамматиками, философами, геометрами, людьми, причастными к мусическим искусствам, живописцами, учителями гимнастики, врачами и многими другими специалистами» (Athen. IV, 184 B).

В этих словах подчеркнута выражена роль Александрии как вселенского центра культуры в древности. Ни один город мира во все предшествующие и последующие века истории античности и средневековья не смог бы сравниться с Александрией в этом смысле: светом ее науки, литературы, философии озарена громадная эпоха истории. Ставший позднее, к I веку н. э., мировым центром культуры, Рим питался соками Александрии. Страбон отметил в своем труде: «Рим полон александрийских филологов» (р. 675). Александрия была вместе с тем и мировым издательским центром, откуда книги расходились по всему тогдашнему цивилизованному миру.

Почему именно Александрии судьба уготовила подобную роль? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Не одно, а стечение множества обстоятельств обусловило этот замечательный феномен истории античного мира. К ним следует причислить и выгодное географическое положение этого города, сразу же ставшего портом мирового значения, и то, что Александрия унаследовала древние греко-египетские связи, и блеск новой столицы Птолемеев, привлекавших сюда самых

выдающихся деятелей науки и культуры со всего мира, и неисчерпаемые богатства страны, ресурсы которой оказались в полном распоряжении Птолемеев, и разноплеменность массы населения этого города, и исключительное положение, которое он занимал в системе административного управления в Египте, и многие другие обстоятельства (в числе которых следовало бы отметить и наличие крупного ремесленного производства, особенно производства пшечего материала — папируса...).

Александр, на мирной деятельности которого лежит отпечаток такой же быстроты и смелости решений, как на его военных походах, мыслил себе Александрию в качестве некоего интернационального центра*. Для его внутренней политики вообще было характерно стремление предупредить национальные распри, могущие взорвать изнутри создаваемое им огромное мировое государство. Отсюда и те призывы к единодушию, с которыми он обратился и к македонянам — победителям, и к персам — побежденным, которые прозвучали на знаменитом банкете в Опесе, политика смешанных браков, которым он сам первым подал пример, и т. п. Всем этим планам не суждено было осуществиться.

Арриан, основываясь на достоверной традиции, передает, как Александра захватила мысль построить город: «Придя в Каноп, он проплыл кругом залива Мариа и вышел там, где сейчас находится город Александрия. Место показалось ему чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы — были посвященные эллинским богам, был и храм Исиды Египетской — и по каким местам вести кругом стены» (III, 1,5).

Мы видим, что город был задуман с самого начала как эллинский полис, со всеми его атрибутами — агорой, храмами богов, палестрой и т. д. Основанная зимой 332/331 гг. до н. э.¹ Александрия противопоставлялась не только египетским городам, но и всем остальным полисам тогдашнего греческого мира. «Александриец» стало особым этниконом². Позже, в римскую эпоху, Дион Хрисостом в одной из своих речей (от. XXXII, 670 В) говорил: «Египет, столь великое племя, есть тело полиса (то есть Александрии. — В. Б.), скорее даже прило-

* Александр оказался особым образом связан с Египтом — здесь был основан первый город, названный его именем, здесь он хотел быть похороненным (Curt. X, 5, 4; Iust. XII, 15, 7) и здесь же было положено начало культуре Александра...

жение к нему...» Лумброзо, глубоко изучавший эллинистический Египет, также заметил эту характерную особенность города и писал Вилькену: «Этот город сам составляет нечто целое, некое государство, царство само по себе...»³. Греки, жившие в Александрии, имели свой кодекс законов, свою агору, совет, палестры, стадионы, культ своих богов: они одни имели право получать материальную поддержку от государства (египтяне, жившие в Александрии, рассматривались как чужестранцы или метеки). Еще в 97 г. н. э., когда Плиний Младший хотел выхлопотать для своего врача египтянина право римского гражданства, ему было указано, что тому надо сначала стать александрийским гражданином... (Epist. X, 5, 6—11).

Детальный, хотя и густо сдобренный фольклорным материалом рассказ об основании Александрии мы находим в «Истории Александра Великого» Псевдо-Каллисфена⁴. В нем заключено множество вымышленных и противоречивых подробностей, но одновременно мы находим там и целый ряд таких сведений, которые несомненно носят исторический характер. По всей вероятности, в своей основе роман Псевдо-Каллисфена сложился во времена Птолемеев, хотя дошедшая до нас редакция относится уже к римской эпохе⁵. В этом романе, после выдуманного рассказа о том, как римляне прислали Александру подарки и солдат, сообщается о путешествии Александра к богу Аммону, после чего он приказал своим солдатам сесть на корабли и отправиться на остров «Фаритиду», чтобы там ожидать его прибытия. В оазисе Аммона Александр принес жертвы богу и попросил его подтвердить знамением, что он, Александр, его сын. Ночью во сне Александр получил это знамение и после этого воздвиг Аммону храм с надписью: «Отцу богу Аммону посвятил Александр». У Аммона же Александр попросил указания, где он должен основать город и назвать своим именем. Бог также ночью явился ему во сне и в стихах (в ритме героического гекзаметра, как обычно давались оракулы) указал Александру место — «У острова Протеиды». После рассказа о том, каково происхождение названия места Паратонион, сообщается, как Александр прибыл в район, где находились египетские поселения (перечисляются 16 названий). Наиболее выдающимся из них, «метрополией», была Ракотида. Поселения эти имели 12 рек, изливающихся в море. Реки были засыпаны и стали улицами нового города. Оставлены были только три — одна, называемая Ракотит («которая ныне является дорогой великого бога Сараписа»),

затем канал по улице, ведущей к агоре, и самая большая река, которая ныне называется Аспендия.

Александр давали советы, как строить город, Клеомен из Навкратиса и Динократ родосец. Они советовали не строить большого города, так как нечем будет его заселить, И даже если отыщется население, купцы все равно не смогут доставить туда необходимого количества припасов, так много их требуется. Кроме того, в большом городе непременно возникнет вражда между жителями, тогда как в малых городах всегда сохраняется согласие. Александр уступил архитекторам и поручил им строить город такой величины, какой они признают необходимым.

Архитекторы наметили городскую черту от Драконта *, что у Тафосирийской косы, до Агатодемона **, напротив Канопа, а ширину от Мендесия до Эврилоха и Мелантия ***.

Псевдо-Каллисфен называет далее помимо Динократа и Клеомена, принимавших участие в планировке города, еще и Кратера Олинийца ****, а также ливийца Герона, брата которого звали Гипоном. Гипоном посоветовал Александру соорудить отводные каналы и клоаки, выходящие в море. Поэтому эти каналы и называются Гипономы *****. Далее автор «Истории Александра Великого» уверяет, что нет города больше Александрии, и приводит для сравнения с периметром Александрии (16 стадиев 395 футов) периметры Антиохии (8 стадиев 72 фута), Карфагена (16 стадиев 7 футов), Рима (14 стадиев 20 футов). Цифры эти совершенно нелепы, если действительно считать их периметрами. Возможно, здесь надо подразумевать иные единицы измерения, а именно римские мили — во времена Веспасиана Рим действительно имел в периметре около 13 миль, как видно из Плиния Старшего (N. H. III, 16).

* Драконт — исток озера Мареотиды, соединявший его с морем. Он находился на западе, вне городской черты Александрии.

** Агатодемон — большой канал близ Канопа.

*** Эврилох и Мелантий — эпонимные (видимо, мифические) герои, от которых вели свое название одноименные поселения вблизи Александрии, как можно предполагать на основании контекста.

**** Подлинное имя — Кратег.

***** Мы сталкиваемся здесь с типичным этимологическим мифом. Греческое слово «гипоном» означает «подземный канал», «подкоп». Отсюда и пошла легенда, будто эти каналы под землей, которых, как мы увидим ниже, в Александрии было большое количество, построил некий строитель по имени Гипоном.

Прибыв к месту, где должен был располагаться будущий город, Александр увидел каналы и разбросанные вокруг деревни. С берега он заметил остров и спросил, как он называется. Местные жители ответили, что это Фарос, и что там жил Протей. Александр тогда принес жертву герою Протею и увидел, что посвященное ему сооружение обрушилось, приказал восстановить его как можно скорее.

Посыпая мукой, они таким способом наметили городскую черту. Но птицы расклеивали эту муку, и тогда Александр послал за толкователями, отгадывающими смысл знамений. Те следующим образом разъяснили его смысл: основанный город будет кормить весь мир, и всюду проникнут люди, рожденные в нем (ведь и птицы облетают весь мир).

Александрию начали строить от Месопедия («Срединной площади»): место это и получило свое имя оттого, что с него начали строить город...

Всю землю, которая выбрасывалась при закладке фундаментов, Александр приказал сваливать в одно место. Сейчас там высится гора, которая называется Коприя. Заложив большую часть городских кварталов и составив план, он начертил на нем пять букв: А В Г Д Е. Буква А означала «Александр», В — «Басилевс» (царь), Г — «генос» (род), Д — «Диос» (Зевса), Е — «ектисе» («основал» — имеется в виду город...).

Рассказ Псевдо-Каллисфена донес до нас народные легенды об основании знаменитого города древности, но в этих легендах скрывается историческое зерно. Противоречивый и сбивчивый рассказ романа об Александре нуждается, конечно, в серьезных коррективах и дополнениях. Особенно важным в этом отношении является описание Страбона (XVII, 791—795), позволяющее восстановить панораму этого красивейшего города древности 6.

Город располагался на склоне холма, спускавшегося к морю от озера Мареотиды, и тянулся с юго-запада на северо-восток. Местность была очень удобной в стратегическом отношении — гавань, закрытая с севера островом Фарос, была прекрасным убежищем для флота. Каналы соединили гавань с Нилом, водной артерией страны, и тем самым — со всеми областями Египта. Район был хорошо известен грекам — в сорока милях от него находился Навкратис, древнее поселение греков в Египте.

По Страбону, план города напоминал хламиду — македонский военный плащ; длина города приблизительно втрое превышала ширину. В целом площадь, занимаемая городом, на-

поминала параллелограмм с длинной стороной в 30 стадий (свыше 5 км). Ширина равнялась 7—8 стадиям (ок. 1,5 км).

Ровные и широкие улицы города, удобные для проезда колесниц и всадников, пересекались под прямыми углами — Александрия была распланирована с учетом всех достижений античной науки о градостроительстве. Следы этой планировки можно было открыть еще в XIX в. Лучший план античной Александрии, опубликовал в конце прошлого века Махмуд-Эль-Фалаки⁷. Автор сам производил раскопки и открыл одиннадцать поперечных улиц и семь продольных проспектов, тянувшихся параллельно длинной стороне городской черты. Главный проспект — Канопский — пересекал город с запада на восток, начинаясь на востоке Воротами Солнца и оканчиваясь на западе Воротами Луны*. Диодор, также посетивший Александрию, описывает этот проспект в следующих словах: «Почти посредине город пререзает улица, удивительная по своей величине и красоте — она идет от одних ворот до других. Длина этой улицы равна 40 стадиям (египетский стадий — 174 метра), а ширина — одному плетру (30 метров). Вся она застроенна роскошными зданиями и храмами» (XVII, 52, 3). Среди этих зданий, упомянутых Диодором, выдавались красотой и роскошью постройки, тянувшиеся по одной стороне улицы, — Гимнасий, Палестра, храм Кроноса, Тетрапилон. По другой стороне возвышались дворец правосудия (Дикастерион), храм Пана, храм Сараписа и Исида и другие сооружения. Площадь, находившаяся посреди города, называлась Месопедион. На этой площади находился палладиум Александрии — гробница Александра Македонского, построенная Птолемеем II Филадельфом (так называемая «Сема»). Позднее римские императоры почитали эту гробницу за святыню и ездили к ней на поклонение. Страбон пишет обо всех этих сооружениях: «Одним словом, город полон общественных памятников и храмов. Наиболее красивым является Гимнасий с портиками более одного стадия длиной. В центре города находятся здание суда и парки» (XVII, 795).

При планировке улиц учитывалось и направление дующих здесь ветров. «Благодаря искусному расположению улиц город открыт этесиям, которые дуют с моря, приносят с собой прохладу и делают здешний климат умеренным и здоровым»

* Позже этот проспект называли просто Дромос. Улица была восстановлена при императоре Антонине Пие. Вороты Солнца и Вороты Луны иногда связывают с концами другой, поперечной улицы (второй главной улицы Александрии).

(Diod. XVII, 52,2). Эти ветры задержали флот Цезаря в гавани Александрии (В. С, III, 107).

Вторая главная улица Александрии, перпендикулярная Канопской, проходила ближе к восточной части города, опираясь в полуостров Лохиаду. Вместе обе улицы пересекали параллелограмм города на четыре неравные части (на пересечении этих улиц и находилась площадь Месопедион, о которой говорилось выше).

Городское хозяйство, следы которого сохранились до настоящего времени, имело не только наземные, но и подземные сооружения — отводные каналы, совершенно необходимые в условиях болотистой местности, клоаки, впадающие в море 8. «Почти вся Александрия подрыта и имеет подземные каналы, которые идут к Нилу и проводят воду в частные дома, где она постепенно очищается и осаживается. Ее обычно и употребляют хозяева домов и их слуги, ибо та вода, которая идет прямо из Нила, до того илиста и мутна, что вызывает много различных болезней», — писал Г. Цезарь в «Александрийской войне» (5). С юга к городу был подведен канал, который и давал ему питьевую воду, а также связывал озеро Мареотиду, питаемое из Канопского рукава Нила, с морем. Канал доставлял городу нильскую воду, расходившуюся затем по трубам в подземные цистерны.

Рейд Александрии, запертый с севера островом Фарос, был разделен на два порта искусственной насыпью длиной более километра, связывавшей Фарос с материком: эта насыпь называлась Гептастадион. Восточный порт обычно назывался Большой Гаванью, и вход в нее ограничивался с одной стороны восточным мысом Фароса, где находился знаменитый маяк, с другой — молот, соединенным с полуостровом Лохиада. С тыла эта Большая Гавань защищалась Гептастадионом. Она служила также военным портом с арсеналом и складами: фарватер был рассчитан на то, чтобы здесь проходили суда с глубокой осадкой, типа квинкверем. Вот как ее описывает Страбон: «Из оконечностей Фароса восточная лежит ближе к материку и к мысу напротив него (мыс называется Лохиада), и сужает устье гавани; вдобавок к узости прохода в гавань там есть еще и скалы, одни подводные, другие же выступающие над поверхностью моря. Эти скалы постоянно превращают в буруны волны, низвергающиеся на них из открытого моря. Самый мыс островка — это скала, омываемая морем. На этой скале находится удивительная постройка — многоэтажная башня из белого мрамора, одноименная с островом. Эту баш-

ню принес в дар Сострат с Книда, друг царей, ради спасения мореходов, как гласит надпись».

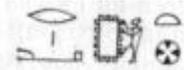
Сведения о пяти кварталах Александрии, сообщаемые Псевдо-Каллисфеном, подтверждаются другими источниками (как, например, Philo in Flacc. 973 a). Квартал В занимал царский дворец — Брухейон. Дворец состоял из огромного комплекса зданий и садово-парковых ансамблей, включая в себя и усыпальницу Александра («сема») и Птолемеев, Театр и Музей. Он занимал до трети города, по некоторым сведениям (в частности, по сообщению Страбона). Суда, входившие в Большую Гавань, проходили через нее прямо к дворцовым сооружениям, как можно заключить из следующего описания Страбона: «При входе в гавань слева увидишь внутренние царские дворцы, смежные с дворцами на Лохиаде: в них много различных покоев и парков. Ниже их расположена искусственно выкопанная и скрытая гавань, являющаяся частной собственностью царей, так же, как и островок Антиродос, с лежащей перед ним искусственной гаванью...» (XVII, I, 9). «Над искусственной гаванью находится театр, затем идет Посидий — так сказать, изгиб, выступающий от так называемого Эмпория с храмом Посейдона... Далее следует Цезарей, эмпорий и товарные склады. За ними идут верфи, тянущиеся вплоть до Гептастадиона. Таково мое описание Большой Гавани и ее окрестностей» (Strabo, XVII, 1, 9). Вероятно, в этом же районе города находились канцелярии, стоявшие во главе огромного бюрократического аппарата Птолемеев.

К западу от Гептастадиона лежала открытая Западная Гавань, порт Эвноста, названный так по имени зятя Птолемея. Внутри гавани находился небольшой внутренний закрытый порт военного значения, так называемый Кибот, укрепленный крепостными стенами. Он был связан и с Большой Гаванью, а также с Мареотиде находилась большая озерная гавань, предназначенная для нильских кораблей. Здесь же находился и увеселительный флот Птолемея II Филадельфа, состоявший из роскошно украшенных нильских барок, и позже — целая вилла на барже, сооруженная для Птолемея IV.

За пределами городских стен к западу находился туземный египетский квартал, называвшийся Ракотидой*, а также За-

* Ранее на этом месте находилась, как уже указывалось, египетская

деревня Ракедет

Она позднее вошла в черту города Александрии (характерно, что в иероглифических текстах Александрия называлась этим именем).

150

падный некрополь. К востоку от Канопских ворот города находился ипподром и Восточный некрополь. В египетском квартале был построен огромный храм, Серапей, посвященный богу Сарапису, соединившему в себе египетские и греческие черты.

Основные сооружения города были воздвигнуты при Птолемею I, в том числе городские стены и царский дворец, ставший продолжением дворца Александра на Лохиаде. Лазурное море с севера и желто-шафранного цвета пески с юга замыкали в естественные границы белокаменный город, в котором сочетание мраморных дворцов и общественных зданий с роскошной зеленью парков и садов создавало поразительный по красоте и гармоничности эффект. На всякого человека, впервые приехавшего в Александрию, панорама города оказывала неизгладимое впечатление. Его хорошо передает Ахилл Татий в своем романе «Левкиппа и Клитофонт» (V, I): «Спустя три дня мы прибыли в Александрию. Я прошел через ворота, которые называются Воротами Солнца, и передо мной развернулась сверкающая красота города, наполнившая робостью мой взор. Прямые ряды колонн высились на всем протяжении дороги от Ворот Солнца до Ворот Луны — эти божества охраняют оба входа в город. Между колоннами пролегла равнинная часть города. Множество дорог пересекало ее, и можно было совершить путешествие, не выходя за пределы города.

Я прошел несколько стадиев и оказался на площади, названной в честь Александра. Отсюда я увидел другие части города, и красота его разделилась. Прямо передо мной рос лес колонн, пересекаемый другим таким же лесом. Глаза разбегались, когда я пытался оглядеть все улицы, и не будучи в состоянии охватить целого, я не мог утолить ненасытную жажду созерцания. Что-то я видел, а что-то только хотел увидеть, торопился посмотреть одно и не хотел пропустить другого.

...Я смотрел на огромный город и не верил, что найдется столько людей, чтобы его заполнить; я смотрел на людей и не верил, что может существовать город, который в состоянии их вместить...»

Один открытый в Абусир-Эль-Мелеке папирус содержит характерное возвеличение Александрии: «Все остальные города земли, лежащей под Александрией, могут называться городами, но в сравнении с Александрией они являются только деревнями. Александрия же является городом Вселенной»¹⁰.

151

Самым замечательным в этой новой столице мира, затмившей своим блеском древние Афины с их освященными веками культурными традициями, были Александрийская библиотека и Музей. Собственно, библиотек было две. Главная вместе с Музеем входила в комплекс сооружений царского дворца, и уже это одно говорило о тесной связи этих учреждений с двором только что утвердившейся в Египте династии Птолемеев. В течение всего III века до н. э. глава библиотеки по традиции был одновременно и воспитателем наследника престола.

Вторая, «внешняя» или «дочерняя» библиотека находилась в Серапее, храме бога Сараписа, стоявшем на искусственной возвышенности в центре египетского квартала, Ракотиды. Он был окружен тремя сотнями колонн и представлял собой целый комплекс святилищ и часовен, связанных между собой гранитной колоннадой, составляющей огромный квадрат. По преданию, этот храм был построен Птолемеем I. К нему вела лестница в 100 ступеней, поднявшись по которым, посетитель мог увидеть статую бога Сараписа с протянутыми руками, готовыми принять грешника. Храм был богато изукрашен внутри и снаружи: «Серапей, украшенный широчайшими атриумами и колоннадами, живыми образами статуй, настолько выделялся великолепием своей отделки и украшений, что после Капитолия, навеки прославившего досточтимый Рим, нет ничего, что могло бы считаться более выдающимся во всей вселенной» (Amm. Marcell. XXII, 15).

Так же, как бог Сарапис соединял в себе египетские и греческие черты, так и в библиотеке Серапейона хранились вместе египетские и греческие книги, в том числе дублеты книг главной библиотеки и литература учебного характера.

Инициатива в создании библиотеки принадлежала, по всей видимости, Птолемею I Сотеру — мудрому и дальновидному генералу Александра, который при дележе наследства завоевателя мира сумел выговорить себе эту страну, издревле манившую к себе греков и счастливо сочетавшую в себе поразительное плодородие почвы с укрепленными самой природой, стратегически очень удобными для обороны естественными границами¹¹. Вероятно, почти в одно время с библиотекой был создан и Музей.

То, что именно Птолемей I был основателем Музея, а не его сын Филадельф (как считали ранее некоторые ученые на основании совершенно легендарного рассказа о переводе Биб-

лии), видно из сочинения Плутарха (*Non posse suaviter vivi*, 13, 3 p. 1095). Участие в создании библиотеки и Музея греческого философа Деметрия Фалерского, который вряд ли мог приехать в Египет ранее 294 года до н. э., также подтверждает эту традицию¹². Но организационные основы Музея были выработаны уже при Птолемее Филадельфе — при нем это учреждение достигает высочайшего расцвета и становится ведущим научным и литературным центром тогдашнего культурного мира. Белох предполагает, что основание Музея¹³ имело место во второй половине 90-х годов III века до н. э. Во всяком случае, это произошло после битвы при Ипсе 301 г. до н. э., которая подвела итог, хотя и кратковременный, затяжной борьбе диадохов. Птолемею в это время было уже за сорок. Воспитавшийся вместе с пажами Филиппа, он с ранних лет был связан с Александром и числился среди самых близких его друзей. Когда Александр, разгневанный вторым браком отца, покинул двор, Птолемей удалился вместе с ним (Агг. III, 6,6). С тех пор он не расставался с молодым царем. Птолемей командовал отрядом кавалерии в битве при Гранике, возглавлял арьергард армии, когда она спускалась вниз по Инду. Он стал соматофилаком, главным оруженосцем Александра. Как испытанный друг, он неоднократно выполнял самые ответственные поручения своего царя. Вместе с тем он был образованным и культурным человеком, не чуждым изящной словесности¹⁴. После смерти Александра Птолемей издал сочинение, в котором описал его походы. По-видимому, этот труд представлял собой переработанный дневник кампаний, который он сам вел. Как это вообще свойственно мемуаристам, Птолемей старался здесь выставить на первый план свои личные заслуги, хотя и воздерживался от прямой фальсификации фактов.

Существует мнение, что создание Библиотеки и Музея было¹⁵ предпринято Птолемеем по совету Деметрия Фалерского. Как бы то ни было, перед глазами устроителей стояли афинские Музеи перипатетиков и Платона. Известно, что Платон, перенесший преподавание философии из гимнасия Академа в свой собственный дом, присоединил к нему храм в честь Муз и назвал его Музеем: там были поставлены статуи Харит (Diog. Laert. IV, 1). После смерти Платона Музей с библиотекой стали достоянием его школы, Академии, и всем этим комплексом стали вестать преемники философа по руководству Академией — «схолархи» Спевзипп, Ксенократ и другие.

Подобным же Музеем обладала и школа Аристотеля (так называемые перипатетики). Для него был специально приоб-

ретен участок земли, на котором Феофраст построил здания, приспособленные для нужд преподавания и научных занятий¹⁶.

Учеником Феофраста и был Деметрий Фалерский, сыгравший видную роль в установлении преемственных культурных связей между древними Афинами и новой блестящей столицей Птолемеев. Он, естественно, лучше других знал устройство и принципы организации Музея перипатетиков. Вероятно, около 297 г. до н. э. он поселился в Александрии, где был радушно принят Птолемеем I Сотером; до самой смерти он пользовался расположением царского двора. Птолемей I советовался с ним по различным вопросам, и один факт подобного рода сообщает нам Плутарх в «Моралиях» (Reg. et imp. arophtegm. 189 D). Там сообщается, что Деметрий советовал царю почаще обращаться к книгам, трактующим вопросы сущности царской власти и вообще теории управления государством: «Ведь то, чего не рискнут посоветовать царям их друзья, излагается в книгах». Этот совет Деметрия Фалерского прекрасно согласуется с известием о том, что именно он был главным советчиком Птолемея при создании Библиотеки и Музея.

Выше уже говорилось о первой общественной библиотеке в Афинах, основанной тираном Писистратом — о ней сообщает Авл Геллий (N. A. VII, 17, 1 — 3). После этого сообщения Авл Геллий добавляет: «Позже огромное количество книг, было собрано либо изготовлено в Египте царями Птолемеями. Оно достигало 700 000 свитков...». В этом сообщении особенно интересно указание на то, что книги Александрийской библиотеки в значительной степени были изготовлены на месте. Для этого Александрия располагала широкими возможностями как в смысле материала (в главе «Папирус» здесь показана роль Александрии как мирового центра производства папируса), так и в отношении кадров грамотных писцов и грамматиков-текстологов, которые могли подготовить высококачественные издания.

Немалые усилия для пополнения библиотеки прилагал Птолемей II Филадельф, представлявший собой характерный для эллинизма тип «просвещенного государя». Древние называли его Μουσικὸς τῶτος — это слово можно перевести «в высшей степени увлеченный мусическими искусствами»*. Филадельф учредил мусические игры в честь Аполлона и Муз, на которых выдающимся писателям присуждались награды, как пишет Витрувий в предисловии к VII книге своего трактата.

* Этот же эпитет сопровождает имя Птолемея II в произведении Элиана «Пестрые рассказы» (IV, 15).

Камень с парным портретом Птолемея II Филадельфа (285—246 гг. до н. э.) и его жены Арсинои (так называемая «Камень Гонзага»). III в. до н. э.

Ленинград, Государственный Эрмитаж

Статуя философа, предположительно кинической школы.

Дельфы. Музей

Библиотеки и Музей были основаны почти одновременно, и по самой идее создателей они должны были дополнять друг друга. Как видно из названия, Музей был «храмом Муз», но поклонение Музам здесь носило практический характер. Формой, в которой осуществлялось служение Музам, были разнообразные научные и литературные занятия входивших в штат Музея ученых и литераторов (примерно так же, как постановка трагедий в Афинах классической эпохи была актом культовой обрядности бога Диониса).

Здание Музея имело тенистый двор, фланкированный изящными внутренними галереями. Через этот двор посетитель попадал в роскошный зал, окруженный своеобразными кельями, где философы преподавали свое учение, поэты читали свои стихи, а ученые грамматика перед группой учеников и просто ценителей изящной словесности комментировали вслух Гомера. Жили и питались все вместе: и учителя и ученики получали содержание от царя. Страбон, несомненно побывавший в Музее во время своего пребывания в Александрии, так описывает это учреждение: «Часть царских палат составляет Музей. Он состоит из портика, зала (экседра) и большого здания, где находится общая столовая ученых мужей, причастных к Музею. Это собрание ученых («синод») обладает общим денежным фондом. Во главе Музея стоит «Жрец начальник Музея», который прежде назначался царями, ныне же назначается Цезарем» (XVII, 793).

Комплекс сооружений Брухейона, царского дворца Птолемея, был очень велик и вход в этот район, по-видимому, был свободным, как можно судить на основании XV Идиллии Феокрита, где изображены простые кумушки, Праксиноя и Горго, отправившиеся во дворец на праздник в честь Адониса. Вероятно, так же свободно приезжие, туристы и гости Александрии могли являться на лекции ученых Музея и приобщаться к миру наук и искусств.

Это была первая в истории человечества Академия наук, слитая воедино с «университетом», находившаяся под покровительством небесных, а главным образом, земных богов, Птолемея. Музею суждено было просуществовать шесть столетий*. Птолемей I отовсюду созывал в Александрию выдающихся писателей и поэтов, людей науки и искусства. Как заметил Буше-Леклерк, Птолемей, не рискуя завоевать Элладу,

* В 273 году нашей эры солдаты Аврелиана, штурмом взяв Александрию, превратили Брухейон в груды развалин. Вместе с древним дворцом погиб и Музей.

стремился вывезти из нее все, что было возможно — идеи, книги, людей¹⁸. Среди приехавших в Александрию мы встречаем художников Апеллеса и Антифила, математика Эвклида, крупного физиолога, анатома и врача Герофила, историка Гекатея из Абдера, риторика Диодора, поэта Филета, грамматика Зенодота и многих других. Воспитывать своего сына, будущего царя Птолемея Филадельфа, Птолемей I поручил поэту Филету и философу Стратону, последователю Феофраста.

Между собравшимися из разных городов очень разными людьми сразу же начались ссоры. Диоген Лаертский (II, 111) сообщает любопытный анекдот о том, как ритор Диодор (по прозвищу Кронос) затеял астрономический спор за столом Птолемея. Потерпев поражение в этом споре, он от огорчения умер.

Обещанные Птолемеем блага соблазняли, однако, не всех. Отказались принять приглашение царя великий драматург Менандр и философ Феофраст. Многие с насмешкой говорили о живших в Музее ученых, которые должны были в уплату за получаемое содержание отказаться от элементарной свободы творчества и во всем следовать указаниям двора. Афиной (I, 22 D) приводит шуточные стихи Тимона силлографа в адрес александрийских ученых, которых содержат, как дорогих птиц в вольере:

**Множество кормится там, во многоязычном Египте,
Книжных бумагомарак, меж собой беспрестанно вражда,
В клетке для Муз...**

Называя Музей «клеткой для Муз» силлограф, по-видимому, намекал на жесткий контроль над мыслями, установленный Птолемеями. Не все приживались в этой клетке, и многие бежали туда, где, возможно, было голоднее, но зато не в пример свободнее — как, например, художник Антифил, бежавший на остров Кос. Живые и остроумные александрийцы давали философам из Музея насмешливые прозвища. Так, философ Гегесий, чье учение отличалось крайним пессимизмом, получил имя «Пейситанатос» (которое можно перевести «Убеди-Смерть»). Своей проповедью пессимизма этот философ имел такой успех, что в Александрии прокатилась волна самоубийств (поэтому царь Птолемей приказал ему прекратить лекционную деятельность)*. В I веке в Александрии жил грамматик Дидим, пи-

* Цицерон в «Тускуланских беседах» (1,84) упоминает о сочинении Гегесия «Апокартерон» («Морящий себя голодом»). Там рассказывалось, как один человек решил себя умерить, но друзья его отговорили. Отвечая им, он перечислил все беды, уготованные человеку в жизни.

савший на всевозможные темы: сочинения его насчитывали около 3500 книг. За необыкновенную трудоспособность ему дали прозвище «Меднобрюхий».

Как начала составляться знаменитая Александрийская библиотека, в точности неизвестно. По-видимому, основу «внутренней» библиотеки (входившей в комплекс сооружений царского дворца вместе с Музеем) составила библиотека Аристотеля, купленная Птолемеем Филадельфом (как пишет Афиной, 1,3 в). Но это, конечно, не значит, что книги библиотеки Аристотеля были первыми книгами Александрийской библиотеки.

Гален (XVII, I, p. 603) сообщает характерный анекдот о том, как многочисленные суда, посещавшие гавань Александрии, должны были отдавать свои книги и взамен получать копии. О том, насколько высоко ценились оригиналы произведений литературы, говорит уже упоминавшийся здесь эпизод из истории культурных связей Птолемеев с Афинами (Птолемей Эвергет одолжил у Афин государственный экземпляр произведений афинских трагиков и вернул только копии, утратив огромный залог).

Из двух библиотек, «внутренней» и «внешней» (библиотеки Серапея), главной, конечно, была внутренняя. Что она собой представляла? Античная традиция о ней крайне спутана, и информацию приходится собирать по крупицам.

В 1819 г. Ф. Осанн, изучая рукопись комедий Плавта, относящуюся к XV веку, открыл в том месте, где стояли последние шесть стихов комедии «Пуниец», за которыми начиналась комедия «Привидение», схолий, содержащий краткие сведения об Александрийской библиотеке. Его позднее опубликовал Мейнеке¹⁹. В нем сообщалось следующее. «(Царь) учредил две библиотеки, одну за пределами царского дворца, другую во дворце. Во внешней библиотеке насчитывалось 42 800 свитков, а в той, что находилась во дворце, — хранилось 40 000 «смешанных свитков» (Voluminum commixtorum), «простых же и разделенных» (Simplicium autem et digestorum) 90 000, как сообщает Каллимах, придворный царский библиотекарь, который также написал титулы для каждого свитка». Автор схолия при этом ссылался на Цециуса, автора комментария к комедии Аристофана «Плутос» (это был средневековый византийский ученый Иоанн Цецес). Текст Цецеса, имеющий отношение к истории Александрийской библиотеки, составлял часть его сочинения, называвшегося «Введение к Аристофану». Отрывок из него был обнаружен в одной миланской рукописи (Ambrosianus c. 222 ord. inf.) и был опубликован Кайлем²⁰.

По поводу создания библиотеки Цеес писал: «Названный царь Птолемей Филадельф... когда собрал отовсюду на деньги царской казны книги в Александрию, по совету Деметрия Фалерского и других старцев, отвел им место в двух библиотеках. Во внешней библиотеке число книг равнялось 42 800. Другая библиотека, располагавшаяся внутри дворца, имела «смешанных» книг (συμμιχθῶν)—400 000, «простых» же и «несмешанных»—90 000, как описал их по «Таблицам» Каллимах, являвшийся придворным царя, позже после приведения их в порядок».

При сравнении этих двух текстов становится ясным, что латинский схолий представляет собой простой перевод, или даже скорее, пересказ греческого текста Иоанна Цееса, с тем только различием, что в латинском пересказе спутано число книг «внутренней», главной библиотеки (вместо указанных схолиастом 40 000 там было, согласно греческому тексту, 400 000). Поскольку греческий текст является оригиналом, ему следует отдать предпочтение и принять последнюю цифру.

Однако, что же представляли собой эти «смешанные» книги?

Известный филолог середины XIX века Ф. Ричль в своей небольшой книге, посвященной Александрийской библиотеке, выдвинул ряд предположений о значении упомянутых терминов, неизбежно носящих априорный характер²¹. Анализ этих предположений мы находим в работе А. Деревницкого. Наиболее вероятным из них сам Ричль, а вслед за ним целый ряд ученых, в том числе К. Белох²³, считали следующее. Под «смешанными» книгами следует понимать всю совокупность собранных в библиотеке книг со включением в эту массу дубликатов. Напротив, «простые» или «несмешанные» книги составляют остаток, получающийся при исключении дубликатов (то есть сумму титулов).

Другое предположение было выдвинуто Дзяцко²⁴. Под «простыми» свитками он понимает такие, которые заключали в себе полное произведение, от начала до конца, или законченную часть целого сочинения, тогда как «смешанные» — это такие, где деление на части не было осуществлено, где отдельные части или книги литературного произведения не представляли собой законченного целого и оканчивались как угодно. К числу подобных книг относились и такие свитки, в которых заключалось несколько литературных произведений²⁵.

По-видимому, названные термины идут от античности. Слабость предположения Ричля, поддержанного Белохом, состоит

в том, что они включают одно понятие в состав другого («простые» книги выступают у них как часть всей совокупности книг, «смешанных» свитков), тогда как у Цееса они ясно противопоставлены друг другу. Что касается предположения Дзяцко, то здесь напрашивается следующее возражение: в Александрийской библиотеке хранились книги, уже исправленные и отредактированные филологами. Последние и создали то деление памятников литературы на «книги», которое стало традиционным и сохранилось до наших дней.

Нам представляется более вероятным следующее предположение. «Простыми» книгами в традиции александрийских ученых (сохраненной Цеесом) назывались свитки среднего размера, заключавшие в себе, как правило, одно литературное произведение, тогда как «смешанные» книги представляли собой совокупность свитков, связанных или заключенных в одну коробку, как бы «перемешанными» между собой — так, что требовалось искать среди них требуемую часть памятника.

Но, разумеется, при данном состоянии источников ни одно из высказанных предположений не может быть точно доказано.

Первым главой Александрийской библиотеки был Зенотот из Эфеса, о котором сохранилась биографическая справка в словаре Суды: «Зенотот Эфесский, эпический поэт и грамматик, ученик Филета, жил во времена Птолемея I. Он первый стал править поэмы Гомера и возглавил александрийские библиотеки. Был также воспитателем детей Птолемея»*.

Вероятно, именно глава библиотеки был главным ответственным лицом за комплектование фондов и приведение в систему огромной массы книг, сосредоточенной в обеих библиотеках. Эта система должна была обеспечить доступ к книгам как ученым Музея (в первую очередь), так и всем желающим воспользоваться накопленными там сокровищами. Немалые трудности должны были доставить каталогизация всей этой массы свитков и их элементарная обработка, даже проблема авторства была не столь простой, как это может показаться на первый взгляд. Многие книги были намеренно приписаны их авторами другим лицам (так называемые «псевдэпиграфы») или вообще не имели автора. Часто авторы носили одинаковые

* Рар. Оху. 1241 содержит список александрийских библиотекарей, но он (как, впрочем, и все остальные источники) не может служить основанием для решения вопроса о преемственности в управлении библиотекой. Аполлоний Родосский назван здесь учителем первого царя (вместо третьего). Преемником Аполлония здесь назван Эратосфен, за которым следуют Аристофан Византийский и Аристарх (последнее указание также ошибочно, как отмечает издатель папируса Хант).

имена, что тоже создавало немалые трудности. Наконец, в процессе переписки рукописной книги оказывались неизбежными разнообразные искажения и пропуски текста. Поэтому перед александрийскими грамматиками, занимавшимися обработкой накопленных книжных фондов, вставала задача максимального приближения к авторскому оригиналу редактируемых ими копий*.

Текстологическая работа коллектива ученых Музея и библиотеки началась, естественно, с гомеровских поэм. Издание выверенного текста требовало их глубокого изучения и комментирования. В процессе этого изучения и возник жанр литературного комментария, в котором александрийские грамматикологи достигли большого совершенства. Этот комментарий должен был приблизить к нуждам науки и школы то общенародное культурное достояние, альфу и омегу античной образованности, какими стали к этому времени «Илиада» и «Одиссея». Еще до александрийцев совершенное искусство этих поэм было осознано греческим народом как непреложный художественный канон: их стали резко выделять из всей остальной массы эпических поэм и противопоставлять так называемым «поэмам кикла». Под «киклом» понимали эпические произведения, которые как бы «окружали» поэмы Гомера («кикл» по-гречески значит «круг»), будучи написаны на сюжеты эпической мифологии... Понятие кикла было известно уже Аристотелю (Anal. II, p. 77 В 31).

Критическое издание («диортоза») поэм Гомера, принадлежавшее Зенодоту, составило эпоху в истории исправления и исследования поэм. По-видимому, именно Зенодоту мы обязаны делением каждой поэмы на 24 книги («песни»), которое сохранилось неизменным до настоящего времени. Каждая песнь была обозначена соответствующей буквой греческого алфавита²⁶. Зенодот, может быть, слишком легко шел на изменение текста поэм там, где он казался ему подозрительным или противоречащим здравому смыслу. Отвергаемые им стихи он обозначал знаком «обелос» (горизонтальной чертой, штрихом) на полях своего издания. Позднее этот критический знак стал широко использоваться Аристарх, еще более знаменитый критик Го-

* По-видимому, в обеих библиотеках были собраны книги не только на греческом, но и на восточных языках. В цитированном выше схолии к Плавту отмечается, что там были книги «всех народов и языков», которые со всей тщательностью по повелению царя были переведены лучшими переводчиками.

мера²⁷. Зуземиль не исключает возможности того, что Зенодот мог вставлять в гомеровские поэмы стихи собственного сочинения. Как бы то ни было, Зенодот вошел в историю науки как основатель текстологического анализа, сопоставивший различные тексты поэм и обративший внимание на поврежденные места. Он сделал также попытку наглядно представить все лексическое богатство «Илиады» и «Одиссеи», сведя его в словарь²⁸. Но в большинстве случаев мы узнаем об исправлениях Зенодота из возражений знаменитого редактора поэм Аристарха, сохранившихся в тексте древних примечаний («схолий») к Гомеру.

Примером реального комментария Зенодота к Гомеру может служить древнее примечание к «Илиаде», XIII, 198—200:

**Словно два льва, задравших козу и у псов острозубых
Вырвавши, гордо несут через густопоросший кустарник,
И высоко в челюстях добычу держат кровавых...**

По поводу этих стихов «Илиады» схолиаст замечает: «Зенодот исправляет на «двух коз»: ведь львы не помогают друг другу на охоте»²⁹.

Зенодот дал также глубокий мифологический комментарий к Гомеру, опирающийся на более поздних авторов, как видно из схолий НМQ к «Одиссее» (III, 307).

Работы Зенодота в области гомеровской «экзегезы» продолжили его ученики — Аристофан Византийский, Эратосфен и уже упоминавшийся здесь Аристарх. Последний в своем сочинении «Гипомнемата» выработал ряд принципов анализа и комментирования гомеровского текста, важнейший из которых состоял в том, чтобы «объяснять Гомера, исходя из самого Гомера». Следует отметить и так называемую «анафору» — соотнесение смысла слова или выражения с «неправильными», отклоняющимися от нормы значениями этого слова или выражениями в послегомеровском языке. Особенности диалекта, свойственные только Гомеру, обозначались термином *идиома*.

Во многом александрийские критики исходили из принципов, выработанных в школе Аристотеля. Так, понимание метафоры как сокращенного сравнения восходит, по всей вероятности, к перипатетикам³⁰.

Встречая неясное по значению слово у Гомера, Аристарх отыскивал такое место в поэмах, где это слово было употреблено в единственном и основном значении, проливавшем свет на все случаи употребления этого выражения. Такое место критик называл «объясняющим».

Однако, трезвый ум Аристарха, которым так восхищались позднейшие поколения ученых, не мешал ему оставаться истинным сыном своего века, со всеми свойственными ему предрассудками и суевериями. Примером может служить схолий к Феокриту X, 13, где сообщается: «Аристарх в своем комментарии к «Ликургу» Эсхила говорит о саранче, что если она взглянет на какое-либо животное, с тем непременно случится беда». Отсюда ясно, между прочим, что Аристарх комментировал не одного Гомера.

Наряду с работами текстологического характера в деятельности александрийских ученых много внимания уделялось, как уже говорилось выше, каталогизации и обработке огромного множества книг, собранных в обеих библиотеках. Они привозились отовсюду — из Афин и Родоса, и даже из далекой периферии античного мира, как, например, из Сицилии. Особенно высоко ценились древние книги, и щедрость Птолемея, плативших за них высокое вознаграждение, приводила к разного рода подлогам и мошенничествам. В одном из сочинений Галена мы читаем: «До того, как цари Александрии и Пергама стали соперничать друг с другом в приобретении древних книг, не существовало сочинений с подложными титулами. Когда же люди, приносившие царям книги древних авторов, стали получать от них вознаграждение, то начали доставлять много таких, на которых ставился подложный титул»³¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ученые библиотеки были вынуждены в ряде случаев менять заглавие сочинения, если старое оказывалось подложным. Об одном таком случае сообщает Афинея (XI, 496 e), который, ссылаясь на пьесу Дифила «Градопобедитель», добавляет при этом: «Эту драму Каллимах называет «Евнух»»³².

Как справедливо отмечал А. Деревницкий, «продукт подлога отличался, если можно так выразиться, особой пикантностью, когда мнимым автором произведения оказывалось лицо, известное именно тем, что несмотря на все данные для плодотворной деятельности на литературном поприще, оно тем не менее на этом поприще не выступало... К числу дерзких подлогов следует отнести целый ряд сборников писем, принадлежавших будто бы различным более или менее видным историческим деятелям (по количеству они достигли в александрийские времена уже весьма солидной цифры). Сюда относятся, например, подложные письма агригентского тирана Фаларида, Фе-³³ мистокла, Демокрита, Гиппократы, многих сократовцев...».

Коллекционирование книг начинается и достигает большого

размаха уже в Александрии: но в римскую эпоху оно принимает характер повального увлечения. За редкие оригинальные экземпляры платят большие деньги, их демонстрируют избранным друзьям и знакомым, хранят как драгоценность. Часто занимались коллекционированием люди не очень грамотные, как видно из сатирического произведения Лукиана «Против невежды». Особенно высоко ценились авторские экземпляры, автографы — то есть те оригиналы, с которых делалось издание. Книгопродавцы иногда показывали их (за приличное вознаграждение, разумеется) заинтересованным лицам.

Обработкой, редактированием и исправлением поступавших в Александрийскую библиотеку книг занимались, как сообщает Цецес, ряд ученых: «Александр Этолиец и Ликофрон Халкидянин, поощряемые щедрыми дарами царя, произвели исправление и редактирование (διωρθώσαντο) книг, содержащих произведения драматургии, для царя Птолемея Филадельфа — я имею в виду комедии, трагедии и сатирические драмы... Александр работал над текстами трагедий, Ликофрон — над произведениями комических поэтов... Над произведениями других поэтов работал Зенодот»³⁴.

А. Деревницкий считал, что к тому времени, когда Каллимах стал заведывать библиотекой, «она была уже в значительной степени упорядочена и имела вид благоустроенного собрания»³⁵.

Каллимах явился подлинным завершителем трудов Зенодота и его помощников. Он был моложе Зенодота, но не на много (родился Каллимах около 310 г. до н. э.). Он оставил глубокий след в александрийской культуре, создав школу — к числу его учеников причисляют Эратосфена, Аристофана Византийского и Аполлония Родосского. Как поэт он заслуживает особого внимания изощренной техникой стиха, но Зуземиль не без основания называет его гимны «холодными» (frostige): они лишены живого поэтического чувства и подлинного вдохновения. Он был типичным представителем того направления в поэзии, яркую характеристику которому дал Эрвин Роде: «Поэты этой эпохи принадлежат почти все к тому кругу ученых виртуозов, которые, усердно отдаваясь в тиши ученой жизни своим грамматическим и антикварным штудиям, считали себя единственными носителями специфического образования своего времени. Как относились эти подлинные сыны своего века, уже расставшегося с богами, к материалу высокой поэзии, бывшему для нее единственным — к древним сагам о богах и героях? Частично они находили возможным для себя держаться от них по-

одадь, проявляя при этом верный вкус, когда все свое творчество они посвящали игре изящных эпиграмм, придавая особую прелесть скромным радостям сельской или городской уютной жизни в своих идиллиях, отыскивая выход своим дружеским чувствам в поэтических посланиях, сочиняя свадебные и похоронные гимны, хвалебные оды, или находя удовольствие в суетности кокетливых и шаловливых стихотворений на злобу дня (холиямбах, силлах, кинедологических стихах и т. п.). Другие предпочитали в скучных ученых стихах тяжело и претенциозно преподносить тривиальнейшие истины, извращая таким образом подлинный и глубокий смысл жанра действительно ученой поэзии — какой она выступает перед нами в древних научно-философских поэмах»³⁶.

Каллимах интересуется нас здесь как основатель особой науки о книгах — научной библиографии. Она была вызвана к жизни насущными потребностями созданных библиотек и Музея — без этой науки было бы невозможно успешное развитие историко-литературных исследований, расцвет которых относится именно к этому времени. Нуждалась в ней и ученая поэзия, опиравшаяся в значительной мере на многовековые литературные традиции.

В словаре Суды под словом «Каллимах» дается краткая справка о его жизни и далеко не полный перечень его трудов (по преданию, литературное наследство Каллимаха насчитывало 800 книг). Среди его сочинений названы «Таблицы прославившихся во всех науках и искусствах, а также того, что ими сочинено», в 120 книгах. Если верить этой цифре, то придется согласиться с тем, что «Таблицы» составили важнейшую часть его литературного наследства, потребовав от автора многих лет труда.

Это не был простой библиотечный каталог. Имя каждого писателя в «Таблицах» сопровождалось краткой его биографией, в которой сообщались сведения о его учителях и образовании — поэтому все позднейшие писатели, пробовавшие свои силы в жанре биографии, начинали свой труд с ознакомления с «Таблицами» Каллимаха. Объектом систематизирующей деятельности для автора «Таблиц» были прежде всего сами писатели, а затем уже их произведения.

Скудость дошедших до нас сведений об этом труде Каллимаха и краткость сохранившихся фрагментов не позволяют с полной ясностью представить себе принципы этой первой в мире научной библиографии. Скорее всего, свод был составлен по жанрам, среди которых были отдельно выделены эпические

поэты, лирические, драматурги, философы, историки, ораторы и т. п. Есть основания считать, что в той части «Таблиц», которая была посвящена произведениям драматургии, каждой отдельной пьесе был присвоен номер. Такой вывод можно сделать, если исходить из предисловия Аристофана грамматика к пьесе Софокла «Антигона», где указан порядковый номер этой пьесы (тридцать второй). Вероятно, при этом указывались и стихометрические данные, а также приводилась первая фраза литературного памятника, что способствовало более надежной идентификации.

Развитие научной библиографии не остановилось на трудах Каллимаха. Известно, что Аристофан Византийский написал сочинение «К таблицам Каллимаха», где содержались различные дополнения и поправки к составленной Каллимахом библиографии (Athen. IX, 408). Библиография стала важной вспомогательной дисциплиной александрийской филологии.

Сходная научно-систематизирующая работа в области книговедения осуществлялась в Пергамской библиотеке, соперничавшей с Александрийской. Она была основана Атталом I (241 — 197 гг. до н.э.), но достигла высокого расцвета при Эвмене II (197 — 158 гг. до н.э.), приложившем немало усилий к тому, чтобы увеличить это собрание книг*. Возникла даже легенда о соперничестве между ними и Птолемеем V Эпифаном, которое, якобы, привело к тому, что последний запретил вывозить харту из Египта — что и привело к изобретению пергамента (см. выше, глава «Папирус»).

Известный философ-стоик, знаток Гомера Кратет из Маллоса был научным главой Пергамской библиотеки, и ему приписывают также составление «Таблиц», подобных тем, которые составил Каллимах для Александрийской библиотеки. Они

упоминаются у Афиней (VIII, 336 E) как «Списки» (αναγραφαι), но нельзя поручиться за то, что составил их именно Кратет.

Здание Пергамской библиотеки было роскошно украшено, и следы этого убранства были обнаружены во время раскопок, проводившихся в Пергаме. Особенно обращает на себя внимание колоссальная статуя Афины, богини мудрости, украшавшая зал библиотеки, а также найденные там базы статуй, изображавших Гомера, Алкея, Геродота и Тимофея из Милета (на всех базах сохранились соответствующие надписи).

* Есть основания полагать, что пергамские цари прибегали к насильственным мерам, принуждая своих подданных отдавать книги (Страбон — XIII, I, 54 — сообщает, что наследники Нелея скрывали от агентов пергамских царей библиотеку Аристотеля).

Погребальная пелена в греко-египетском стиле, с изображением мужчины со свитком в руках. Рядом — бог Осирис и бог Анубис (с головой шакала). II век нашей эры.

Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина в Москве

Александрийская и Пергамская библиотеки были величайшими собраниями книг в древности. Ко времени Гая Юлия Цезаря в Александрийской библиотеке хранилось до 700 000 свитков (Aul. Gell. N. A. VI, 17; Amm. Marcell. XXII, 16, 13) *. Когда Цезарь во время Александрийской войны зажег стоявший в гавани Александрии египетский флот, сгорели склады с хлебом и с книгами, вместе с верфями, судя по сообщению Диона Кассия (XLII, 38), а не сама библиотека. По сообщению Орозия, там сгорели 400 000 книг (Oros VI, 15, 3). Возможно, это были те книги, которые Цезарь, интересовавшийся литературой и сам причастный к искусству художественного слова, собирался вывезти в Рим, чтобы основать там величайшую библиотеку, достойную его памяти. Антоний, желая угодить Клеопатре, как сообщает Плутарх в его биографии, приказал ограбить Пергамскую библиотеку (в которой хранилось до 200 000 «простых» книг), чтобы возместить потери Александрийской.

Главная библиотека Александрии, входившая в комплекс сооружений царского дворца Птолемеев вместе с Музеем, погибла, скорее всего, в 273 году н. э., когда император Аврелиан штурмом взял Александрию и разрушил дошла Брухейон.

Спустя 120 лет погибла и библиотека Серапея при следующих обстоятельствах.

Победа христианской религии при императоре Константине не привела к немедленному искоренению «язычества». Политика последующих императоров заключалась в том, чтобы приходящие в ветхость языческие храмы закрывались сами по себе, оставляемые верующими, постепенно обращаемыми в христианство. Наиболее упорными, однако, были египетские приверженцы культа Сараписа, храм которого в Александрии продолжал оставаться одним из самых роскошных храмов римской империи. Построенный из драгоценных пород мрамора, он сверкал золотом внутренней отделки и в нем хранились накопленные веками несметные сокровища, пожертвованные верующими. В этом же храме хранилась и библиотека, состоявшая, вполне естественно, из «языческих» книг. Богатства храма разожгли алчность патриарха Александрии Теофила, который в 390 г. нашей эры напал на Серапей во главе озверевшей тол-

* Согласно другому варианту традиции, сохраненному Иосифом Флавием (Ant. Iud. XII, 2, 1), Деметрий Фалерский определил число свитков Александрийской библиотеки в 200 000 и выразил надежду в скором времени довести его до 500 000. Но эта цифра, приведенная Флавием, может отражать лишь объем фондов библиотеки в начальный период ее существования.

пы христиан и разграбил его. Книги были уничтожены, и даже пустые шкафы увезены. Позднее их можно было увидеть в других храмах Александрии, как сообщает Орозий (VI, 15, 32) *.

Шестьсот лет существования Александрийской библиотеки и Музея оставили глубокий след в истории европейской культуры. Впервые книга стала объектом научного изучения и систематизации, основой научной работы в современном смысле этого слова. Благодаря усилиям александрийских ученых были установлены принципы критики текста путем сравнения различных рукописей, заложены основы деления авторского текста на части, «книги», созданы принципы систематизации произведений литературы по жанрам и т. д. В Александрийскую эпоху сформировались «канонические» издания сочинений великих писателей прошлого, лежащие в большинстве случаев в основе современных изданий текстов античных авторов.

Высокая культура книги была неразрывно связана с расцветом естественных и точных наук — математики, астрономии, географии, медицины, ботаники, зоологии (не говоря уже о филологических науках, по самому своему существу неразрывно связанных с книгой). Первым человеком, назвавшим себя филологом, был знаменитый александрийский ученый Эратосфен, сын Аглая, как сообщает Светоний (*qui primus hoc cognomen sibi vindicavit* — Suet. De gramm. 10).

* Существует иное предание о гибели Александрийской библиотеки, основанное на сообщении Абульфараджа, средневекового епископа Алеппо, скончавшегося в 1286 году (автора «Всемирной истории»). Когда войска калифа Омара взяли в 641 году Александрию, полководцы обратились к калифу с вопросом, как поступить с Александрийской библиотекой. Тот, якобы, ответил, что если содержание всех этих книг совпадает с Кораном, то они бесполезны; если же они противоречат Корану, то они просто вредны. И в том и в другом случае их следует уничтожить. Однако есть все основания отнестись к этой легенде с недоверием, хотя бы потому, что арабы на первых порах относились с уважением к туземным египетским учреждениям и продолжали чеканить, например, ту же монету с греческими легендами (и даже знаком креста).

Глава X

КНИГА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли?—
Ответил я, склоняя лик смущенный...

Данте, Божественная комедия

Книга пришла в Рим отсюда же, откуда пришла и письменность — из Греции. На первых порах у римлян были в ходу греческие книги, читавшиеся многими образованными людьми. Своя литература едва только зарождалась. Тит Ливий, подводя итог событиям истории Рима до галльского нашествия (нач. IV в. до н. э.), повторяет ту же мысль, что и в начале первой книги своего труда — события эти за давностью лет крайне трудно восстановить, да и письменные источники совершенно недостаточны: «Редкой и ничтожной была письменность в те времена» (VI, 1, 2). Когда римская республика уже клонилась к упадку, Гай Марий, выступая с обвинениями против оптиматов, упрекал их в том, что они обычно проводят молодость в изнеживающих и развращающих удовольствиях; а становясь консулами и полководцами, они сразу же обращаются к греческим книгам, чтобы из них научиться военному искусству... (Sall. De b. Jug. 85, 12).

Тесную зависимость римской литературы от греческой признавали такие видные деятели римской культуры, как Цицерон и Гораций. Римский писатель Страбон, сочинение которого написано на греческом языке (автор его был по происхождению греком из Амасии), писал: «Хотя римские писатели подражают греческим, они не заходят в своем подражании слишком далеко. Ведь все, что им нужно, они просто берут из греческих источников, тогда как сами по себе они обнаруживают мало любви к науке. Поэтому всякий раз, когда у греков оказываются пробелы, дополнения со стороны римлян незначительны...» (III, p. 166).

Древние предания о прошлом Рима и законы, которыми руководствовались граждане общины, передавались из уст в уста. Характерно, что древнейший памятник латинской словесности, на котором основывалась позднее латинская грамматика (как греческая — на Гомере) — законы XII таблиц — имел особо лаконичные формулировки, рассчитанные на то, чтобы их запомнили наизусть. Эти законы были одним из главных предметов преподавания в римской школе, и поколения римских детей заучивали их под руководством учителей.

Лишь после того, как греческие города юга Италии попали под власть Рима, стал особенно бурно развиваться процесс эллинизации римского общества, существо которого в классической формуле выразил Гораций: «Плененная Греция пленила в свой черед дикого победителя и внесла искусства в деревенский Лациум». Первые деятели молодой римской культуры ничуть не считали для себя зазорным называть свою национальную словесность «варварской», и Плавт, переделывая для римской сцены пьесы Новой Аттической комедии, иногда указывал в прологе «*Maccius vortit barbare*», Макций перевел на варварский язык («Комедия об ослах»).

В начале истории римской литературы стоит имя грека Андроника, пленного тарентинского раба, отпущенного затем на свободу римским сенатором Ливием Салинатором, детей которого он обучал. Как вольноотпущенник, он получил имя Ливия Андроника. Одним из первых он взялся за преподавание, помимо греческого, и латинского языка; но для этой цели был необходим автор, по тексту которого можно было бы это преподавание вести. Такого автора не было, и Ливий Андроник сам перевел «Одиссею» на латинский язык неуклюжим «сатурновым» стихом. Присущий римской школе дух консерватизма проявился в том, что по этому не очень гладкому переводу римские дети продолжали учиться родному языку еще во времена Горация. Поэт хорошо помнил стихи Андроника, «записанные под диктовку драчливого Орбилия», его школьного учителя (Послания, II, 1, 71). Нет сомнения, что эта переведенная Андроником «Одиссея» обращалась в виде папирусного свитка.

Ливий Андроник был одновременно и первым римским драматургом, поставившим пьесу в консульство Г. Клавдия и М. Тудитана (240 г. до н. э.). Через пять лет на римской сцене выступил со своей комедией уже римлянин по рождению, поэт Гней Невий (ок. 270—200 г. до н. э.). Невий не был простым переводчиком, и среди его произведений мы находим драмы на

Урок в античной школе.

Барельеф римской эпохи.
Трир, Городской музей

сюжеты римской истории, так называемые «претексты» (например, «Воспитание Ромула»). Ему принадлежит также поэма «Пуническая война», написанная сатурновым стихом — обозначившая собой начало римской эпической поэзии. Согласно сообщению Светония (*De gramm.* 2), эта поэма Невия составляла целый свиток; позднее грамматик Гай Октавий Лампадион разделил эту поэму на семь книг. По-видимому, во времена Невия римская книжная техника была еще весьма примитивной.

Творчество Невия отвечало социальным запросам своего времени. Образованность и ее неперменный спутник, книга, стали прочно входить в быт римского общества. Но римское правительство относилось к книгам еще довольно равнодушно, о чем свидетельствует следующий факт: когда в конце II Пунической войны в руки римлян попало большое количество карфагенских книг, сенат распорядился передать их мелким царькам Северной Африки (*Plin. N. H. XVIII, 22*).

С Плавтом мы достигаем вершины римской драматической поэзии (хотя Гораций судил о нем довольно сурово — Послания, II, 1, 168). В первом веке до н. э. Титу Макцию Плавту приписывали более 130 комедий, из которых древние критики отобрали в качестве подлинных только 21². Но само множество обращавшихся в публике пьес может служить косвенным

свидетельством о растущем количестве книг в Риме этого времени. Уже во II веке до н. э. там создаются большие библиотеки. Знаменитый полководец Павел Эмилий разрешил своим сыновьям, которые были большими любителями книги, забрать всю вывезенную им в 167 г. до н. э. библиотеку македонского царя Персея (как сообщает Плутарх в биографии Павла Эмилия).

Значительные книжные богатства были захвачены Лукуллом во время последней войны с Митридатом. Огромная добыча досталась Лукуллу в Амисе в 71 году до н. э. Город этот называли Афинами Понта. Среди захваченных трофеев оказалось множество книг, и из них составились знаменитые библиотеки Лукулла, о которых рассказывает Плутарх в его биографии: «Он собрал множество книг, красиво написанных, и еще больше славы, чем приобретение их, доставило ему их использование. Библиотеки его были открыты для всех желающих, и их портики и залы для занятий могли беспрепятственно посещаться всеми эллинами...» (Биография Лукулла, 42), Лукулл только повторил то, что сделал в свое время Сулла, вывезший из Афин библиотеку Апелликона. Цицерон (*De fin.* III, 7) рассказывает о том, как он отправился в загородную виллу младшего Лукулла, чтобы взять там некоторые книги. Там он встретил Катона уже погруженным в свои занятия. Мы можем представить себе, как выглядела эта библиотека: богатое собрание книг помещалось в просторном зале, уставленном шкафами с гнездами для свитков. Зал был украшен статуями греческой работы, изображавшими знаменитых писателей и поэтов, вдоль стен стояли удобные кресла, в которых сидели читающие. Те, которые хотели облегчить себе ознакомление с интересовавшим их произведением, пользовались услугами раба-анагноста («чтеца»).

Невольно привлекает внимание тот факт, что библиотека Лукулла расположена в загородной вилле. Римляне питали особую любовь к природе, и каждый старался создать в своем доме живой уголок с растениями и фонтаном журчащей воды. Занятие науками на лоне природы доставляло изысканное наслаждение представителям римской интеллигенции, среди которой увлечение сельским хозяйством было чем-то большим, чем просто мода. От этого не был свободен даже Цицерон, горожанин по самому своему духу, и его сын М. Т. Цицерон Младший. Последний в письме к Тируну (*Ad. Fam.* XVI, 21, 7), поздравляя его с покупкой имения, с восторгом пишет: «Ты владелец виллы! Тебе следует отказаться от городской утон-

Читатель у книжного шкафа с пюпитром.

Барельеф на саркофаге римской эпохи

енности, ты стал римским поселянином! Как живо я представляю себе приятнейшие занятия, которым ты посвящаешь свое время! Мне кажется, я вижу тебя покупающим принадлежностями и орудия сельского хозяйства, беседующим с управителем имения, собирающим семена овощей и плодов на полу после обеда...».

Именно эта черта римского быта позволяет нам понять, почему уникальная библиотека древности, открытая во время раскопок засыпанного вулканическим пеплом Геркуланума и состоявшая из большого числа папирусных свитков, была обнаружена в загородной вилле римского аристократического семейства Пизонов, расположенной за городской стеной этого уютного итальянского городка.

Каков был подбор книг, обычный для частных библиотек Древнего Рима?

Пакувий Прокул с женой. В руках у Пакувия свиток папируса, у жены — восковые таблички.

Фреска из Помпей, I век нашей эры

На этот вопрос ответить довольно трудно, так как книги упомянутой выше библиотеки Пизонов оказались подобранными в соответствии со вкусами владельцев. «О вкусах не спорят» — гласит римская пословица, подбор книг мог быть са-

мым различным. Но, как мы сейчас увидим, эти вкусы были обусловлены различными обстоятельствами.

В 1752 г. при раскопках виллы к северо-западу от городской стены Геркуланума рабочие натолкнулись на обугленные папирусы, которые они вначале приняли за остатки не до конца сгоревших дров. Лишь немногие папирусы сохранили форму цилиндра, большинство были сдавлены в лепешку рухнувшими стенами и потолками. Многие папирусы превратились в комки, по внешнему виду больше похожие на обугленные головешки, чем на свитки, поэтому помещение, где они были найдены, рабочие назвали «лавкой угольщика» (*Bottega del carbonaio*). Впоследствии дом, где были найдены свитки, получил название «дома папирусов» (*casa dei papiri*)³.

В итоге раскопок было обнаружено, что папирусы хранились в трех помещениях виллы, некогда принадлежавшей Л. Кальпурнию Пизону, другу и покровителю философа эпикурейца Филодема. Кальпурний Пизон, консул 58 г. до н. э., был тесно связан с Цицероном и Цезарем — последний был даже женат на его дочери, Кальпурнии. В своих письмах Цицерон, однако, отзывается о Кальпурнии Пизоне с ненавистью — они были политическими противниками. Пометок владельцев на книгах не обнаружено, лишь на некоторых свитках (например, №№ 1149, 993) встречается имя М. Октавия, написанное по-гречески. Возможно, М. Октавий был первым собственником книги, попавшей затем в домашнюю библиотеку Пизонов.

Главная масса обугленных папирусов была обнаружена с 19 октября 1752 г. по 25 августа 1754 г. в библиотеке виллы. Но отдельные экземпляры были найдены и в таблинуме, а также в перистиле (хозяева виллы принадлежали к читающим людям, которые с книгой не расставались). По мнению Доменико Компаретти, всего в библиотеке Пизонов хранилось до 800 свитков⁴, но некоторые исследователи увеличивают эту цифру до 1860⁵. Разногласия объясняются тем, что многие свитки оказались разорванными на части, и точно учесть их первоначальное количество практически невозможно. Свитки хранились в шкафах высотой несколько выше человеческого роста, которые стояли вдоль стен небольшого помещения, предназначенного для ученых занятий. В центре также стоял шкаф, в котором хранились папирусные свитки.

Книги, в подавляющем большинстве написанные на греческом языке, состояли из сочинений философов эпикурейского толка. Об этом свидетельствовал и подбор бюстов, украшав-

ших библиотеку — там стояли небольшие бюсты Эпикура и его учеников — Метродора, Гермарха, Демосфена, а также бюст Зенона. То, что Пизоны увлекались эпикурейской философией, не представляет собой ничего удивительного — не один Гораций считал себя «свиньей из стада Эпикура». Такие известные лица, как Кассий Лонгин, Вибий Панса, известный из переписки Цицерона Фадей Галл (Ad Fam. VII, 26, 1; IX, 25,2) относились к числу римских приверженцев этой философии. Они собирались чаще всего в Неаполе, который стал центром эпикурейской философии в Италии (нельзя не обратить внимания на то, что Геркуланум находился от Неаполя в непосредственной близости).

В шкафах библиотеки Пизонов латинские книги лежали вверху, и они более всего пострадали. Особый интерес представляет собой открытая здесь поэма, прославляющая победу Октавиана при Акции и его египетский поход⁵.

Усилия, затраченные на прочтение этих документов не всегда увенчивались успехом. Обугленные свитки слепились, и при попытке развернуть их крошились на мелкие части, на которых уже ничего нельзя было различить. Их пытались обрабатывать водяным паром, парафином, альбумином, глицерином, но все было напрасно. Перед трудностью задачи спасовали такие крупные химики, как Юстус Либиг. Лучше сохранились, по вполне понятным причинам, внутренние части свитков, но и те с трудом поддавались прочтению.

Наибольших успехов, однако, в этом трудном деле добился скромный гнуэзский священник из ордена пиаристов, падре Антонио Пьяджо. Он изобрел специальную «машину» — станок, напоминавший переплетный, который состоял из нижней доски, игравшей роль стола, поворачивавшегося на деревянном винте, и верхней доски, тонкой и узкой, в которой были проделаны отверстия в виде решетки, куда продевались шелковые нити (их можно было натягивать и расслаблять). К поверхности свитка, который предстояло развернуть, приклеивались небольшие полоски, соединявшиеся с этими нитями. Путем постепенного натяжения слои папируса отделялись один от другого. Первым папирусом, который удалось развернуть отцу Пьяджо, было сочинение Филодема «О музыке». Более двух столетий продолжалась работа по реставрации папирусов Геркуланской библиотеки, не законченная по сие время. Большинство открытых свитков хранится в Неаполитанской национальной библиотеке, часть — в библиотеке Оксфордского университета (Бодлейана).

Особенно широко среди Геркуланских философских папирусов были представлены сочинения того самого Филодема, с которым хозяин виллы Л. Кальпурний Пизон находился в дружественных отношениях. Некоторые труды этого философа представлены здесь в двух—трех экземплярах. Но, к сожалению, лишь немногие из свитков имеют субскрипцию с указанием имени автора и названия сочинения. Часто отсутствует либо то, либо другое, или же то и другое вместе. Среди книг, автором которых является Филодем, встречаются сочинения по логике (наиболее важен папирус № 1065), но подавляющую часть (треть опубликованных неаполитанскими издателями свитков) составляют сочинения по риторике. Из них особенно важен папирус № 1506 — единственный, на котором мы можем прочесть почти все 100 колонок текста.

Обилие сочинений по риторике вполне объяснимо: искусство публичной речи в Риме I в. до н. э., когда библиотека Пизонов была составлена, достигло наивысшего расцвета и было необыкновенно популярным. Ораторская проза была художественной прозой римлян конца республики, и читатели не только черпали в ней высокое эстетическое наслаждение, но и находили поучительный материал, помогающий ориентироваться в бурной политической жизни Рима, оценки событий, программы борющихся группировок...

Как было организовано издание книг, предназначенных для широких масс римских читателей?

Некоторые сведения, могущие пролить свет на всю проблему в целом, можно отыскать в обширной, переписке Цицерона — особенно в его письмах к Аттику.

Среди многочисленных корреспондентов, упоминаемых Цицероном, Аттик занимает особое место. Тесные связи между ними не прерывались до самой смерти оратора, свидетельством чему являются 16 книг его писем к Аттику. Они охватывают время с 68 по 43 гг. до н. э. Между ними существовали и родственные связи — брат Цицерона Квинт был женат на Помпони, сестре Аттика. Последний был для Цицерона более, чем другом: он был поверенным в его делах, литературных, политических и семейных, его банкиром, и — что более всего интересует нас здесь — его издателем. «Мой обычный помощник в государственных делах, поверенный во всех личных вопросах, участник всех моих планов и замыслов» — так называет его Цицерон в одном из писем, обращенных к нему (Ad Att. I, 18). Эти письма переполнены дружескими излияниями, что, впрочем, говорит о том, насколько выгодными были

сложившиеся между ними отношения для их автора*.

После смерти Цицерона, убитого по приказу триумвиров, Аттик не решился сразу издать эти письма — в них затрагивались вопросы современной политической жизни, полной острых и опасных ситуаций, поэтому опубликование их могло навлечь на Аттика гнев триумвиров. Тщательно подобранные и подготовленные к изданию, они пролежали в его архиве несколько лет, и там их видел незадолго до смерти Аттика его добрый знакомый, римский писатель Корнелий Непот (впоследствии написавший и биографию Аттика в панегирическом тоне). Как полагают некоторые исследователи, письма Цицерона к Аттику были изданы около 60 года н. э. Асконию, написавшему комментарий к речам Цицерона, эти письма известны, тогда как Сенека, как можно предположить из его писем к Луцилию (97, 118), их еще не знал. Об этих письмах Цицерона Корнелий Непот отзывался особенно высоко: «Цицерон его (то есть Аттика.— В. Б.) особенно любил, свидетельством чему являются, помимо изданных сочинений Цицерона, где упоминается Аттик, 11 свитков отправленных Аттику писем, начиная с консульства Цицерона и кончая последними днями его жизни. Тот, кто их прочтет, не будет особенно нуждаться в связной истории тех времен». Замечание это, как будто, допускает предположение, что издание упомянутых писем имело место еще при жизни Корнелия Непота, то есть в конце I в. до н. э.⁶ Из соображений осторожности Аттик вообще не предназначал к опубликованию свои ответные письма.

Поскольку Тит Помпоний Аттик был главным (если не единственным, по крайней мере, в последний период жизни оратора) издателем произведений Цицерона, на личности Аттика стоит остановиться более подробно. Ему не было 20 лет, когда началась борьба между сторонниками Марии и Суллы. Чтобы избежать опасностей гражданской войны, Аттик, в период, непосредственно предшествовавший сулланской диктатуре, удаляется в Афины, с которыми в дальнейшем тесно связал свою жизнь (отсюда и его когномен «Аттик»). При этом он взял с собой значительную часть своего состояния, предварительно превратив его в звонкую монету. Он ясно понимал, несмотря на свою молодость, что в Италии, ставшей ареной ожесточенных гражданских войн, его собственность может очень быстро стать наградой победителям.

Здесь, в Афинах, Аттик посвящает себя ученым занятиям на

* Но эти дружеские излияния, вместе с тем, не мешали Цицерону в других письмах называть того же Аттика глупцом (*Ad Fam. XIV, 1*).

длительное время. Впрочем, эпикурейская философия, адептом которой он себя объявляет, особенно модная в те времена, была для него лишь удобной личиной: он был слишком практичным человеком, чтобы всерьез увлечься абстрактными проблемами. Зато греческим языком он здесь овладел в совершенстве. По свидетельству Корнелия Непота, Аттик говорил на аттическом диалекте греческого языка так чисто, будто родился в Афинах. В этом городе он быстро сумел стать своим человеком, ссужая деньгами нужных людей и оказывая различные мелкие услуги городской общине — за что его даже почтили соображением статуи. Когда Сулла после победоносного похода возвращался из Азии и на некоторое время остановился в Афинах, Аттик оказался среди приближенных к нему людей (биограф Аттика Корнелий Непот умалчивает о том, какого рода услуги Сулле оказал этот преуспевающий деловой человек). Добрые отношения с Суллой не мешали ему одновременно сохранять такие же отношения с молодым Марием, борвшимся против Суллы, убитым затем по приказу диктатора. Впоследствии, оставаясь близким другом Цицерона, он сумеет сохранить самые лучшие отношения с заклятым врагом оратора Марком Антонием (по приказу которого Цицерон одним из первых был внесен в проскрипционные списки и затем убит).

Ожесточенные схватки гражданских войн и ужасы проскрипций, вовремя которых погибли его родственники и друзья, оттолкнули расчетливого юношу от политической деятельности. Ясно усвоив себе, что в этом мире лишь одно, а именно деньги, обладают непреходящей ценностью, он посвящает свою жизнь их добычанию⁷. Чтобы чувствовать себя в безопасности, Аттик подыскивает себе покровителей из числа самых влиятельных людей (вне зависимости от того, к какому лагерю среди борющихся сторон они принадлежали), и благодаря этому спокойно занимается различной предпринимательской и спекулятивной деятельностью. Как все подобного типа люди, он обладал удивительной способностью лавировать между различными политическими течениями, сохраняя добрые отношения со всеми и извлекая выгоду из любой создавшейся ситуации. Он одинаково легко открывал свой кошелек всякому, кто обладал определенным весом и мог пригодиться (на это у Аттика было безошибочное чутье). Биограф Аттика Корнелий Непот не устает повторять, что Аттик просто обладал талантом привлекать к себе людей.

В результате различных финансовых операций он сумел

значительно увеличить то небольшое состояние, которое оставил ему отец, и приобрел ряд имений (в том числе и в Эпире, близ города Бутрота), став крупным латифундистом. Благодаря хорошим отношениям, которые он сумел установить со своим дядей Луцилием, последний включил его в свое завещание, по которому Аттик получил 10 млн. сестерциев*. Для получения наследства ему пришлось выехать в Рим.

Предпринимательская деятельность Аттика носила самый разнообразный характер. Так, он покупал и перепродавал целые отряды гладиаторов. Цицерон пишет ему: «Клянусь богом верности, ты купил прекрасный отряд. Мне рассказывают, что гладиаторы бьются удивительно. Если бы ты захотел отдать их в наем, то после двух последних боев вернул бы свои деньги. Но об этом после...» (Ad. Att. IV, 4 a). У Аттика была даже своя школа гладиаторов, которых он затем продавал в различные города Италии.

Давал он и деньги в рост, под высокие проценты, и среди его должников были целые города, не говоря уже о частных лицах. В те времена это было обычным занятием. Даже республиканец Марк Юний Брут, активный участник заговора против Г. Юлия Цезаря, был одним из самых свирепых ростовщиков своего времени (город Саламин на Кипре, задолжавший ему, был блокирован римскими эскадрами, и долг Бруту был уплачен, хотя многие горожане поумирали с голоду). С Брутом Аттик был в хороших деловых отношениях.

По-видимому, Аттик не брезговал и посреднической маклерского типа деятельностью. Цицерону он покупал, по его поручению, редкие гермы и статуи (Ad. Att. I, 3—4; 1,9).

Торговля книгами была одной из тех сфер предпринимательской деятельности Аттика, на почве которой произошло его сближение с Цицероном. Аттик не забывал и себя, составив себе несколько прекрасных библиотек в своих имениях. Одну из приобретенных им библиотек он затем решил продать, и в июле 67 года до н. э. Цицерон писал ему: «Не вздумай обещать кому-нибудь свою библиотеку, какого бы ты страстного любителя ни встретил. Ведь я откладываю все свои мелкие

*Луций был одним из самых жестоких ростовщиков Рима и даже близким родственникам давал деньги в долг только под высокие проценты. К тому же он обладал несносным характером — Аттик оказался единственным, кто сумел подыскать ключ к его сердцу...

доходы, чтобы приобрести это прибежище для своей старости» (Ad. Att. I, 10). Весьма вероятно, что здесь речь идет о какой-то библиотеке, которую Аттик приобрел с целью перепродажи какому-нибудь богатому любителю книг. Из другого письма Цицерона видно, что Аттик покупал и продавал книги (Ad. Att. II,

Важной статьей доходов Аттика была его издательская деятельность.

Уже в первых письмах Цицерона к Аттику идет речь о редактировании им речей оратора (I, 14): в них Аттик назван автором «Аристархом» его речей. В середине мая 60 года Цицерон ему пишет: «Из моих произведений я послал тебе составленное по-гречески сочинение о моем консульстве... этому греческому грек позавидует...» (I, 20). Для чего книга была послана Аттику, становится ясным из письма от середины июня 60 года: «Ты же, если книга тебе понравится, позаботься о том, чтобы она была и в Афинах и в прочих городах Греции...» Итак, Аттик должен был ее издать (на греческом языке!) и затем начать ее продажу в различных греческих городах. Можно допустить, что выгоду от этого предприятия получал не только Аттик, но и Цицерон (хотя в письмах ясно не говорится о том, получал ли автор гонорар). По-видимому, Аттик издавал книги на греческом языке, и это было для него привычным делом — в его скриптории трудились высококвалифицированные специалисты (расположен был этот скрипторий, по всей видимости, в Афинах, где книгоиздательская культура стояла по традиции высоко).

Речи Цицерона Аттик издавал сборниками — об одном таком сборнике, состоявшем из 12 речей (в их числе были речи против Катилины) говорится в письме к Аттику от середины июня 60 г. до н. э. (Ad. Att. II, 1).

Аттик не жалел денег на приобретение рабов-переписчиков высокой квалификации, и о них с восторгом пишет Корнелий Непот в его биографии (XIII, 3). Описывая «фамилию» своего героя (под словом «фамилия» Непот по традиции понимает всю совокупность рабов), он подчеркивает в указанном месте, что «там были в высшей степени грамотные рабы, великолепные чтецы, множество переписчиков книг...». Даже раб-скороход, и тот прекрасно владел обеими указанными выше профессиями. Мы можем смело отнести скрипторий Аттика к числу крупных античных издательств. Хозяином фирмы и «главным редактором» (если только этот термин применим к античности) был Тит Помпоний Аттик. Для издания требовалось разреше-

Писец за перепиской книги.
Иллюстрация из Амиатинского кодекса начала 8 века нашей эры.

Флоренция, Библиотека Лауренциана

ние автора. По поводу своего сочинения «Об ораторе» Цицерон пишет Аттику, что оно им вполне закончено и добавляет: *describas licet** (Ad Att. IV, 13, 2). Исследователи сближают этот технический термин античного книгоиздательства с современной подписью автора на рукописи — «в печать».

Интересен способ, которым правились тексты рукописей **ВО** времена Цицерона. В письме к Аттику от 27 июня 44 г. до н. э. (XV, 14) оратор пишет: «Я занялся сочинениями (речь идет о книге «Об обязанностях». — *V. V.*). Боюсь, что они во многих местах нуждаются в твоих пометках воском с киноварью...» Такие кусочки окрашенного в красный цвет воска наклеивались в тех местах рукописи, которые требовали исправления: таким был предок красного карандаша современного редактора. Легко объяснить, почему для этой цели применялся воск, а не тушь или иной красящий материал — папирус был дорогим, и воск его не портил.

В процессе редактирования приходилось менять целые части рукописи. В письме к Аттику от 25 июля 44 г. (XVI, 6) Цицерон пишет: «Теперь узнай о моей небрежности. Я послал тебе книгу «О славе», но в ней то же предисловие, какое я поместил в третьей книге «Академиков». Это произошло по той причине, что у меня есть свиток предисловий. Из него я обычно выбираю всякий раз, как начинаю какое-нибудь сочинение... Так как я не помнил, что уже раз использовал это предисловие, я вставил его в книгу, которую послал тебе. Но когда я на корабле читал «Академиков», я заметил свою ошибку. Поэтому я тотчас набросал новое предисловие и послал тебе. Ты отрежешь, а это приклеишь».

Читая это письмо, мы проникаем в профессиональные писательские тайны автора. Оказывается, у Цицерона были своеобразные «стандартные заготовки», которые он использовал по ходу работы.

В другом письме к Аттику, в котором также идет речь об издательских делах (XIII, 21, 4), Цицерон пишет: «Скажи мне, ты хочешь сначала издать без моего распоряжения? Этого даже Гермодор не делал — тот, кто обычно распространял сочинения Платона...». Оратор упрекает здесь Аттика за самовольное издание диалога «О границах добра и зла», посвященного М. Бруту. В тоне письма легко ощутить обиду человека, на ответственность которого посягнули без его разрешения. Можно

* Это выражение можно перевести так: «Можешь отдать в переписку».

предположить, что дело было связано и с каким-то материальным ущербом для Цицерона.

Получал ли Цицерон у Аттика гонорар (хотя бы в виде доли тех прибылей, которые издатель получал от его сочинений)?

Одно место из переписки оратора позволяет считать такое предположение допустимым. В письме к Аттику (XIII, 12) Цицерон пишет: «Речь «О Лигарии» ты распродал прекрасно... Впредь, что бы я ни написал, распространение поручу тебе» (*tibi praesconium deferam*. Буквально: «тебе поручу обнародование», что можно понять и в смысле рекламирования произведения). Из этого места ясно видно, что материальная сторона дела интересовала автора. Разумеется, никакого авторского права тогда не было, и дело решалось по обоюдной договоренности. Сложившиеся отношения были обоюдно выгодными, и Цицерон рассчитывал не только на славу, отдавая Аттику свои труды для издания. Вероятно, для него немало значило и качество издания, высокий уровень которого гарантировал Атик*.

То, что литературный труд давал доход и даже служил источником существования, можно установить на основании переписки Плиния Младшего. В одном из писем, адресованном Приску (VI, 8), автора занимают дела его друга, Аттилия Крескента, которому остался должен значительную сумму недавно скончавшийся Валерий Вар. Наследник Вара находился в дружеских отношениях с Приском, и Плиний просит последнего оказать содействие, чтобы Аттилий получил от наследника долг и накопившиеся проценты: «Ибо занятиям литературой, в которых Аттилий Крескент достиг выдающихся успехов, он посвящает себя только ради удовольствия и славы». Отсюда легко можно заключить, что иные занимались литературным трудом не только ради удовольствия и славы, но и для заработка.

В доме Цицерона книги изготовлялись и его собственными рабами. Из письма к брату Квинту (III, 4, 5) мы узнаем, что это были такие книги, которых Цицерон не мог купить. Устройством библиотеки оратора занимался вольноотпущенник Тираннион, некогда купленный его женой Теренцией, но затем отпущенный на волю. На его леность в переписке книг жалуется Цицерон брату... (*Ad Quint, fr. III, 5, 6*).

* Можно понять, почему денежные дела, которые Атик вел с Цицероном в связи с изданием произведений оратора, не нашли отражения в сборнике писем — это была интимная сторона их отношений, которую открывать для всеобщего обозрения было не совсем удобно...

Рабы, занимавшиеся изготовлением книг, обычно назывались «либрариями». Вместе с ними работали и «глютинаторы» — склейщики, занимавшиеся более технической стороной дела: они прикрепляли свитки к умбиликам, полировали торцы свитков пемзой, изготовляли футляры и т. п. Насколько быстро работал римский «либrarian», можно увидеть из эпиграммы Марциала (II, 1). Там сообщается, что 93 эпиграммы этой книги переписчик сумеет переписать за один час. Всего во второй книге 540 стихов. Значит либrarian писал 9 стихов (строк) в минуту. Но здесь надо принимать во внимание, что строки стихов Марциала были очень короткими. Тем не менее, такую скорость письма следует признать очень высокой, и она вырабатывалась у либrarianа долгой практикой.

В письме к Аттику (IV, 46) Цицерон просит его прислать пару своих либrarianов, чтобы Тираннион, служивший у Цицерона, мог использовать их в качестве глютинаторов и помощников для различных работ (имеются в виду работы по приведению в порядок библиотеки Цицерона). Они должны были снабдить индексами все книги, собранные оратором. В июне 56 г. он уже пишет о том, что библиотека его в полном порядке (*Ad Att. IV, 5*). Восхищаясь видом приведенных в образцовое состояние книг, он пишет Аттику (IV, 8), что «после того, как Тираннион привел мои книги в порядок, мне кажется, что в моем жилище водворилась душа». Вместе с Тираннионом работали в доме у Цицерона и люди Аттика (Дионисий и Менофил), судя по именам, — явно греки. Возможно, что это были работники скриптория, принадлежавшего Аттику и находившегося в Афинах.

Раб-либrarian, став вольноотпущенником, обычно сам открывал дело, весьма выгодное в условиях все возрастающего интереса к книге, характерного для Рима конца республики и начала империи. Скрипторий и книжная лавка обычно совмещались, их римским названием было *taberna libraria*, «книжная лавка»*. Изданием речей Цицерона занимался и его вольноотпущенник Тирон, упоминаемый у Авла Геллия (N. A. I, 7, 1; VI, 3, 8; XIII, 21, 7; XV, 6, 2). Последний автор называет Тирона «прилежнейшим человеком, в высшей степени преданным работе о произведениях своего хозяина».

Издавались не только новые книги. Наряду с новинками существовали переиздания; особым спросом пользовались

* В такой книжной лавке спасался известный демагог Клодий, преследуемый Милоном (*Cic. Phil. II, 9, 21*).

старые книги. Были особые специалисты книжного дела, так называемые антиквари, которые точно воспроизводили старинные издания, высоко ценившиеся (Isid. Orig. VI, 14). Подбор изданий мог быть самым разнообразным.

Сам Атик издавал, конечно, не одного Цицерона. Когда сподвижник Цезаря Гирций написал сочинение типа памфлета, которое называлось «Антикатон», Цицерон пожелал, чтобы его распространением занялся Атик (Ad Att. XII, 40, 1). Ловкий делец не случайно обосновался в Афинах — этот город играл роль университетского центра в римском государстве, а Атик проявлял повышенный интерес к произведениям классической греческой литературы. В Афинах было легче всего их издавать, поскольку в афинском государственном архиве можно было отыскать экземпляры, игравшие роль эталона. Кроме того, успеху такого издательского предприятия весьма способствовала высокая языковая культура, характерная для Афин, а также наличие квалифицированных ученых грамматиков, которых можно было использовать в качестве редакторов и консультантов (выражаясь современным языком).

Традиция донесла до нас известия о «копиях Аттика» (Ἀττικίανα ἀντίγραφα). Они упоминаются в качестве образцовых изданий у лексикографа Гарпократиона (19, 24), у Лукиана («Против невежды»); последний писал о великолепных изданиях «прославленного» Аттика. В сочинении Галена, посвященном медицинским проблемам, связанным с диалогом Платона «Тимей», упоминается издание Платона, принадлежавшее Аттику (копией с которого пользовался Гален).

Небезынтересным представляется и тот факт, что «Аттикианы», то есть издания Аттика, упоминаются в субскрипции двух кодексов Демосфена, В и F, в конце «Филиппик», где отмечается: «Выверено и исправлено по двум Аттикианам». Почему потребовались две «Аттикианы», можно объяснить — это могли быть издания разных времен, и сопоставление двух авторитетных копий позволяло получить не менее авторитетную третью.

Лукиан в уже упоминавшемся здесь сочинении «Против невежды» называет имя другого известного издателя — Каллина. Книги, выпущенные из его скриптория, отличались особой красотой отделки, тогда как издания Аттика славилась точностью и тщательностью исполнения.

Разумеется, нельзя быть полностью уверенным, что Атик, упоминаемый у Лукиана, и есть тот самый Тит Помпоний Атик, который издавал Цицерона и был его другом. Но все же

такое предположение следует считать весьма вероятным. Живший почти в одно время с Лукианом ритор Фронтин упоминает о сочинениях (Квинта Энния, М. Порция Катона и Цицерона, изданных и выправленных Лампадионом, Стаберием, Атикком и Непотом (epist. 7g Ep. 20 Nab). Общий контекст заставляет здесь предполагать именно Тита Помпония Аттика.

Для издания греческих книг Атик мог пользоваться услугами Тиранниона, вольноотпущенника Цицерона. Этот Тираннион обладал солидными знаниями в области филологии — по свидетельству словаря Суды он оставил ряд сочинений, среди которых мы находим «гомеровскую диортозу» — работу, скорее всего, текстологического характера. Кроме того, ему принадлежала «Орфография», а также некоторые другие сочинения, названия которых говорят о его изысканиях, связанных с изучением текста древних авторов. Все это позволяет считать участие Тиранниона в издательской деятельности весьма вероятным. К тому же следует учесть и то, что учитель этого Тиранниона, известный римский грамматик Тираннион, издавал сочинения Аристотеля (Strabo XIII, p. 608). Именно от него вольноотпущенник Цицерона и мог приобрести навыки издательской работы.

Сцену покупки книг в римской книжной лавке рисует нам Авл Геллий (N. A. V, 4, 1—3). «В праздник Сигилларий* сидели мы однажды в книжной лавке, я и поэт Юлий Павел, муж ученейший из всех, что на нашей памяти. Там были выставлены «Анналы» Фабия, прекрасные и подлинно древние книги. Хозяин лавки утверждал, что в них нет никаких ошибок. Однако какой-то грамматик из числа самых известных, привлеченный покупателем для просмотра покупаемых книг, заявил, что он нашел одну ошибку в книге. Напротив, либрарий готов был биться об заклад на любую сумму, если в книге отыщется хоть одна ошибка, в одной букве».

Живая сценка, нарисованная Авлом Геллием, представляет нам нравы античных библиофилов и одновременно свидетельствует о высоких требованиях, которые покупатель предъявлял к качеству книги. Мы видим, как для консультации привлекаются знатоки, ученые грамматик. Хозяин, естественно, бойко

* Сигилларии — 7 дней в праздник Сатурналий, во время которых Сатурну приносили в жертву глиняных кукол (sigilla). Ярмарки, устраивавшиеся в эти дни, тоже назывались Сигиллариями, и на них принято было покупать подарки близким людям, в том числе книги (N. A. II, 3,8). В императорскую эпоху эти ярмарки устраивались в портике Агриппы, позднее — в портике Терм Траяна.

Читатель за чтением книги-свитка.
С Помпейской фрески

расхваливает свои товар, но это был товар особого рода, определить качество которого удавалось не каждому...

Книжную лавку Сосиев (по-видимому, братьев) упоминает Гораций в первой книге своих «Посланий» (Ер. I, 20). Указанное послание замыкает первую книгу и представляет собой своеобразное поэтическое послесловие, которое помещалось перед колофоном. Это послесловие содержит шуточные и даже несколько иронические упреки поэта в адрес своей книги, и одновременно прогноз по поводу ожидающей ее судьбы. При этом поэт пользуется случаем, чтобы представить себя читателю (все в той же шуточной форме), называя свой возраст — 44 года, исполнившиеся ему в год консульства Лепида и Лоллия (то есть в 21 г. до н. э.). Примерно около этого года и была издана первая книга «Посланий».

«Кажется, ты, моя книга, уже пристально смотришь в сторону Вертумна и Януса*, отполированная пемзой Сосиев — разумеется, желая быть выставленной на продажу**. Ты возненавидела ключи и печати, которым рады стыдливые***, и стоишь оттого, что тебя видят немногие. Зато ты хвалишь пуб-

* Вертуми, супруг Помоны, был богом перемен. Одной из его функций было покровительство торговле, обмену товаров. Небольшое святилище его стояло на Виллусе Тускулус, Этрусской улице, в Риме, где помещались ряды книжных лавок. Здесь же находились и публичные дома.

** Ut prostes. Здесь заключена игра слов, так как этот глагол, кроме значения «быть выставленным», имел и другой смысл — заниматься проституцией.

*** Книги обычно запирались в ящик и запечатывались печатью владельца.

личные места, хоть и воспитана ты по-другому. Так беги же туда, куда ты стремишься: вышедшей в свет тебе не будет возврата. «Что я, несчастная, сделала? Чего захотела?» — скажешь ты, когда тебя обидят. Ты сумеешь и свернуться, когда любитель, насытившись тобою, заскучает. Но если твой пророк не полностью безумен (от гнева, испытываемого к тебе, грешной), тебя будут ценить в Риме пока ты не состаришься. После, захватанная руками толпы, ты станешь грязной и молча будешь кормить собою ленивых червей — или же умчишься в Утику, или, связанная, будешь отослана в Илерду».

Кто такие эти Сосии, книготорговцы и издатели? Гораций упоминает о них еще раз в «Послании к Писонам» («Об искусстве поэзии»), где говорится о том, что хорошая книга принесет прибыль Сосиям и достигнет заморских стран. Этим, к сожалению, и ограничиваются все наши сведения о владельцах крупной римской книготорговой фирмы. По-видимому, они были вольноотпущенниками знатного плебейского рода Сосиев Сенедионов, игравших видную роль в общественной жизни Рима (один из членов этого рода был даже консулом в далеком прошлом). Торговля книгами была прибыльным делом, и Сосии принадлежали к числу крупных деятелей римской книготорговли, как можно судить на основании того, что Гораций употребляет их имя в качестве нарицательного.

Как правило, книжные лавки располагались в самых оживленных местах древнего Рима. В императорскую эпоху местом особенно оживленной книжной торговли был «Виллус Сандалиариус», Туфельная улица, где располагались в большом количестве книжные лавки.

«Тиражи» книг, выпускавшихся античными издателями, нам плохо известны. Из более поздних источников (например, писем Плиния Младшего) мы узнаем, что некий Регул выпустил в свет некролог своего безвременно умершего сына в количестве 1000 экземпляров (IV, 7, 2). Один из «Писателей истории Августов» сообщает, что император Тацит издал эдикт, согласно которому все библиотеки империи должны иметь сочинения его предка, историка Тацита.

Многое остается нам неясным и в вопросе о том, как складывались взаимоотношения книготорговца и издателя с автором: кроме уже упоминавшейся здесь переписки Цицерона, только Марциал, пожалуй, позволяет нам несколько приподнять завесу тайны, скрывающей эту сторону римской литературной жизни.

Между 85 и 101 годами нашей эры вышли в свет 14 книг

эпиграмм Марциала. Вначале он писал их, обращаясь к своим знатым и могущественным покровителям, затем и к своим друзьям. По совету последних он стал собирать их в отдельные книги. В одной эпиграмме Марциал в шуточной форме знакомит нас с тем, как готовилось издание одной из этих книг:

**Что пристал ты ко мне с изданием книжек?
Не прочел ты еще и двух страничек,
А уж смотришь, Север, в последний листик,
И зевать во весь рот ты начинаешь.
Это те эпиграммы, что ты слушал,
И скорей заносил ты на таблички;
Это те, что за пазухой таскал ты,
На пиры и в театр поодиночке;
Это те, или новые — получше.
Что за польза в таком мне тощем свитке,
Что не толще концов на книжной скалке,
Коль в три дня ты прочешь его не можешь...**

(II, 6)

Отсюда можно заключить, что для издания книги эпиграмм поэту необходимо было приобрести определенную известность, без которой он не мог рассчитывать на успех своей книги. Издатель должен был иметь гарантию, что издание будет прибыльным.

Марциал называет имена нескольких своих издателей. Это Квинт Валериан Поллий, издавший самые ранние произведения поэта («Все то, что я мальчишкой и юнцом сделал» — I, 113). Вторым был вольноотпущенник Секунд, издававший эпиграммы Марциала свитками очень небольшого формата («В ящик большие кладь, я же в руке умещусь» — I, 2). Третьим следует назвать Атректа, книжная лавка которого подробно описана Марциалом:

**Постоянно ты ходишь Аргилетом:
Против форума Цезаря есть лавка,
Косяки у нее все в объявлениях.
Там ты мигом прочтешь о всех поэтах,
И спросить не успеешь ты Атректа
(Так хозяин зовется этой лавки),
С первой иль со второй подаст он полки
Отскобленного пемзой и в порфире,
Пять денариев взявши, Марциала.
«Да не стоишь того!» — Ты прав, не спорю.**

(I, 177)

Четвертым является книгопродавец Трифон, упоминаемый дважды (XIII, 3; IV, 72):

**Требуешь все от меня в подарок ты, Квинт, моих книжек,
Нет у меня: их продаст книготорговец Трифон.
«Деньги платить за пустяк, за стихи? Да с ума не сошел я,
Я не дурак!» — говоришь. Но ведь и я не дурак.**

(IV, 72)

Наконец, в эпиграмме XI, 108 упоминается некий Луп — тоже, по-видимому, книготорговец.

Из цитированных эпиграмм можно довольно ясно представить себе римскую книжную лавку. Она помещается на Аргилете (I, 117), у храма Мира (I, 3, 2), на рынке Паллады. Книготорговцы усердно расхваливают свой товар, заманивая покупателей. Титульный лист на свитке не был виден, а индекса, по-видимому, было недостаточно, чтобы привлечь внимание — поэтому косяки лавки (у Горация «Сатиры», Г, 4, 71 — «столбы», а в «Посланиях» II, 3, 373 — «колонны») украшаются объявлениями о поступивших книжных новинках, или о тех, которые выйдут в свет в ближайшее время. Библиофилы, оставливающиеся у дверей книжных лавок, ведут споры о достоинствах или недостатках произведений поэта. Самые ходовые книги помещаются на верхних полках стеллажей (эти полки называются «гнездами») — на это недвусмысленно указывает Марциал, желающий подчеркнуть, что его книги пользуются большим спросом (I, 117, 15). Выражая уверенность в том, что книги его будут брать нарасхват, Марциал готов удовлетвориться тем, чтобы они лежали даже на нижних полках * (VII, 17, 5) библиотеки его друга.

У Марциала мы находим указания на стоимость его книг. Она колебалась от 5 денариев (то есть 20 сестерциев) до четырех сестерциев (I, 117; XIII, 3):

**Эти «гостинцы», что здесь в этой маленькой собраны книжке,
Все за четыре купить можешь сестерция ты...**

Получал ли Марциал авторский гонорар за книги своих эпиграмм? Ясного ответа на этот вопрос в его произведениях мы не найдем. Однако есть одна эпиграмма (XII, 46), которая содержит довольно ясный намек на то, что поэты во времена Марциала торговали своими произведениями. В прозаическом (наиболее точном) переводе смысл этой эпиграммы можно передать следующим образом: «Галл и Луперк продают свои стихи. Классик, попробуй теперь отрицать здравый ум у этих поэтов». Смысл шутки заключается в том, что оба указанные поэта, не обнаруживая здравого ума в своих произведениях,

* *Imus nidus* — «гнездом» называлось пространство полки, отделенное вертикальной перегородкой.

достаточно, однако, практичны, чтобы уметь их продавать. Скорее всего, они продавали свои стихи книготорговцам.

XI книгу эпиграмм Марциала заключает небольшое четверостишие, в котором поэт в духе римских литературных традиций обращается к будущему читателю, покупателю книги. Как мы видели выше, и Овидий и Гораций обращались к своим читателям в заключительных строках своих произведений. Это были своеобразные авторские послесловия, и помещались они перед колофоном, где находился и титул. Покупатель, разворачивая свиток в поисках имени автора и титула книги, сразу наталкивался на это послесловие. Для последнего характерна полушутливая, полуироническая форма обращения к читателю или к своей книге, как мы видели выше у Горация. Здесь обычно высказывались пожелания или прогнозы относительно ее будущей судьбы. Но Марциал, верный себе, с грубоватым цинизмом намекает читателю, чтобы он не торговался, покупая книгу и заглядывая в ее колофон (где, по мнению покупателя, указанного числа строк слишком мало, чтобы брать за книгу такую цену). В этой эпиграмме (XI, 108) отчетливо проявляется заинтересованность автора в том, чтобы его книгу купили:

**Право, насытиться мог ты, читатель, такой бесконечной
Книжкой, а просишь еще несколько дистихов ты!
Но ведь и Луп свой процент, и харчей себе требуют слуги,
Что же, читатель, плати! Или не слышишь? Прощай!**

Слуги, о которых здесь идет речь — это рабы-переписчики, *ruerī litteratī*, а харчи — *diaria*, дневной паек работающих рабов. Чем больше стихов, тем больше и работы для переписчиков, и соответственно — расходов на их содержание, поэтому и книга стоит дороже. И Лупу надо платить проценты (*usugam*). Кто такой этот Луп и за что ему надо платить проценты? Об этом мы можем только догадываться. Видимо, Луп — лицо, причастное к изданию книги — скорее всего, издатель. Между ним и Марциалом могло быть заключено соглашение об опубликовании книги на условиях определенного процента выручки, поступившей от продажи. Каков был этот процент — можно, конечно, только гадать. Уже одно то, что Марциал прибегал к услугам различных издателей, говорит о том, что он искал себе наиболее выгодных условий. Положение поэта вовсе не было таким, при котором он мог удовлетвориться одной лишь славой.

Гораций в своих сатирах говорит о себе: «Дерзкая бедность заставила меня писать стихи» (I, 4, 71). Какой бы смысл мы ни пытались вложить в это замечание поэта, из него ясно вы-

Читатель с книгой-кодексом в руках
Барельеф на саркофаге III века нашей эры из Сидамарии.

Стамбул, Оттоманский музей

текает, что поэзия приносит доход (и вряд ли только подарки Мецената имеются здесь в виду, так как Гораций писал стихи еще до того, как Меценат обратил на него свое внимание).

Покупателями книг были, конечно, состоятельные люди. Еще задолго до Марциала собирание книг стало модой и любители посвящали все свое время охоте за новинками и просто редкими книгами*. Сенека (*De tranqu. an.* 9, 4) с горечью пишет о владельцах многочисленных книг, которые за всю свою жизнь не удосужились прочесть хотя бы заглавия («индексы») своих книг. По его словам, библиотека стала необходимым украшением дома, и стала обставляться со всевозможной роскошью, как ванные комнаты и бани. В Риме императорской эпохи частные библиотеки встречаются гораздо чаще, чем во времена республики. Даже вольноотпущенники, разбогатев, непременно обзаводятся библиотекой (в «Сатириконе» Петрония Трималхион хвастает, что у него их целых три).

* С конца республики в Риме издаются специальные наставления по библиографии, где содержатся рекомендации относительно того, как надо приобретать книги, — как, например, книга Геренния Филона «О приобретении и выборе книг», на греческом языке (в 12 книгах). Существовало и сочинение Варрона «О библиотеках», в 3 книгах (на латинском языке).

Традиция сохранила нам лишь случайные имена владельцев крупных библиотек. Среди них мы встречаем Вергилия, библиотека которого была широко открыта для его друзей (об этом упоминает биограф Вергилия Донат). Иметь под рукой библиотеку было совершенно необходимо создателю римского национального эпоса: великолепное знание греческой и римской литературы наложило отпечаток на все творчество поэта.

Упоминания о частных библиотеках встречаются в письмах Плиния Младшего. Он называет Геренния Севера (IV, 28, 1), ученейшего мужа, пожелавшего украсить свою библиотеку изображениями Корнелия Непота и Тита Кассия, вспоминает Силия Италика (III, 7), бывшего также владельцем библиотеки. Сам Плиний Младший дарит свою библиотеку городу Комо (I, 8, 2). Библиотеки создаются и в провинциях (наибольшей известностью пользуется библиотека Плутарха из Херонеи — *Symp.* 5, 2, 8).

Плутарх был известным литератором и ученым. Собрания книг у древних ученых часто достигали особенно больших размеров. Грамматик Эпафродит (*Suda s. v.*) составил себе библиотеку из 30 000 свитков, такой же величины достигало собрание Тиранниона. В начале III в. нашей эры врач Серен Саммоник собрал 62 000 свитков. Их подарил младшему Гордиану сын Саммоника (*Hist. Aug. Gordian.* 18, 2).

Наконец, в Риме создаются и публичные библиотеки. По всей вероятности, первым основателем публичных библиотек был Азиний Поллион, полководец, политический деятель и литератор, бывший одним из выдающихся деятелей той заключительной драмы, которой сопровождался конец республики. О нем кратко, но необыкновенно выразительно отозвался Плиний Старший в «Естественной истории» (XXXV. 9): «Это было изобретение Азиния Поллиона, который, первым основав библиотеку, сделал духовные богатства людей общественным достоянием (*qui primus bibliothecam dicando ingenia hominum rem publicam fecit*)». Эта первая публичная библиотека Рима была основана в 39 г. до н. э. и помещалась в вестибюле храма Свободы, в Атриуме. Овидий, посылая в Рим III книгу своих «Печальных элегий», заставляет ее жаловаться читателю в следующих словах:

**Также Свобода мне Атриум свой не раскроет, кто первым
Книгам искусных певцов там предоставил приют.**

(41, 1, 70)

Гай Азиний Поллион был не только одним из выдающихся политических деятелей этого бурного, богатого событиями ве-

ка, когда на исторической арене Рима выступает целая плеяда одаренных и ярких личностей: он рискнул стать и историографом своей эпохи. Гораций предостерегал его от опасностей, которые скрывал в себе этот сюжет, обращаясь к нему в первой оде второй книги: «В пути углей остерегайся, что под обманчивым пеплом скрыты» (*Satm.* II, 1, 7—8). Соединение в одном лице полководца и литератора встречается в это время особенно часто — наиболее ярким примером может служить Гай Юлий Цезарь. Азиний Поллион не составлял исключения из этого правила. Деятель цезарианской партии и командир легионов, поддерживавший некоторое время Антония против Октавиана, он отошел затем от политической деятельности, всецело посвятив себя занятиям науками, литературой и искусством, возглавив литературный кружок, в котором выступали с чтением своих произведений выдающиеся писатели и поэты до того, как издавать их для широкой публики.

Библиотека Атриума была основана Азинием Поллионом на средства, полученные от добычи, захваченной в войне с парфинами в Далматии. По-видимому, в этой библиотеке были собраны книги и на латинском, и на греческом языках (к этому времени греческий язык стал вторым литературным языком Рима). Здание библиотеки было украшено статуями, изображавшими великих писателей прошлого.

Создание этой библиотеки имело большое политическое и культурное значение. Отныне к богатствам классической греческой и римской литературы получили доступ те круги читателей, которые не располагали средствами для создания личных библиотек.

Как сообщает Светоний, в числе задуманных Цезарем, но не осуществленных дел было создание двух крупнейших общественных библиотек, одна из которых была предназначена для греческих книг, другая — для латинских. Заботу о их создании и все руководство этим делом должен был взять на себя известный ученый Марк Теренций Варрон (*Suet. d. Iul.* 44). Судьба этого проекта нам неясна, но уже во времена Горация в Риме существовали большие публичные библиотеки.

Занимаясь обширной строительной деятельностью, император Август построил в Риме, помимо других сооружений, и храм Аполлона Палатинского. По сообщению Светония «Святилище Аполлона он воздвиг в той части Палатинского дворца, которую, по словам гадателей, избрал бог для себя ударом молнии, и к храму присоединил портики с латинской и греческой библиотеками. Здесь на склоне лет он часто созывал сенат и

Гай Юлий Цезарь (100—44 г. до нашей эры).
Турин, Кастелло ди Алье

просматривал списки судей» (div. Aug. 29, 3). Гораций упоминает об этой библиотеке в своих «Посланиях» (1, 3, 17)*. Заведывание библиотекой Август поручил

Помпею Макру, как можно предположить на основании одного замечания Светония в биографии Г. Ю. Цезаря (56). Этому Помпею Макру император облек специальными полномочиями в комплектовании библиотеки. При этом целый ряд книг (в специальном послании, адресованном императором Помпею Макру) были запрещены.

Из схолиев к Ювеналу (I, 128) мы узнаем, что в библиотеке храма Аполлона были собраны книги по гражданскому праву и свободным искусствам.

Основывая библиотеку близ своего дворца, Август следовал традициям египетских Птолемеев, также основавших библиотеку в пределах царского дворца.

Одним из первых попечителей («префектов») библиотеки Августа был вольноотпущенник императора Гай Юлий Гигин.

* О Палатинской библиотеке упоминает и Овидий (Trist. III, 1, 60). Она сгорела при Коммодe (Galen XIII, 362). Марк Аврелий еще пользовался книгами из этой библиотеки, как видно из письма к Фронтону (Front. Ep. IV, 5), в котором император просит доставить ему речи, хранившиеся в этой библиотеке.

Литератор и грамматик, Гигин успел до этого прославиться своими сочинениями на самые различные темы, в том числе и по сельскому хозяйству. Некоторые полагают, что для четвертой части своих «Георгик» Вергилий использовал сочинение Гигина (об этом пишет Колумелла, I, 1, 13, заметивший, что Гигин был чем-то вроде дядьки, quasi paedagogus, для Вергилия, заставившего науку о сельском хозяйстве говорить стихами). Август, стремившийся возродить в римском обществе издревле свойственную римлянам любовь к земледелию, не случайно, таким образом, избрал Юлия Гигина для руководства крупнейшей публичной библиотекой. По-видимому, к Юлию Гигину (не называя его, однако, по имени) обращается Овидий в «Печальных элегиях» (III, 14), умоляя его принять под свое покровительство свои сочинения.— кроме одного, а именно «Искусства любви», принесшего столь великий вред автору. Эта 14 элегия замыкает третью книгу «Печальных элегий». В этом послесловии автор печалится о судьбе своего произведения, подобно Горацию, который в 20-м послании, последнем в первой книге его «Посланий», высказывает свои мысли относительно судьбы, ожидающей его книгу.

Август основал и другую библиотеку, в портике Октавии, как сообщает Светоний в его биографии (29). Ее возглавлял некий Мелисс, вольноотпущенник Мецената, пользовавшийся покровительством и самого императора. Библиотека была названа так в честь сестры¹⁰ Августа, и в Риме ее обычно называли «Библиотека Октавии». В ней хранились греческие и латинские книги. Несмотря на то, что при строительстве этой библиотеки были приняты противопожарные меры, она сгорела в 80 г. н. э. Светоний в биографии Домициана рассказывает, как этот император пытался восстановить библиотеки Рима, пострадавшие от пожаров, с помощью книжных богатств Александрии, куда были посланы люди специально для переписки и редактирования книг.

В биографии Тиберия (гл. 74) Светоний рассказывает о строительстве храма «божественного Августа», которое было начато вдовой Августа Ливией и закончено Калигулой. Храм этот называли просто «Новый храм» (Templum novum). В этом храме Тиберий открыл библиотеку, посвященную Музам¹¹. Марциал, обращаясь к своей книге, которую он посылал в Рим из далекой Испании, велит ей смело отправляться к порогу «Нового храма»:

Вольно к порогу иди ты чтимому Нового храма,
Где обретает приют хор пиерийский опять...

(XII, 3)

Императоры последующих династий, сменившие Юлиев-Клавдиев, также стремились увековечить свои имена открытием новых библиотек. Веспасиан использовал для этой цели храм Мира, построенный в 75 году в память победы над Иудеей. «Библиотека Мира», как стали ее называть в Риме, вскоре приобрела широкую известность; в ней сохранялись главным образом произведения ученых грамматиков. Это был прообраз научной библиотеки со специализированным профилем¹². Из одного замечания Требеллия Поллиона (Hist. Aug. trig. туг. 31, 10) видно, что она существовала еще в III веке нашей эры, и там собирались литераторы и грамматиканы для ученых бесед.

Император Веспасиан Флавий (годы правления 69—79 нашей эры).
Копенгаген, Глиптотека

Император Траян основал названную его именем «Ульпиеву библиотеку», которая вначале располагалась на форуме Траяна¹³; позднее, согласно Флавию Вописку (Prob. II, 2), она была перенесена в Термы Диоклетиана¹⁴. Она продолжала существовать еще в пятом веке нашей эры, и в ней сохранялись обычные два отделения, для греческих и латинских книг. Вописк в биографии императора Тацита (гл. 8) упоминает о книге из слоновой кости, которая хранилась там в шестом шкафу (следовательно, шкафы в этой библиотеке были пронумерованы!*).

В этой книге был записан сенатус-консульт, подписанный рукой самого императора Тацита. В биографии Аврелиана (I, 7—10) Вописк вновь упоминает об этой библиотеке, рассказывая о том, как префект Рима Юний Тибериан приказал выдать историку так называемые — «полотняные книги», содержавшие записи о деяниях императора (записи эти делались по приказу самого Аврелиана). Здесь же Вописк сообщает о находке важного документа — письма «божественного Валериана», оказавшегося все в той же Ульпиевой библиотеке. Мы вправе поэтому предположить, что эта библиотека носила официальный характер — в ней хранились документы государственной важности и архивы цезарей. Но государственным архивом, по всей видимости, она все же не была. В уже упоминавшейся здесь биографии Аврелиана говорится, как об особо существовавших архивах городской префектуры Рима (IX, 1).

Крупнейшая библиотека была основана императором Константином в Константинополе. Впоследствии она была увеличена стараниями Констанция и Феодосия II. В V веке она заключала в себе более 120 000 книг, среди которых были уникальные экземпляры — как, например, огромный свиток из пергамена длиной около 37 метров, на котором золотыми буквами были записаны поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» (Zonar. XIV, 2).

Обладали библиотеками и провинциальные города огромной римской империи. Наиболее выдающимися были книгохранилища таких городов, как Афины, Коринф, Дельфы, Смирна, Галикарнасс и многих других, обладавших древними культурными традициями. Очень часто библиотеки были соединены с гимназиями, что косвенным образом подтверждает ту большую роль, которую эти библиотеки играли в образовании молодого поколения. Но, конечно, самое большое количество публичных библиотек находилось в городе Риме — в период от Августа до Адриана общее число их достигло 28¹⁵.

Эти библиотеки имели особый штат обслуживающего персонала. Во главе каждой из них стояли прокураторы, как можно увидеть из тех римских надписей, которые имеют отношение к библиотечному делу. Этим чиновникам подчинялись рабы, принадлежавшие государству или императорскому дому. Старший из них носил звание магистра. С эпохи Клавдия мы находим указания на существование централизованного управления императорскими библиотеками Рима во главе с «прокура-

* Скорее всего, под книгой из слоновой кости здесь подразумеваются восковые таблички, изготовленные из этого материала.

тором библиотек». При Адриане эту должность занимал известный филолог Л. Юлий Вестин, ранее бывший главой Александрийского Музея. Отсюда мы вправе заключить, что эта должность предоставлялась людям науки. Существовали и специальные лица, следившие за порядком в библиотечных помещениях («вилик библиотеки») ¹⁶.

Последнее упоминание о персонале императорских библиотек содержится в кодексе Феодосия (XIV, 9, 2). Это эдикт императора Валента от 372 года «Об антиквариях и хранителях Константинопольской библиотеки». Там в числе прочих мер предписывается назначить четырех греческих и трех латинских антиквариюв, специалистов по реставрации и переписке старинных книг, для изготовления новых книг и восстановления старых.

Многочисленные книгохранилища, частные и общественные, рассеянные по городам римской империи, говорят о возросшей роли образования в дряхлеющем греко-римском мире. Повсюду возникают учебные заведения повышенного типа, где преподают, как правило, греческие профессора, риторы, литераторы, историки и философы. Одним из наиболее выдающихся был Дионисий Галикарнасский, поселившийся в Риме после гражданских войн и преподававший там свыше двух десятков лет. Он был великолепным литературным критиком и оставил нам блестящие очерки, посвященные творчеству Фукидида, Демосфена и других древних ораторов и писателей. Он глубоко интересовался и древней историей Рима, оставив нам «Римскую археологию».

Вплоть до самых поздних времен империи продолжали жить древние философские школы, в которых учились юноши из обеспеченных семейств Рима и Италии, Испании и Галлии, Северной Африки и городов провинции Ахайи, как стала называться материковая Греция. Главными центрами просвещения по-прежнему оставались Александрия, Афины, Родос. Как метко заметил некогда Гиббон, «самый последний из афинян обладал живостью ума, изяществом вкуса и языка, привычкой к общению и, по крайней мере на словах, некоторыми признаками того душевного величия, каким обладали его предки».

«Находившиеся в городских предместьях академия платоников, лицей перипатетиков, портик стоиков и сад эпикурейцев были усажены деревьями и украшены статуями, а сами философы, вместо того, чтобы запирались в своей школе, как в монастыре, поучали среди широких и красивых аллей, ко-

торые отводились в различные часы то на умственные занятия, то на физические» ¹⁷.

Кризис империи, постепенное угасание общественной жизни не могли не отразиться на общем состоянии культурного развития Рима. Образно сравнивая историю Рима с историей человеческой жизни, Аммиан Марцеллин рисует картину детства, юности, возмужалости и старческой дряхлости Рима, сопровождающейся падением нравов. Дело дошло до того, — пишет он, — что в дом вместо философа приглашается певец, вместо наставника в ораторском искусстве — знаток актерского ремесла. «В то время как библиотеки подобно кладбищам, закрылись навсегда, фабрикуются водяные музыкальные инструменты...» (XIV, 6, 18). Речь здесь, конечно, идет о частных библиотеках, но общее падение тонаса литературной жизни не могло не затронуть культуру книги вообще.

Из всех памятников античной культуры, накопленных за долгие века ее развития, книги оказались одним из самых ранних. В пламени пожаров, под развалинами древних храмов, разрушенных во время бурных событий последних веков существования западной римской империи, погибли тысячи книг: многие произведения античной литературы оказались утраченными навсегда*. Но, вероятно, еще больший урон причинили собрания античных книг невежество и злоба людей, разжигаемые религиозными предрассудками. Победившее в IV веке христианство рассматривало (по крайней мере, на первых порах своего существования) всю античную литературу и соответственно все «языческие» книги как самого заклятого врага. Памятники античной культуры были неотделимы от античной мифологии (и тем самым — античной религии), и толпы христианских фанатиков уничтожали не только «языческие» капища, но и все то, что в них хранилось, стремясь вытравить всякое упоминание о греко-римских богах. Светские библиотеки постепенно исчезают, и их место занимают церковные христианские библиотеки с их специфической литературой. С какой решительностью отвергалось все связанное с древней античной культурой, видно из сочинений раннего апологета христианства Тертуллиана. В трактате «Об идолопоклонстве» он доказывал, что христианам не следует заниматься искусством (ибо объектом искусства всегда были языческие боги), архитектурой (для изучения которой надо постигать строение языческих

* Достаточно указать, что из 3000 греческих трагедий и комедий, которые были известны в древности, до нас дошло менее пятидесяти.

храмов), а также преподавательской деятельностью (ибо в школах читают языческих авторов).

Но вместе с тем, было бы упрощением и в конечном счете серьезной ошибкой сводить роль христианства только к негативным результатам. В недрах раннехристианской «вселенской» церкви очень рано зародилось и получило распространение иное направление, стремившееся примирить христианство с античной культурой. Деятели этого направления принадлежали к числу высокообразованных людей, прекрасно сознававших истинную ценность памятников античной литературы и искусства; поэтому они прилагали немало усилий, чтобы спасти драгоценные реликвии прошлого от фанатизма своих единоверцев. Развитие новой христианской литературы, усложнение догматов христианского вероучения, теологические дискуссии, для которых было необходимо овладение приемами древней риторики — все это требовало от верхушки церковного клира высокого общеобразовательного уровня¹⁸. У образованных христиан стали возникать «тройные» библиотеки — «римская», где хранились произведения литературы на латинском языке, «аттическая» — с произведениями греческих авторов, и христианская. Об одной такой библиотеке рассказывает Сидоний Аполлинарий (Ер. IV, II, 6).

Указанному направлению в раннехристианской идеологии (одним из видных деятелей которого был также Кассиодор Сенатор, о котором говорилось выше — см, главу VIII) было суждено пронести светоч культуры сквозь долгий мрак средневековья, пока он не зажегся новым ярким светом в эпоху Возрождения.

Глава XI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Плоть и голос дарует письмо сокровеннейшим мыслям:
Их сквозь столетий поток лист говорящий несет.**

Фридрих Шиллер

Великая цивилизация античного мира не перестает занимать и удивлять нас, людей XX века. Восторгаясь мастерством, необыкновенным вкусом и чувством изящного, которые отличают ее творцов — художников, писателей, поэтов — мы не должны забывать, что эти выдающиеся достижения были бы немислимы без высокого расцвета книжной культуры. Известный английский исследователь В. Тарн в своей книге «Эллинистическая цивилизация» как-то заметил, что эллинизм представлял собой мир, «лишенный машин и полный рабов». Он мог бы при этом добавить — «и полный книг». Их становилось все больше и больше по мере продвижения греко-римской культуры в новые области и страны, на Запад и на Восток. Когда в результате неудачного похода против парфян погиб римский полководец Красс, его окровавленная голова была доставлена ко двору парфянского владыки. В момент прибытия гонца, доставившего кровавый трофей, парфянский царь вместе со своими приближенными и всем двором смотрел пьесе Эврипида «Вакханки». Актер, игравший Агаву, схватил голову Красса и торжествующе потрясая ею в воздухе, запел арию Агавы: «Мы несем с собой из далеких гор славную добычу, кровавую дичь...». Нас поражает в этом эпизоде, рассказанном Плутархом в биографии Красса, не столько трагичность событий, сколько то, что искусство трагедии к этому времени уже успело проникнуть в далекую Парфию. Поставить трагедию можно было, разумеется, только обладая ее текстом.

Впервые в истории человечества античный мир создал ли-

тратуру в современном смысле этого слова, с необычайно разнообразными жанрами поэзии и прозы, богатством изобразительных средств не уступающую, а иногда в известном смысле и превосходящую современную, сохраняющую для нас, по словам Маркса, «значение нормы и в известном смысле — недостижимого образца».

В Афинах классической эпохи мы впервые встречаемся с широкими кругами читателей, их вкусами и запросами, представление о которых мы можем получить из комедии Аристофана «Лягушки». В это время, а еще больше в эллинистическую и римскую эпохи, книга становится широко доступным и все более привлекающим людей предметом культурного обихода — в отличие от средних веков, когда книги становятся очень дорогими и редкими. Занятие литературным трудом становится в античности профессией, позволяющей занять определенное положение в обществе. Расцвет литературы приводит в дальнейшем к возникновению литературной критики и науки о литературе и языке — филологии, занимающейся различными сторонами литературного произведения — его содержанием и формой, языком и стилем, художественными особенностями и т. д. Развитие книгоиздательского и книготоргового дела потребовало от древних редакторов значительного труда по установлению подлинного авторского текста, что привело к возникновению текстологии, имевшей ясно выраженные практические цели.

В это время появляются критические направления и школы, часто враждующие между собой, литературно-художественные «салоны» или кружки, где поэты впервые выступают со своими произведениями перед публикой, подвергая испытанию силу их художественного воздействия. Дворы эллинистических царей и позднее — римских императоров становятся своеобразными литературными центрами, влияющими на вкусы читателей.

Высокий уровень культуры приводит к тому, что книги входят в моду; все богатые и просто зажиточные люди стремятся обзавестись библиотекой. Витрувий в трактате «Об архитектуре» предусматривает для нее место в «типовом проекте» виллы (выражаясь современным языком): «Спальни и библиотеки должны быть обращены на восток, ибо их назначение требует утреннего света. К тому же в библиотеках свитки не будут в таком случае плесневеть. Ибо в тех из них, которые обращены на юг или на запад, свитки повреждаются от червей и сырости, так как влажные ветры, проникая в помещение; производят и

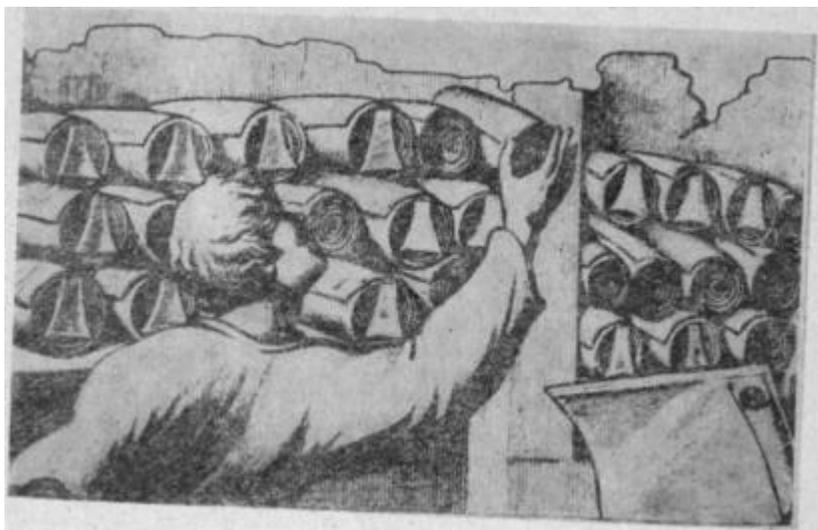

Философ, читающий и комментирующий книгу. Мраморный саркофаг III века нашей эры. Рим, Ватиканский музей

питают червей, а также распространяют сырые испарения, покрывающие папирус плесенью» (VI, 4).

Эти библиотеки представляли собой высокие залы, пол которых был выложен мраморными плитами зеленоватых оттенков (римляне знали, что цвет этот благотворно действует на зрение). По стенам и в центре стояли шкафы с «гнездами» для свитков. Удобные кресла были предназначены для хозяев и их гостей, а статуи Муз и портретные бюсты знаменитых писателей создавали атмосферу подлинного храма наук и способствовали особой приподнятости мысли*. Библиотеки становятся местом встреч и бесед ученых мужей, литераторов и почитателей их таланта (один из диалогов Цицерона происходит в библиотеке загородной виллы римского аристократа Лукулла).

* Многие античные скульптуры, хранящиеся ныне в музеях Италии и других стран, некогда украшали библиотеки и храмы (в которых, как мы видели, часто помещались римские библиотеки).

Античная библиотека.

Живопись римской эпохи

Сицилийский тиран Гиерон снабдил библиотекой даже свою знаменитую галерею. Этот корабль был вначале предназначен для перевозки зерна, но так как его гигантские размеры не позволяли тогдашним греческим портам принимать его, судно было подарено египетскому царю Птолемею и стало использоваться в увеселительных целях*.

Все то, что мы знаем о римских публичных библиотеках, позволяет предполагать, что они чаще всего состояли из двух частей: книгохранилища и читального зала обычно в виде галереи с колоннами (портика). Пол в читальных залах был устлан плитами из темных пород мрамора, а потолки — лишены позолоты, чтобы яркие цвета не раздражали глаз читателя.

Мир античной книги был удивительно похож на современный. Он также знал периоды расцвета и упадка, блеска гениальных изобретений и убогого эпигонства, мелочного и скрупулезного комментаторства, процветавшего в эллинистическую эпоху. От богатых меценатов могла зависеть судьба прекрас-

* В изготовлении этого роскошного корабля (описанного Афинеем в V книге гл. 40—43) принимал участие Архимед.
208

ных произведений искусства, но они же покровительствовали мелким и ничтожным графоманам, имена которых дошли до нас лишь в случайных упоминаниях их литературных противников. Время оказалось самым беспристрастным судьей их произведений.

Сходство с современностью обнаруживается и в разнообразии типов книги. Из рассеянных упоминаний традиции мы узнаем о роскошных изданиях и одновременно — о дешевых, рассчитанных на небогатого читателя, книгах; о книгах гигантского объема и формата — и о книгах-малютках; о книгах, богато иллюстрированных и снабженных учеными комментариями, — и о книгах повседневных, бедных копиях или даже опистографах, написанных на обратной стороне уже однажды использованного папируса...

Та выдающаяся роль, которую книга играла в жизни античного общества, дает нам право утверждать, что в этом отношении оно стояло к современному обществу гораздо ближе, чем пришедший на смену античности феодализм. В эллинистическую и римскую эпоху книга становится предметом домашнего обихода едва ли не каждого грамотного человека. Немало способствовало этому и образование государства Птолемея в Египте, в результате чего производство папируса, этой материальной основы античной книги, оказалось под контролем греков Александрии, точнее греко-македонской верхушки завоеванного Египта. Опытные ученые текстологи Александрии, а затем и Пергама, а также других центров культуры эллинистического мира осуществляли издания памятников литературы и науки в широких, невиданных до этого масштабах.

Литературные и издательские традиции, сложившиеся в древней Александрии на протяжении нескольких веков, не претерпели существенных изменений и тогда, когда появилась новая христианская литература и возникли христианские теологические школы. Первые деятели христианской культуры на Востоке были глубокими знатоками «языческого» литературного наследия.

Помимо Александрии, о культурной роли которой подробно говорилось выше, возникают многочисленные новые центры, в которых расцветают науки и искусства — на островах Родосе и Косе, в далеком Тарсе, расположенном на юге Малой Азии, в Киликии. О Тарсе Страбон пишет с неподдельным восторгом (XIV, 673): «Люди здесь оказались захвачены такой страстью к философии и вообще ко всей совокупности наук

(*παιδεία εὐκλείος* — от этого греческого термина ведет свое начало слово энциклопедия. — В. Б.), что они оставили далеко позади себя и Афины, и Александрию, и любой другой город, который можно только назвать, в котором имеются учебные заведения и философские школы. Город отличается особенно тем, что все, занимающиеся здесь науками и литературой, являются местными жителями, и чужестранцы переселяются сюда неохотно. Сами жители Тарса не все время остаются у себя на родине, но отправляются на чужбину для усовершенствования своих знаний, и усовершенствовавшись, охотно посещают чужие государства; только немногие после этого возвращаются обратно домой». Из этих слов Страбона ясно видно, что важнейшим последствием завоеваний Александра и образования эллинистических государств было также и возникновение интернациональной, если так можно выразиться (то есть не полисной, не связанной с местными традициями обособленного города-государства) интеллигенции, усвоившей общегреческую культуру и общегреческий язык (в основу которых были положены язык и культура древних Афин). Этот общегреческий язык, койнэ, становится языком литературы и науки, на него переводятся памятники восточной литературы (классическим примером служит перевод Библии на греческий язык, так называемая Септуагинта, названная так потому, что согласно христианской религиозной традиции этот перевод был выполнен 72 «толковниками» по повелению Птолемея II Филадельфа. В основе этой легенды лежит тот несомненный факт, что верующее иудейское население Александрии перестало понимать язык Библии, на котором говорили предки).

Как уже говорилось выше, образование и культура, разносимые странствующими учителями, профессорами красноречия, литераторами и философами, постепенно проникали во все слои общества, даже самые низшие: неграмотные (*ἀγράμματοι*) встречаются в эллинистических городах довольно редко. Но вместе с тем, как метко заметил Тарн в уже цитированной здесь книге, создаются два общества: «...Одно общество — людей высокообразованных, и другое, более широкое, которое имело достаточно образования, чтобы читать жадно, но недостаточно, чтобы читать серьезно». Для нужд этого последнего слоя общества создается своя особая литература. Появляются многочисленные писатели, создававшие для широких масс читателей произведения популярного жан-

ра, различные развлекательного характера книги, собрания анекдотов из жизни выдающихся людей, ученых, поэтов и государственных деятелей. Великие произведения литературы прошлых веков теперь далеко не все в состоянии одолеть, поэтому на книжном рынке появляется целая «литература отрывков», разнообразные компендиумы и антологии, а также произведения узко утилитарного характера, затрагивающие самые различные стороны человеческой жизни и деятельности, военное дело, охоту, рыбную ловлю, скотоводство, сельское хозяйство, пчеловодство, посвященные театральному делу, организации пиршеств, и даже толкованию снов. До нас дошла книга некоего Артемидора «Онейроκριтика» — «Истолкование снов», к которой автор присовокупил практическое приложение, состоявшее из примеров снов, которые исполнились. Сочинение излагает целую стройную теорию... Не следует при этом забывать, что этот жанр сохранял свою популярность в течение многих веков, и подобные «сонники» были в большом ходу еще в начале XIX века, во времена, когда жила героиня романа А. С. Пушкина, Татьяна Ларина.

Большую популярность приобрела разнообразная литература типа мемуарной и особенно письма знаменитых людей — из таких в большинстве своем подложных писем составила целая литература. Одну такую фальшивку — собрание писем тирана Фалариса, жившего в VI веке до н. э., разоблачил в XVIII веке крупнейший английский филолог Бентли в своей «Диссертации о письмах Фалариса, Фемистокла, Сократа, Эврипида и о баснях Эзопа». Работа Бентли составила эпоху в истории европейской науки об античности.

Опираясь на многовековой опыт и богатую традицию, греческий язык и греческая литература приобрели такой колоссальный запас прочности и жизнеспособности, что даже язык победившего в политической области Рима не смог скольконибудь серьезно пошатнуть эти позиции. Соответственно этому и греческая книга в новых политических условиях продолжает жить и развиваться. Ее поддерживает сама система римского образования.

Если «низшее» и «среднее» образование в Риме всецело находилось в руках доморощенных учителей (зачастую выходцев из низов римского общества, каким был учитель Горация, «драчливый» Орбилий, бывший кавалерист*, или галл

* Впрочем, благодарная родина Орбилия, город Беневент, почтила его статуей: он был изображен сидящим и облаченным в паллиум (плащ, какой носили философы), у ног его стояли два круглых ящика: в одном хранились греческие, в другом — римские книги.

Антоний Гнифон — вольноотпущенник, ставший затем учителем Гая Юлия Цезаря), то «высшая» школа, где гонорары были значительными и сословие профессоров уважаемым, комплектовалась вначале почти исключительно из греческих учителей. Императоры начиная с Августа сделали приглашение знаменитых и лучших профессоров модой, которой следовало все высшее сословие римского общества. Высшее образование основывалось на обучении ораторскому искусству, и в школах риторов римская молодежь приобретала ту систему энциклопедических знаний, которая к концу античности оформилась в рамках «семи свободных искусств». Излюбленным упражнением в ораторских школах было составление разнообразных речей, предметом которых оказывались надуманные ситуации, где ученики выступали в роли защитников или обвинителей (если разбирался какой-нибудь фиктивный судебный процесс). Среди тем, предлагавшихся ученикам, мы находим, например, речь любовника, застигнутого мужем на месте преступления, или похвальную речь мухе. Особое место в этих школьных упражнениях занимали суазории (увещательные, убеждающие речи) и контроверзы (противоположные по содержанию речи, посвященные одному и тому же предмету). Облеченные в римскую форму, эти речи не смогли устранить следов своего греческого происхождения. Содержание в них отступало на задний план, главным была форма. Необычные выражения, архаизмы, неожиданные обороты, изысканные образы и мысли, блеск антитез, отточенная и часто беспредметная игра слов, преувеличенные выражения чувств, звонкие периоды и бьющие в лоб сентенции, погоня за внешним эффектом — таковы были цели, которые преследовались этими речами. Сочинялись изысканные стихи — так, римский школьник 13 лет, Люций Валерий Пудент, был увенчан на Капитолии лавровым венком за искусную импровизацию греческих гекзаметров. Города Галлии, Испании, Северной Африки приглашали и высоко оплачивали наиболее выдающихся риторов и грамматиков.

Помимо новых центров культуры, каким был, например, Тарс (к нему следует присоединить и такие города, как Эфес, Эги, Антиохию, Тир и многие другие), процветали в эпоху империи и старые центры — среди них прежде всего Александрия. Август проявил особое внимание к этому выдающемуся центру, построив там свой храм, Себастейон, который, по рассказу Филона (Leg. ad Caium VI, p. 151), был оборудован залами для ученых, библиотеками и аудиториями для слушате-

лей. Император Клавдий, отличавшийся особым пристрастием к науке, соорудил там даже второй Музей, так называемый Клавдием, и назначил особые дни, в которые должны были изучаться в одном Музее — его история этрусков, а в другом Музее — его карфагенская история (как сообщает Светоний в биографии Клавдия). Во втором и последующих веках в Александрийском Музее продолжают процветать филологические и грамматические науки, естественные науки, математика и особенно медицина: для врача свидетельство об обучении в Александрии было лучшей рекомендацией.

На протяжении всей истории поздней римской империи греческий язык продолжал оставаться ее вторым официальным языком. Римский император Марк Аврелий (годы правления 161—180 н. э.), «философ на троне», написал свое сочинение «К самому себе» на греческом языке. Это своеобразная записная книжка, которой император поведал свои мысли и впечатления от внешнего мира, дав этическую оценку фактам своей биографии. Но отсюда ясно, что он не только писал по-гречески, но и мыслил на этом языке... Явление это носило повсеместный и всеобщий характер. Оно было обусловлено повсеместным распространением греческого языка и культуры, носителем которой была книга.

Изучение истории античной книги позволяет нам глубже проникнуть в мир, во многом похожий, но в то же время столь отличный от современного. Книга — одно из великих завоеваний чарующей нас непреходящей, прелестью цивилизации, которое часто ускользает от нашего внимания, но которое тем не менее играет важную роль при определении доли античного наследия в жизни современного мира, его культуры.

¹ Ullman B. L. Ancient writings and its influence, Cambr. USA, 1969, Plate I c

² В таблинуме хранился домашний архив, который «сын принимает от отца и считает великой обязанностью передать его своим потомкам как отцовскую святыню» (Сергеенко М. Е. Помпеи. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 157).

³ Massman I. F. Libellus aurarius sive tabulae ceratae et antiquissimae et unicae Romanae in fodina auraria apud Abrudbanyam, oppidulum Transsylvanum nuper repertae, Lipsiae, 1840.

⁴ В 1928 г. в Алжире были найдены около 45 восковых табличек времени вандалского королевства — так называемые «Таблички Альбертини» (См. Tablettes Albertini. Actes prises de l'epoque Vandale, Fin du Ve siecle, Ed. et comp. par C. Saurtois, L. Leschi, C. Perrat, C. Saumagne. P., 1952).

⁵ Hesselting D. C. On Waxen Tablets with fables of Babrius (Tabulae ceratae Assendefthianae). Journal of Hellenic Studies, v. XIII, p. I, 1892, p. 293.

⁶ В греческом тексте глагол ἔχρω, «покрываю воском».

⁷ Церетели Г. Ф. Памятники греческой письменности из Египта. — ЖМНП, 1909, XXIV, с. 482 слл.

⁸ Fröhner. Tablettes grecques du Musee de Marseille. P., 1867 (Annuaire de la Societe fransaise de numismatique et d'archeologie, III, 1868, p. 68—77).

⁹ Восковые таблички были найдены в большом количестве и при раскопках в Геркулануме с 1930 по 1940 гг. Тридцать из них опубликованы в статье П. Каррателли (См. Pugliese Carratelli, La parola del Passato. Nap., 1946, p. 379; Arangio-Ruiz V. Les tablettes d'Herculanum. — Revue internationale des Droits de l'Antiquite, I, 1948, p. 9—25).

¹⁰ Сергеенко М. Е. Указ. соч., с. 149.

¹¹ Dain A. Les manuscrits P., 1964, p. 20.

¹ Известный русский египтолог Б. А. Тураев производил слово «папирус» от египетского слова «папиур», то есть «нильский» (см. «Египетская литература», М. 1920. с. 31). Профессор Оксфордского университета Я. Черны склонен производить его от коптского слова «папуру» («то, что принадлежит царю»).

— Cerny I. Paper and books in ancient Egypt. L., 1953, p. 4 То же утверждает Хельмут Бруннер (Handbuch der Orientalistik, hrsg. V. В. Spuler Leiden, 1959, V. I, S. 59). По мнению Бруннера, этимология слова подтверждает существование царской монополии на производство папируса в Египте.

Слово «библ» производят от одноименного финикийского города, откуда вывозился в глубокой древности этот материал.

² См. нашу статью в сборнике памяти акад. А. И. Тюменева (Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963, с. 271 слл.).

³ Событие это имело место около XI в. до н. э. См. Коростовцев М. Л. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., Изд-во АН СССР, 1960.

⁴ Schubart W. Das Buch bei den Griechen und Römern. Berlin, 1961, S. 6.

⁵ Это географическое название упоминается у Афиней (I, 33 E). Имеется в виду место, находившееся по соседству с городом Саисом, по имени которого также назван сорт папируса.

⁶ Schubart W. Einführung in die Papyruskunde, 1918, S. 45.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ Перевод В. С. Люблинского (На заре книгопечатания, Л., 1959, с. 64). Слова mira patronarum formarumque concordia, впрочем, переводят по-разному. См. Consentius E. Die Typen der Inkunabelzeit. Berlin, 1929, S. 9.

² Печать в СССР в 1971 г., Статистические материалы, М., Книга, 1972, с. 5.

³ Lesne E. Les livres scriptoria et bibliothèques, du commencement du VIIIe Lille, 1938, p. 10.

⁴ Iensen H. Die Schrift. Berlin, 1969, S. 36.

⁵ Iensen H. Op. cit., S. 49.

⁶ Согласно Гардинеру (Cardiner A. Egyptian Grammar, 1957, p. 7) эти ми иероглифами начертано имя царя вражеской страны.

⁷ Иенсен справедливо отмечает, что система иероглифической китайской письменности как нельзя более подходит к характеру китайского языка с его изолирующей, лишенной флексии системой. Заменить ее чисто фонетическим слоговым или буквенным письмом не представляется возможным. (Указ. соч., с. 170).

⁸ «На более высоких ступенях культурного развития все в большей мере давала себя знать необходимость вовлекать широкие круги населения в общее дело общины, производить обмен культурных ценностей и тем самым способствовать их усовершенствованию, не доверять с таким трудом приобретенные культурные навыки преходящему моменту, но завещать их как надежное достояние грядущим поколениям для дальнейшего усовершенствования. Обе цели были достигнуты благодаря созданию письма», — пишет Иенсен (Указ. соч., с. 8—9).

⁹ Г ранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков, М., «Наука», 1972, с. 19.

¹⁰ Крамер С. Я. История начинается в Шумере, М., «Наука», 1965, с. 246.

¹¹ Там же.

¹² Evans A. The Palace of Minos, v. I, L. 1921, p. 618.

¹³ Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции, М.—Л. 1957 с. 4

¹⁴ Там же, с. 349.

¹⁵ См. Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с о. Березань — «Вестник Древней Истории», № 4, 1971, с. 74 слл.

¹⁶ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте, М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 6.

¹⁷ По поводу берестяных грамот см.: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1954; То же, 1963.

- ¹ Перевод О. Д. Берлева (цит. по юн.: Хрестоматия по истории Древнего мира. Изд-во Саратовского ун-та, 1973, с. 11—12).
- ² Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962, с. 152.
- ³ Алишер Навои. Поэмы. М., «Худ. литература», 1972, с. 145.
- ⁴ Тураев Б. А. Египетская литература. М., 1920, с. 9.
- ⁵ Mohamed A. Hussein. Vom Papyrus zum Codex. Leipzig, 1973, S. 15.
- ⁶ Масперо Г. Во времена Рамсеса и Ассурабанипала. М., 1916, с. 194.
- ⁷ Leiboldt I., Morenz S. Heilige Schriften, Leipzig, 1953, S. 12; См. также Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта, с. 163.
- ⁸ Kees H. A'gypten, München, 1933, S. 282. Вопрос о том, существовали ли библиотеки в древнем Египте, стал предметом научной дискуссии. В 1911 году Е. Ричардсон выпустил книгу (*Richardson E. Some Old Egyptian Librarians*, 1911, См. также *Beginning of Libraries*. Princeton, 1914, того же автора), в которой доказывал существование библиотекарей в древнем Египте. Несмотря на возражения Мюллера (*Library Journal*, v. XXXVII, 1912, p. 217) существование в Египте библиотек специального назначения (помимо частных) можно считать доказанным. См. *Sperry I. A. Egyptian libraries*, LIBRI, 1957, VII, p. 147—148.
- ⁹ Перевод названий Б. А. Тураева (Египетская литература. М., 1920, с. 11).
- ¹⁰ Там же, с. 14.
- ¹¹ Вместе с тем, трудно согласиться, с Кеезом, который пишет: «Создать историю египетской литературы, которая была бы чем-то большим, чем обзор случайно сохранившихся книг, или отдельными наблюдениями, высказанными в связи с определенными произведениями, сейчас еще невозможно, да и вряд ли когда будет возможно» (*Kees H. Op. cit.*, S. 291).
- ¹² Там же, с. 285.
- ¹³ *Sethe K Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen, I und II: Der dramatische Ramesseumpapyrus (Untersuchung zur geschichte und Altertumskunde Ägyptens Bd. 10. Leipzig, 1928).*
- ¹⁴ Название «Книга мертвых» принадлежит выдающемуся египтологу Р. Лепсиусу, впервые издавшему ее по позднему списку на туринском папирусе Птолемеической эпохи (*Lepsius R. Das Tottenbuch der A'gypten*. Berlin, 1842). Обычно этот памятник цитируется по изданию Навилля 1886 г. (*Naville Ed. Das ägyptische Tottenbuch der XVIII bis XX Dynastie, 3 Bde. Berlin, 1886).*
- ¹⁵ Имсети был двойником, Хепи ведал сердцем, Кебех-сену-ф ведал музеей, Дуау-мут-ф ведал духом усопшего (Ср. *Богословский* Саркофаг Воронежского музея. — ВДИ, 1973, 2, с. 88 прим.).
- ¹⁶ Тураев Б. А. Бог Тот. Лейпциг, 1898, с. 53.
- ¹⁷ Там же, с. 51.
- ¹⁸ *Leiboldt Morenz S. Op. cit.*, S. 29.
- ¹⁹ Тураев Б. А. Египетская литература, с. 82.
- ²⁰ Перевод здесь и в дальнейшем по изданию: Тураев Б. А. Рассказ египтянина Синухета. М., 1915.
- ²¹ Сходный колофон мы находим в конце свитка, содержащего «Сказку о потерпевшем кораблекрушение»: «Исполнено от начала до конца, как это было найдено записанным, писцом книг, персты которого превосходны, Амен, Амено...» (*Тураев Б. А. История древнего Востока, т. I, с. 251).*
- ²² *Mohamed A. Hussein. Op. cit.*, S. 18.
- ²³ *Breasted I. H. The conquest of civilization. N—V, 1926, p. 53.*
- ²⁴ «Египет, родина папируса, должен считаться и родиной книги»

писал Биссинг (*Bissing F. W. Bücher und Bücherei im alten A'gypten, SB München, Phil-hist. Klasse, M. 1953, H. 8, S. 7).*

- ¹ *Ziebarth E. Kulturbilder aus griechischen Städten. Leipzig, 1912, S. 97.*
- ² О распространенности поэм в древнем мире красноречиво свидетельствует следующий факт: к 1919 году из 470 литературных папирусов, найденных в Египте, 270 содержали отрывки из поэм Гомера. См. также *Lameere W. Pour un recueil de fac-similes des principaux papyrus de l'Iliade et de l'Odyssee,— Scriptorium. V, f. 2, 1951, p. 177 sqq.*
- ³ *Hunger H. Die Papyrussammlung der Oesterr. Nationalbibliothek, Wien, 1962, S. 26.*
- ⁴ *Wilamowitz-Moellendorff, U. V. Reden und Vorträge. Berlin, 1902, S. 227 ff.*
- ⁵ *Wilamowitz-Moellendorff, U. V. Timotheos, Die Perser. Leipzig, 1903.*
- ⁶ В 1962 году во время раскопок в деревушке Девени (близ Салоник) был обнаружен первый открытый на территории Греции папирус. Несмотря на то, что он был сильно обуглен, удалось установить, что на нем был записан текст комментария к орфической Теогонии. Папирус относится к середине IV в. до н. э. и является, таким образом, древнейшей известной нам греческой книгой. См. *Kapsomenos S. G. Der Papyrus von Derveni, GNOMON, 35, 1963, S. 222 ff.*
- Находки папируса с речами Гиперида этим не ограничились. В 1888 г. французский ученый Ревийю (*Revillout*) приобрел папирус с первой речью «Против Афиногена» (опубликован в *Corpus papyrorum Aegypti*, III, fasc. 1).
- ⁸ *Lefebure G. Fragments d'un manuscrit de Menandre, Le Caire, 1907.*
- ⁹ Литература указана в издании: *Menander, Reliquiae, ed. Alfredus Koerte, P. I. Lipsiae, 1957 (ed Teubneriana).*
- ¹⁰ О «тетрадах» см. ниже, главу «Античная книга-кодекс».
- ¹¹ См. *Лурье С. Я. Новая комедия Менандра. — ВДИ, 1960, № 2, с. 176 слл; Тронский И. М. Новонайденная комедия Менандра. — ВДИ, 1960, № 4, с. 55—72.*
- ¹² *Menanders Dyskolos, hrsg. v. V. Kraus, Wien, 1960, S. 10 (SB Oest. Akad. d. Wiss., Phil-nist. Kl. B. 234, Abh. 4).*
- ¹³ *Menandre. Le Dyscolos (Papyrus Bodmer IV), publie par. V. Martin Coligny—Geneve, 1958.*
- ¹⁴ *Handley E. W. The Dyskolos of Menander, London, 1965, p. 41.*
- ¹⁵ *Stoessl F. Personenwechsel in Menanders Dyskolos, SB Oest. Akad. d. Wiss. 234/5, 1960.*
- ¹⁶ То же утверждает и Хэндли (*Указ. соч.*, с. 47).
- ¹⁷ *Указ. соч.*, с. 49.
- ¹⁸ См. *Тронский И. М. «Снкионец» Менандра. — ВДИ, 1966, № 4, с. 54—67.*
- ¹⁹ На четвертом свитке пометки нет, так как начало его утрачено.
- ²⁰ *Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., 1960: второе издание— 1961. См. также: Находки у Мертвого моря. М., 1964.*

- ¹ *Пушкин А. С. Собрание сочинений. М., Изд-во АН СССР, т. XII, с. 34.*
- ² *Dahl S. Geschichte des Buches. Leipzig, 1928, S. 11.*

- ³ Распространяющиеся в настоящее время микрофильмы как будто возродили к жизни древний тип книги-свитка, но это впечатление только кажущееся (микрофильмы имеют вспомогательное значение).
- ⁴ Funke Fr. *Buchkunde*. Leipzig, 1963, S. 50.
- ⁵ Pinner H. L. *The world of books in classical antiquity*. L., 1948, p. 14.
- ⁶ Böckwitz H. *Beiträge Z. Kulturgeschichte des Buches*, Leipzig, 1956, S. 5.
- ⁷ *Berliner Klassiker Texte*, V, 1.
- ⁸ Стихи Марциала здесь и в дальнейшем цитируются в переводе Ф. А. Петровского (Марциал. Эпиграммы. М., «Худ. литература», 1968).
- ⁹ Отделать так книгу называлось у римлян «украсить книгу» (Ornare). См. *Ulpiani Dig.* XXXII, 52, 5: «perscripti libri ... nondum ornati ...».
- ¹⁰ В Египте, где мало дерева, для умбиликов использовали тростник
- ¹¹ См. воспроизведение в книге *Klasicke Ateny*, Bratislava, Tatran, 1970, с. 198.
- ¹² Ср. например, *Grolier Eric de*, *Histoire du livre*, P., 1954, p. 14.
- ¹³ *Swiderek A. W.* «Panstwie» Apolloniosa. Warsz., 1959, с. 31.
- ¹⁴ *Bethe E.* *Buch und Bild im Altertum*. Wien, 1945, S. 11.

Глава VII

- ¹ *Тронский И. М.* Оксиринхская дидакалия к тетралогии Эсхила о Данаидах. — ВДИ, 1957, № 2, с. 146.
- ² *Löffler K.* *Einführung in die Handschriftenkunde*. Leipzig, 1929, S. 49
- ³ Там же, с. 136.
- ⁴ *Dain A.* *Op. cit.*, p. 34.
- ⁵ Документ приведен у *Wattenbach W.* *Das Schriftwesen im Mittelalter*. Leipzig, 1875, S. 155 ff.
- ⁶ Дукт (лат. ductus, от глагола ducō, «веду») — общий характер «ведения» линии пера, выписывающего букву («последовательность и направление начертаний отдельных линий, составляющих букву, как определяет это понятие А. Д. Люблинская — Латинская палеография. М., 1969, с. 12).
- ⁷ *Rothe E.* *Buchmalerei aus zwölf Jahrhunderte*. Berlin, 1966, S. 183.
- ⁸ См. «Антаподосис или воздаяние», а также «Отчет о посольстве в Константинополь» Лиутпранда (Памятники среднев. лат. литературы, М., 1972, с. 57—79).
- ⁹ *Bethe E.* *Op. cit.*, s. 25.
- ¹⁰ Фотоиздание кодекса в двух томах вышло в Лейдене в 1906 г. (*Sijthoff—De Uries*). См. также описание Буберля в *Arch. Jahrb.* 51 1936 с. 114, слл.
- ¹¹ Мегалопсихия изображена также на мозаике IV—нач. V века из Антиохии (См. *Чубова А., Иванова А.* *Античная живопись*. М., 1966 илл. 153).
- ¹² *Сергеенко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949, с. 212 слл.
- ¹³ См. *Mihslau Bohatec.* *Schöne Bücher des Mittelalters aus Böhmen* Prag, Artia, 1970, S. 11.
- ¹⁴ *... I. and the miniatures of Terence*, *Classical Quarterly*, N. S. XXIII, 1, 1973, p. 88 sqq.

Глава VIII

- ¹ *Lake K.* *Codex Sinaiticus Petropolitanus*, Oxf. 1911, *Introduktion Martialis* 1886, S. 78.
- ² *M Valerii Epigrammaton libri*, von L. Friedländer, Leipzig, 1886, S. 78.
- ³ Там же, с. 70.

⁴ *Dziatzko K.* *Untersuchungen über ausgewählte Kapitel des antiken Buchwesens*. Leipzig, 1900, S. 165.

- ⁵ А. Дэн предполагает, что значительная часть литературных папирусов из Египта имеет именно такое происхождение (Указ. книга, с. 20).
- ⁶ Еще в VII в. до н. э. Архилох знал, что Салмидесс — гибельное место для моряка. Призывая все беды на голову изменившего ему друга, он писал: Пускай близ Салмидесса ночью темной
Взяли б фракийцы его...

(Античная лирика. М., «Худ. лит.», 1968, с. 119, перев. В. Вересаева).

- ⁷ *Kannuck B. B.* *Избранные произведения*. М., 1973, с. 34.
- ⁸ Там же, с. 167.
- ⁹ Положения не могут спасти изобретение новых терминов вроде «над-диалекта», применяемых к языку Гомера (Ср. *Тронский И. М.* *Вопросы языкового развития в античном обществе*. Л., «Наука», 1973, с. 109).
- ¹⁰ *Dain A.* *Op. cit.*, P. 35.
- ¹¹ Краткий и очень ясный очерк латинской палеографии дан в книге А. Д. Люблинской (Латинская палеография, М., 1969). См. также *Добиау-Рождественская О. А.* *История письма в средние века*. М., 1936. Фундаментальным руководством по греческой палеографии служит книга *Gardthausen U.* *Griechische Paläographie*, 2 Bde. Leipzig, 1911—1913.

Глава IX

- ¹ Точную датировку содержит P. OXY. 1, 12, Col. IV: «В 112 олимпиаду ... в первый год этой олимпиады Александр сын Филиппа взял Тир и занял Египет».
- ² *Mitteis—Wilcken.* *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde* 1912. В. II, Н. 2 № 36, 226/225 г. до н. э. (Ἀλεξάνδρεια τῆς ἐπιγώνης).
- ³ *Archiv für Papyrusforschung*, t. V, 1910—1911, S. 25.
- ⁴ *Pseudo-Callisthenes.* *Historia Alexandri Magni*, 1, 30, ed. Kroll, Berlin, 1926.
- ⁵ *Rohde E.* *Der griechische Roman und seine Vorläufer*, Berl. 1960, S. 197.
- ⁶ Страбон бывал в Александрии во времена императора Августа и прожил там, по-видимому, несколько лет, с 25 по 20 гг. до н. э. (См. *Parsons E. A.* *The Alexandrian library*. London, 1952, p. 61).
- ⁷ *Mahmud-el-Falaki.* *Memoire sur l'ancienne Alexandrie*, Copenhagen, 1872. См. также *Neroutsos-Bey T.* *L'ancienne Alexandrie*, P., 1888; *Alexandre Max.de Zogheb.* *Etudes sur l'ancienne Alexandrie*. P., 1909.
- ⁸ Со времен Александра почва основанного им города понизилась на 7,5 фута и значительные остатки античной Александрии оказались под водой (*Bevan E. A.* *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London, 1927, p. 7). См. также *Михаловский К.* *Александрия*. Варшава, 1970, с. 8.
- ⁹ Еще в XIII веке Фаросский маяк светил генуэзским и венецианским купцам, пlying на Восток. Маяк считался одним из чудес света, и о нем складывались легенды. Строительство маяка обошлось, по данным древних источников (Плиний) в 800 талантов и продолжалось 12 лет. Зеркало, укрепленное на его вершине, существовало до 712 года, а здание маяка с многочисленными колоннадами, поставленными друг на друга, — до 1274 года. См. *Zogheb A. M.* *Étude sur l'ancienne Alexandrie*. P., 1909, p. 17.
- ¹⁰ *Archiv für Papyrusforschung*, VII, 1924, S. 240 (Berl. Pap. 13045). Папирус относится к I в. до н. э.

По поводу дележа провинций империи после смерти Александра см.

Elgood P. G. Les Ptoleemes d'Egypte. P., 1943, p. 7. См. также *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 23 слл.

¹² Нельзя считать исключенным и то, что Деметрий Фалерский мог продолжать свою деятельность и при Птолемеях в Филадельфе. Христианский писатель Епифаний (*De mensur et pond.* 9) сообщает, как однажды Птолемей Филадельф спросил Деметрия, как много книг собрано в библиотеке. Тот ответил, что собрано 54 800 свитков, но многое еще можно найти в Эфиопии, Персии, Вавилонии, Ассирии, Иудее и др. странах.

¹³ *Beloch K. I.* Griechische Geschichte, B. IV, Abt. 1, S. 324. Berlin, 1925.

¹⁴ He was a patron of Greek letters, and was not himself without culture — *Bell H.* Egypt from Alexander the Great to the Arab conquest, Oxf., 1948, p. 34.

¹⁵ *Крюгер О.* Арриан и его труд «Поход Александра» (в кн.: Арриан. Поход Александра. М.—Л., 1962, с. 22). Впрочем, Арриан хвалит труды Птолемея за умеренность и точность. Как предполагает Корнеман (*Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I. Leipzig, 1935, S. 39) сочинение Птолемея называлось «История деяний Александра»; по мнению Корнеманна, Птолемей следовал здесь манере изложения Фукидида, излагая события по зимним и летним кампаниям.

¹⁶ *Деревицкий А.* О начале историко-литературных занятий в древней Греции. Харьков, 1891, с. 58.

¹⁷ Мнение Тарна (Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 242), утверждающего, будто Александрийская библиотека была создана под влиянием соответствующих учреждений Ассирии и Вавилона, вряд ли может быть принято. Эллада обладала достаточно самостоятельными традициями в этой области.

¹⁸ *Bouche-Leclercq A.* Histoire des Lagides. P., 1903, I, p. 121.

¹⁹ *Rheinisches Museum.* IV, 1830, S. 232; См. также *Ritschl F.* Die alexandrinischen Bibliotheken. Breslau, 1838, S. 3.

²⁰ *Keil H.* Ioannis Tzetzae scholiorum in Aristophanem Prolegomena, Rheinisches Museum, VI, 1847, p. 108 sqq.

²¹ См. *Ritschl F.* Op. cit.: Opuscula philologica, Leipzig, 1866, v. 1.

²² Указ. соч., с. 89 слл.

²³ *Beloch K. I.* Griechische Geschichte, B. IV, 1, S. 424: «Die richtige Erklärung... hat schon Ritsch gegeben...».

²⁴ *Dziatzko K. L.* Tzetzes und das Plautus—scholion, Rhein. Mus. 46, 349 H. См. также RE 'αμιγείε Βιβλοί (Bd. I, 2, S. 183)4.

²⁵ RE s. v. 'αμιγείε Βιβλοί: «In denen mehrere Bücher oder Teile von mehreren Büchern ... sich befinden».

²⁶ *Susemühl.* Gesch. d. gr. Litteratur in der Alexandriner Zeit. L. 1891, I, S. 331 утверждает, что к Зенодоту восходит обозначение песен «Илиады» прописными, а «Одиссеи» — строчными буквами, но это вряд ли может быть принято. Деления на прописные и строчные во времена Зенодота еще не существовало.

²⁷ Если судить по сообщению автора введения к «Илиаде», которое сохранено в кодексе Cod. Ven. A (см. *Зуземль*, Указ. соч., I, с. 333, примечание 22 в).

²⁸ О популярности лексикографических штудий в III в. до н. э. говорит и то, что гомеровские «гlossы» (то есть объяснения непонятных слов) мы находим даже на черепках («острака»). Один такой остракон издал А. Кёрте (*Archiv für Papyrusforschung*, VII, 1924, 243—244), См. также *Wilamowitz U.*, SB Berlin, 1918, S. 739 ff.

²⁹ Рёмер в своей книге (*Roemer A.* Die Homerehexegese Aristarchs in ihren grundzügen, Paderborn, 1924, S. 82) иронически замечает по этому поводу:

«Устоят ли эти необыкновенно тонкие наблюдения перед научным форумом современной зоологии?».

³⁰ *Roemer A.* Op. cit., S. 26.

³¹ *Galen in Hippocr.*, de nat. hom. I, 42, t. XV, p. 105.

³² *Деревицкий А.* Указ. соч., с. 138.

³³ Там же, с. 148—149.

³⁴ Греческий оригинал цитируемого текста Цецеца приведен у А. Дерезицкого (Указ. соч., с. 151).

³⁵ Там же, с. 153.

³⁶ *Rohde E.* Der griechische Roman. Berlin, 1960, S. 20.

Глава X

¹ Лампадной упоминается в послании ритора Фронтон (Epist. 7g E p. 20 Nab) как один из самых известных грамматиков, занимавшихся изданием литературных текстов.

² *Дератани Я. Ф.* Театр Плавта, с. 11 (в кн.: «Плавт Т. М., Избранные комедии, перев. А. В. Артюшкова, М., Academia, 1933).

³ Литература, посвященная Геркуланским папирусам, указана в статье *Barker R.* The Bibliography of the Herculaneum Papyri, classical review. London, 1908, p. 7 sqq.

⁴ См. *Comparetti D.* Villa Ercolaneae dei Pisoni, Atti dell' Accademia dei Lincei, cl. storica, V, 1880; *Comparetti D.*, da *Petra G.* La villa Ercolaneae dei Pisoni e la sua biblioteca, Tor. 1883; *Vogliano A.* Epicuri et Epicureorum scripta in Herculansibus papyris servata. Berl. 1928.

⁵ См. *Bassi D.* I papiri Ercolanesi latini, Aegyptus, VII, 1926, 203—214.

⁶ Все античные источники ссылаются на сборник писем из 16 книг, поэтому замечание Непота об 11 свитках трудно объяснимо. См. *Доватур А. И.*, Античные сборники писем Цицерона, в кн.: Письма М. Т. Цицерона, т. 1, М.—Л., 1949, стр. 404.

⁷ *Гревс И.* AL Очерки по истории римского землевладения. Спб, 1899, с. 255.

⁸ *Aul. Gell.* N. A. XVIII, 4, 1; *Galen.* XIX, 9.

⁹ *Fl. Vopisc.* V. Tac. 10.

¹⁰ Об этой библиотеке упоминает Овидий в «Печальных элегиях» (III, I, 69). См. также *Dio Cass.* XLIX, 43; *Suet.* de gramm. 21.

¹¹ О ней упоминает Плиний в «Естественной истории» (XXXIV, 43). Некоторые полагают, что библиотеке Тиберия, о которой пишет Светоний в цитированном месте, тождественна bibliotheca domus Tiberianae, о которой упоминает Авл Геллий (XIII, 20, 1) и Флавий Вописк в биографии Пропа (II, 1).

¹² Авл Геллий упоминает о ней неоднократно (V, 21, 10; XIII, 19; XVI, 8, 2).

¹³ Об этой библиотеке упоминает Дион Кассий (LXVIII, 16, 1). Авл Геллий изучал в ней эдикты древних преторов (XI, 17, 1).

¹⁴ Позднее, в эпоху Сидония Аполлинария, занимавшего пост епископа Галлии с 472 г., она вновь находилась в прежнем помещении (Ep. IX, 16).

¹⁵ *Birt Th.* Das antike Buchwesen, Berlin, 1882, S. 360. Указание это содержится в древнем описании Рима — *Notitia regionum urbis Romae.*

¹⁶ *Vexov C.* Библиотеки в древнем мире. Варшавские университетские известия, VII, 1899, с. 18 слл.

¹⁷ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения римской империи, ч. IV, М., 1884, с. 374.

¹⁸ Василий Великий в IV веке в речи «О желательности использования

произведений греческой литературы» советовал изучать древних греческих авторов, считая это полезным для воспитания вкуса к искусству слова, а бл. Августин в своей «Исповеди» (VIII, 7, 17) заявил, что интерес к философии пробудился у него благодаря знакомству с произведениями Цицерона.

Об отношении христианских философов Юстина, Климента Александрийского и Оригена к эллинской культуре см.: *Chadwick H. Early Christian thought and the classical Tradition, Oxf. 1966; Wifstrand A. Die Alte Kirche und die griechische Bildung, Bern, 1967.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. В поисках формы и материала	3
Глава II. Восковые таблички	19
Глава III. Папирус	32
Глава IV. Египет — родина книги	47
Глава V. Античные книги из Египта	68
Глава VI. Античная книга-свиток	90
Глава VII. Античная книга-кодекс	107
Глава VIII. Издание книги	127
Глава IX. Александрийская культура книги	143
Глава X. Книга в древнем Риме	171
Глава XI. Заключение	205
Примечания	214

Владимир Григорьевич Борухович

В МИРЕ АНТИЧНЫХ СВИТКОВ

Редактор *Р. Ф. Носкова*

Художник *П. И. Карчевский*

Технический редактор *Л. В. Агальцова*

Корректор *Т. П. Иванова*

НГ54122. Сдано в набор 27.V.4975 г. Подписано к печати 29.IV.1976 г.

Формат 60X84718. Бум. тип. №> 3. Усл. печ. л. -13,02(14)

Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 10 000 экз. Заказ 6100. Цена 80 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42

Типография издательства «Коммунист», Волжская, 28